

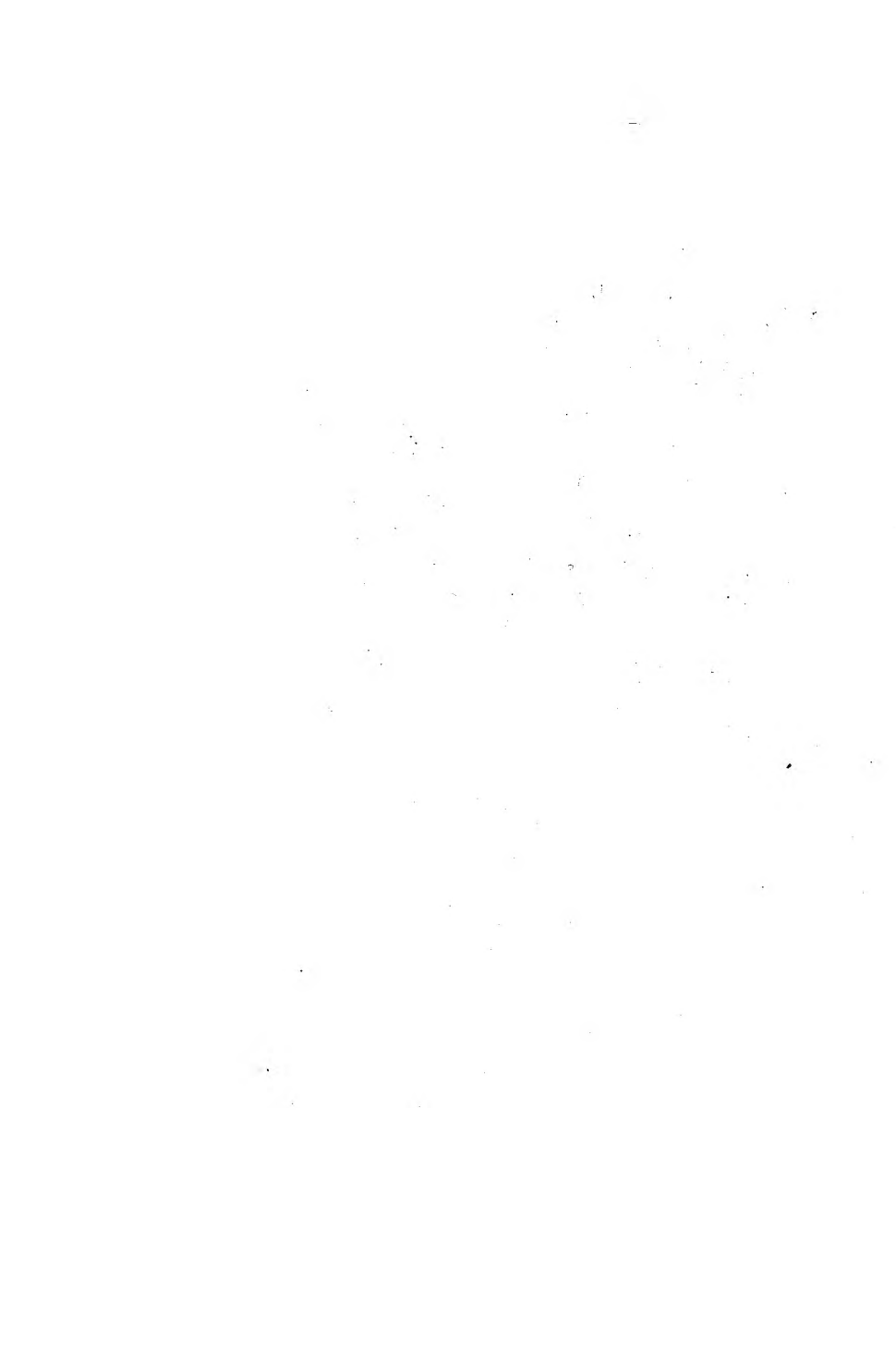
Λ 2017

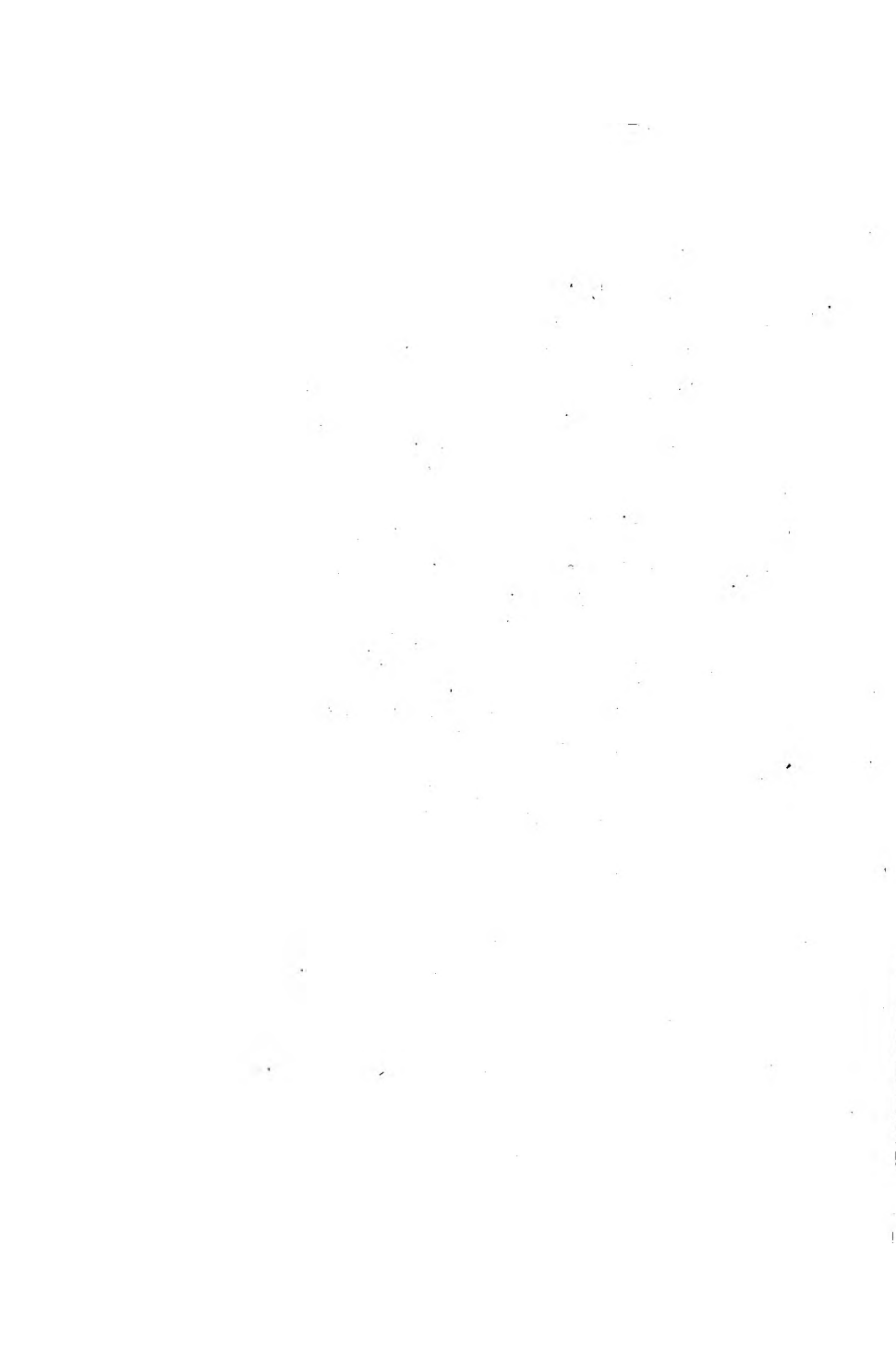
4627к

ЖИЗНЬ

БЕЗ ПРИБАВ

Орис ЯШКУРОВА





О. ЯШКУРОВА

ЖИЗНЬ БЕЗ ПРИКРАС

*Сборник
рассказов и повествований*

MEP-PRESS
Алматы-2017

ӘОЖ 821,512,122

КБК 84 Каз-44

Я 963

«Выпущено по программе

«Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, сохранение, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела», подпрограмме

«Приобретение, издание и распространение социально-важных видов литературы»

Министерства культуры и спорта Республики Казахстан».

Авторы перевода:

Гульмахира Нурбекжызы, Айдын Ешанов

Орис Яшкурова

Я 96 ЖИЗНЬ БЕЗ ПРИКРАС; художественная литература/

Орис Яшкурова; – Алматы, «Мер-Press», 2017 – 342 стр.

ISBN 9978-601-03-0464-2

Член Союза писателей Орис Яшкурова является автором ряда книг, вышедших в рамках государственного заказа. Ее поэтическое дарование и мастерство прозаика ярко раскрыты в ранее опубликованных ее произведениях, таких как, «Сексеуілдің шоғы», «Қараша қаздың қаңқылы» (сборники стихов), «Шенеунікше тактика» (сборник сатирических рассказов) получили высокую оценку соратников по перу и читателя.

В предлагаемом сборнике рассказов и повествований автором с особой колоритностью, демократичностью, глубоким содержанием и сочувствием, любовью к простому казахскому народу переданы будни нынешнего рыночного времени, убежденно-правдиво, реалистически показана жизнь людей из отдаленных аулов, а также городов страны.

Сборник переведен впервые на русский язык и предназначен для широкого круга читателя.

ӘОЖ 821,512,122

КБК 84 Каз-44

ISBN 978-601-03-0464-2

© О. Яшкурова, 2017
© «Мер-Press». 2017

СВЕТ ТЕМНОГО ДОМА

В том доме поселилась тишина. Никто громко не говорит. Громко не смеются... не улыбаются. Даже не кашляют громко и не чихают. Говорят: «Скотина уподобляется хозяину». И скот в загоне этого дома такой же. Коровы не мычат. Бараны-то, издавна немые животные, не блеют. Был бы осел, возможно ревел бы, но в этом доме он и раньше не водился, и теперь его нет. Петух не кукарекает. Даже курицы не кудахтают. В других домах петухи с утренней зари не знают покоя. А петух этого дома, кажется, злится на петухов в округе. Когда слышит их, он сурово приподнимая крылья, тряхнет пухлым красным хохолком, но не издает ни звука. Глядя на них, иногда невольно думаешь, что даже скотина, видимо, интуитивно чувствует настроение хозяина, который кормит их с рук.

Дремлющий в тишине этот шестикомнатный, покрытый белым шатром, высокий дом, считается самым роскошным

домом поселка. Заборы дома сделаны из дерева и украшены узорами. На крыльце дома расположена скамейка. Летом ее окружают листья винограда и осеняют своей тенью. На левом крыле дома — гараж на две машины. Ближе к правой стороне расположен срубленный глубокий колодец, который открывается и закрывается крышкой. На задней стороне дома — гнувшаяся под плодами красная джида и другие различные фруктовые деревья.

Хозяин этого дома главный бухгалтер поселка Болысбайулы Асембек. У Асембека шесть девочек погодок. Сыновей у него нет. Двое из шестерых девочек живут в Алматы, двое — в Турции, и двое учатся в Корее. У самой старшей дочери хорошая должность. Работает в районной налоговой инспекции. Там же вышла замуж за джигита из Старшего жуза. Вторая дочь тоже работает в районе рядом с Алматы. Остальные четыре дочери нашли свое счастье там же, где и обучались — у турков и у корейцев.

Конечно, супруги не совсем были довольны тем, что все дочери, словно договорившись, вышли замуж за представителей других наций. Но обращать внимание на пересуды родственников тоже не стали. Все молча несли в себе, пропуская через сердце.

Как-то старшая дочь Асембека Айганша с мужем засобирались в командировку в Америку, и они на летний период привезли своего 3-4-х летнего сына к родителям, чтобы они присмотрели за ним. Пухленький миловидный светлый мальчуган не боялся никого и быстро стал любимчиком всех соседей. Как же безжалостна судьба, не прошло и трех дней, как малыш, игравший во дворе провалился в колодец, крышка которого случайно осталась открытой, и погиб в одночасье. Этот внезапный случай принес немало горю всем жителям поселка. Все расстерялись, не зная, как сообщить родителям, находящимся за границей.

Асембек вмиг поседел. А жена его Маусым,

которая была надменной и с некоторым пренебрежением и пренебрежением относилась к другим, упала в обморок, и оказалась в больнице. Родители малыша прилетели через пару дней и увезли тело ребенка в Алматы.

После случившегося трагического события этот дом окутан гробовой тишиной. Немая тишина. Темень. Иногда дом кажется совершенно нежилым. Супруги не сочли нужным выслушивать соболезнования родных и близких. В дом реже стали заходить люди. Только большие ворота не закрывались изнутри как раньше, наоборот, всегда оставались открытыми настежь.

Так как вода колодца казалась особенно вкусной, соседи раньше брали здесь воду для питья. На следующий день, после того, как вытащили из колодца тело мертвого внука, Асембек завез целую машину щебени, и набил им более половины колодца, вторую половину засыпал глиной. Некоторые люди поддерживали его поступок, другие говорили, что «поступил неправильно».

Через год Асембек привез из города зеленый саженец ели и посадил в землю, которой был засыпан колодец. Если взглянуть внимательно, ель кажется живой. Невольно притягивает взор. Совершенно зеленая. Очень красивая. Так как ворота всегда открыты, проходившие мимо люди невольно смотрят на нее.

Когда бы то ни было, Асембек дымя сигаретой сидит во дворе с женой, и они, не отрывая взгляда, смотрят на ель. Другие их дочери больше уже не стали привозить к ним внуков, и не навещали так часто, как бывало раньше. И они к ним не ездили. Вся их жизнь проходила внутри одного двора, возле зеленой ели.

Асембек потерял покой и сон. Все время ему слышится отчаянный голос, падающего в колодец внука. Пришлось прибегнуть к помощи лекарств. А у его жены, Маусым, постоянно повышалось

артериальное давление, появились боли в сердце. Теперь к ним часто приезжала машина «скорой помощи», иногда врачи забирали их с собой. Им пришлось нанять человека для присмотра за скотом. Эти два человека, которым пришлось перенести подобный удар судьбы, иногда даже не зажигая огня, рано ложились в огромном, как дворец, доме. Среди ночи снова вставали.

В один из таких дней, ранним утром Асембек соскочил с места, услышав плач ребенка. Его стал бить озноб. Будто ребенок плачет приглушенно и обессиленно... И Маусым, лежавшая рядом, соскочила с места. Когда они выбежали на улицу, то увидели возле ели белую свернутую пеленку. Звук ребенка издавался из этого свертка... Рванувшись вперед, они одновременно протянули руки, и занесли сверток домой. Когда они, суетясь, развернули пеленку, о боже..., увидели черный комочек... черного ребенка негроидной расы... новорожденный ребенок... мальчик... Когда сняли с головы ребенка пеленку, то увидели иссиня черные кудрявые волосы. Сопел и лежал теплым комочком. Маусым стала дальше аккуратно разворачивать пеленку, в поисках чего-либо еще. Вот он, клочок бумаги. Записка была написано красивым почерком на русском языке. Видно, что писали неспешно и вдумчиво.

«Прошу вас не обращать внимание на особый цвет кожи ребенка. Он принесет счастье в ваш дом. Не сдавайте в сиротский приют, усыновите его. Прошу вас, не судите меня строго...» Проставлены день, месяц, год.

В этот момент ребенок, словно говоря: «Прочитали, теперь смотрите на меня», — издал пронзительный звук.

— Ойбу, что же нам теперь делать? Чем же будем кормить этого ребеночка? Наверное, проголодался. Что будем делать? Кому надо сообщить?... — супруги растерялись окончательно.

— У кого в ауле есть маленький грудной ребенок?

— Может быть повезем его в детскую больницу?

— Тихо, ребенок же не казах, и не русский даже. Ребенок цветной, откуда же он появился здесь?

— Ладно, об этом узнаем потом. Садись в машину, поедem в милицию, — сказал Асембек.

— Не-е-нет. Этого ребенка к нам подкинул кто-то знающий нас. Прочитай снова, что написано на бумаге. Пишут: «Принесет счастье в этот дом». Это точно кто-то, знающий нас. Если мы его отвезем, обратно нам его не видать. Надо быстрее накормить его. Нужно молоко.., — Маусым прижала к груди плачущего ребенка.

Пеленки ребенка были влажными. Маусым стала искать тряпку, чтобы его перепеленать.

Затем вспомнила, что жена двоюродного брата, которую она недолюбливала, недавно родила ребенка. Может быть, она накормит ребеночка, хоть разок. А там видно будет.

— Поехали домой к Сауле. Подготовь машину! Все, — нетерпеливо произнесла Маусым.

Через короткий промежуток времени они остановили машину перед домом родственников.

— Ойбай, ведь ребенок совершенно черный, он же негр. Перестаньте, апай, не тянет душа к нему. Не могу кормить, — стала отпираться сноха.

— Боже ты мой, у нас в стране нет подобной расы. С неба, что ли, упал?..

— Милая моя, ну что же теперь ты хочешь, чтобы ребенок умер с голоду? Дай же ему, хотя бы разок пососать грудь, — вмешался Асембек. Тут проснулся и муж. Асембек и Маусым стали объяснять ему ситуацию. Тот тут же стал орать:

— Эй, ...дай пососать, сдохнешь, что ли? Да что же это ты жалеешь свою, подобную резине, грудь?!..

Как только женщина приложила ребенка к себе, тот, словно ягненок, устремившийся к матке, стал сосать пахнущую молоком грудь...

...Несмотря на свой высокий авторитет, Асембеку

не сразу удалось получить права на воспитание этого ребенка.

Нашлось много причин, препятствующих ему, что ребенок «может создать межгосударственную напряженность», «возможно обострение международной обстановки», таким образом, вопрос о подкидыше дошел и до района, и до комитета государственной безопасности.

На доводы Асембека:

Письмо, найденное в пеленках ребенка, предназначено нам. К тому же ребенка оставили перед нашим домом. Исходя из этого, разве мы не имеем право записать ребенка на себя? — отвечали:

— В письме конкретно не указано ваше имя.

В конце концов, уполномоченные органы решили определить ребенка, как подкидыша, в детский дом. Затем, Асембек и Маусым, в порядке, определенном законодательством, подадут заявление на усыновление. Через месяц, после рассмотрения заявления Асембеку и Маусым будет дано право на усыновление. И только тогда они смогут записать его на свое имя.

Долго размышляя, Асембек решил ребенку дать имя Аманат (дословно — наказ). «Ведь человек оставивший ребенка у нашего дома доверил его нам, то есть ребенок — его наказ нам», — решил он. Он решил, что имя выбрано правильно. Таким образом, ребенку дали свидетельство, в котором отцом был указан Асембек, а матерью — Маусым.

Для этого ребенка Асембек держал во дворе трех дойных коз. Маусым кормила ребенка козьим молоком, сливками свежего молока, пшеничным и кукурузным толокном, хорошо отваренным и пропущенным через мясорубку мясом ягненка, свежим бульоном.

Жители аула говорили о происхождении ребенка: «Кто же мать этого ребенка?», «Почему ребенка оставили именно у дома Асембека, а не у других?», «Возможно, ребенка родила от человека черной

расы одна из девушек этого аула, обучающихся в другом городе, и оставила у дома», «Чьи же девочки учатся в Турции и в Москве?», «Возможно, это дочь таких-то?». «Нет, этого не может быть», «Может быть это та девчонка?» и т.д...

Что бы там не думали люди, вместе с этим ребенком в дом Асембека вошли особые свет и сияние. У супругов не осталось времени на хворь. Вместе с заботами о маленьком цветном ребенке забылись все невзгоды. К полудню его выносят на улицу. Прогуливают во дворе в красивой коляске. Своевременно возят к врачу, следят за его здоровьем. В заботах и хлопотах даже не заметили, что ребенку исполнился годик и он стал ходить.

В честь дня рождения ребенка Асембек собрал всех родственников, с которыми давно перестал общаться, и закатил пир. «Свет моего темного дома, светик мой, ненаглядный» радовалась Маусым, и радостно раздавала подарки родственникам, собравшимся поделиться с их радостью. Это была не прежняя Маусым, не осталось и следа от надменности и высокомерия. Все родственники и соседи удивлялись ее искреннему радушию и услужливости. Удивляясь, с радостью говорили:

— Бог дал им двоим этого ребенка. О, Аллах, иначе они, возможно и умерли бы в этих четырех стенах.

Маусым обращается к ребенку то «светик мой», то «лучик моего темного дома». Как бы она не обращалась, ребенок бежит к ней с распростертыми объятиями. Миловидный малыш.

И Асембек не знает покоя:

— Вон, смотри, мычит корова, му-му... Пойдем к овцам... Они говорят «Бээ, бээ-э». Смотри, петух... Кука-ре-ку...

Онемевший скот этого дома тоже ожил. Мычат, блеят.

Маленький Аманат озарил своим светом все вокруг.

Но у супругов в глубине души поселились

большие опасения. Первое опасение, что если в один из дней перед домом остановится машина, из которой выйдет девушка или женщина, и со слезами произнесет:

— Простите меня. Это я оставила вам своего ребенка... О чем очень сожалею. Прошу вас, верните мне его., — и что же нам тогда делать?

Второе — завтра, когда ребенок пойдет в школу, вдруг дети аула начнут его дразнить: «Ты чернявый, ты негр» или же обидят его словами: «ты подкидыш, ты приемный ребенок»... В конце-концов, все эти сомнения и опасения подтолкнули супругов к одному важному решению.

На следующий год Асембек и Маусым без всякого сожаления продали свой шестиконнатный дом со всем подворьем, и переехали из родного аула в Караганду.

— Из-за подкидыша покинули родной очаг...

— Они что, думают, он будет благодарен им за их доброту?..

— Апырай, неужели какой-то негритенок дороже им своих шестерых дочерей?.. — вновь стали осуждать и обвинять их родственники.

Пусть осуждают. Он не знали, что спустя двадцать пять лет заговорят по-другому...

...До аула дошла весть «Сын Асембека Аманат приехал в нашу область главным инженером нефтяного завода».

— Апыр-ай, это тот самый «свет темного дома»?

— Он самый... Тот самый светик Маусым.

— Да-а, дал же им Бог...

— Так они же уехали из аула из-за этого ребенка... Наверное, теперь навещат родной аул.

— Если бы навестили, то увидели бы, какой вымахала та самая зеленая ель у них во дворе. Колышется во всей своей красоте...

— Это же память о внуке, погибшем, провалившись в колодец...

Так говорили в народе. В следующий раз уже говорили:

— Сын Асембека выступал по телевидению. Оказывается сказал: «Проведем газопровод в аул. Теперь в каждом доме будет голубой огонек». Внешне не похож на черную расу. Кажется, больше походит на арабов. Миловидный джигит. Но нельзя сказать, что свободно говорит на казахском.

Следом:

— Асембек и Маусым, оказывается, приедут в аул, чтобы познакомить сына с родными местами. Давайте, организуем достойную встречу, — обсуждали родственники между собой.

— Будем приглашать по-очереди, резать барана, устраивать приемы.

— Когда-то я кормила его грудью, интересно, сказала ли ему об этом апай, — вспоминала жена двоюродного брата Маусым, — они же ровесники с моим Куатом — свет темного дома.

В то время как родственники Асембека суетились и хлопотали по поводу предстоящего визита, в этом же ауле бывшая учительница, ныне пенсионерка Гульбарша переговаривала с дочерью Марусей, которая жила в Астане.

— Доченька, новость в ауле. Говорят, Аманат приезжает в аул с родителями, родственники вовсю готовятся. Не хочешь увидеть сына...

— Нет, мама, не могу приехать. Не могу бросить работу, — говорил голос на другой стороне трубки. Затем повышая голос:

— Мам! Интересная ты! Ну, скажем, увидела... и что от этого? Признаваться, что я биологическая мать? Я же говорила вам, не нужно вообще приближаться к ним... Все, на этом разговор окончен.

— Горемыка ты моя, несчастная. И мужа рядом нет. И других детей, которых приголубила бы — тоже Бог не дал. Торчишь одиноко, словно кол, все ради карьеры... Эх, доченька, что же мне поделать, — недовольно роптала мать. Затем, окунувшись в тайны прошлых лет, про которых запретила себя думать...

...Муж Гульбарши был участником отечественной войны. Разница в возрасте между ними была около двадцати лет. Когда уже в позднем возрасте, познав и горести, и радости жизни, довелось познать радость отцовства и материнства — родилась дочь — радости Пернебека не было предела. Чрезмерно баловал ее. Назвали ее Марусей, русским именем нарекли (в честь медсестры, которая оказывая им медицинскую помощь, пала на войне; они тогда все друзья по оружию дали друг-другу клятву, если вернутся живыми с войны, поженятся и жены родят дочек, назовут девочек Марусей). Даже родившегося после нее сына Арыстана он не баловал, как дочку. В советское время в ауле была только русская школа. Дочь в школе хорошо овладела и русским, и английским языками, к тому же проявляла хваткость и училась отлично. Благодаря знаниям и деловитости, легко поступила в один из ведущих университетов Москвы. Отец ушел из жизни через год, после поступления дочери в вуз. Может быть, это и к лучшему, что он покинул этот мир. Не знал о последующей судьбе любимой дочери.

— Мама, я беременна — сказала приехавшая на похороны отца дочь.

— Только не спрашивай, кто его отец... Я... я... не хочу бросать учебу...

— Ойбай, доченька, ты что, вышла замуж за отца ребенка?

— Нет!.. Замужества не будет... Просто я опоздала сделать аборт. Теперь придется рожать.

— Доченька.., эх, доченька, что скажем людям...

— Мам, не знаю. Так получилось... Итак у меня изранена душа, не говори мне, пожалуйста, ничего... — дочь заревела в голос, закрыв лицо платком.

Гульбарше тяжелее смерти мужа было переносить слезы и беспомощное состояние дочери, которая росла баловницей, не зная запретов и забот.

— Горемыка ты моя, как жы ты попала в подобную

беду. Ты же была разумной, рассудительной... — говорила мать, добавляя ей печали.

Для Гульбарши, которая и так понесла невосполнимую утрату, это был нелегким ударом. Все свое горе загнала вовнутрь, замкнулась совсем.

— Мам, — сказала дочь перед отъездом, — нет у меня дела до пересудов людей. Приеду всего лишь на три дня. Моя цель — безшумно родить дома. Ребенка оставляю Вам... Начнутся экзамены. Если пропущу, отчислят... Продумываю и другие варианты... Никому об этом ни слова...

Гульбарша была удивлена тем, что дочь все уже решила для себя, словно отрезала. Будто все в жизни схоже с часами, которые тикают, показывая точное время. Рожать первого ребенка дома ни так просто, как кажется. Как же она собирается рожать без помощи врача... Конечно, теперь люди скажут: «Поехала девчонка в Москву, сбилась с пути, испортилась»... Ладно, пусть будет так. Все равно люди увидят, узнают... Пока она проводила время в подобных размышлениях, приблизилось и время приезда дочери.

Она потеряла покой и сон. Стала просыпаться ни свет, ни заря. Встает, и все возится. Сходит в школу, отведет 3-4 урока, затем снова и снова думает: «Чем же закончится все это?»

Как-то встала спозаранку сподобными мыслями, и только решила выйти и посмотреть, не отелилась ли корова, как увидела в окно силуэт дочери. Гульбарша поспешно побежала к двери. И увидела пред собой бледную растерянную дочь. Она была в смятении, будто совершила преступление...

— Мам, только выехали из Москвы, начались схватки и родила в поезде. Там, среди пассажиров оказался врач, который помог мне. Возможно, Аллах помог мне таким образом. Пришлось выйти в Таразе, приехала на такси.

— О боже, где же ребенок?

— Мам... не знаю, Вы что подумаете... Я

оставила его возле дома Асембека... Долго думала, и решила, что так будет правильно. Они воспитают.

У них ведь умер внук. Вместо него.., это тоже мальчик...

— Апыр-ай, мальчик, говоришь? Доченька, как ты могла оставить его на улице? А что, вдруг если с ним что-то случится, и он погибнет? Как ты можешь отдать своего ребенка кому-то? Апырай, как жалко-то ребенка?! — мать была в растерянности и замешательстве.

— Мам, все уже сделано. Не говори мне больше ничего, — и дочь, ссутулив плечи, прошла во внутреннюю комнату.

Теперь Гульбарше стало жалко дочь. «Только родила и на ногах, как бы не заболела, бедняжка? Вон, как ее знобит, зуб на зуб не попадает. Горемыка моя, совсем уж растеряная», — бормотала про себя.

— Попей горячего чаю. Укутайся в одеяло, — Гульбарша стала стелить постель для дочери. — Осторожно с грудью. Хоть сумела покормить ребеночка своего...

— На поезде несколько раз пососал... Мам, что-то меня лихорадит. Кажется, поднялась температура... Есть таблетки? Меня пока никто не видел. Ночью уеду обратно. Сяду в самолет в областном центре. Сейчас Вы сходите в сторону дома Асембека на разведку...

Мать так и сделала. Встретившаяся по дороге женщина сказала новость: «Перед домом Асембека, оказывается, оставили новорожденного ребенка негритенка, и говорят, чтобы вскормить его грудью, Маусым повезла его к своей снохе Сауле»... Услышав слово «негр», Гульбарша еще больше испугалась. Но старалась не показывать свой страх. Когда вернулась домой, у нее не хватило смелости спросить у дочери, откуда взялся «цветной» ребенок. Дочь, приехавшая с утренней зарей, под покровом ночи уехала обратно.

С тех пор прошло уже много лет, дочь так и

не вернулась. Окончила учебу. Живет в большом городе, занимает высокую должность. Кроме семейного счастья, имеет все. И дом, и работа, и почет, и уважение. Поставила на ноги единственного брата Арыстана. Он уже обзавелся семьей. Является директором школы, которую сам когда-то окончил. Не дал потухнуть огню очага своего отца, там и живет. Не жалеет помощи и от родственников.

О том событии, кроме нее с дочерью, ни единая душа до сих пор не ведает. Никто и не заподозрил Марусю. Когда в ауле говорили «Маусым и Асембек делают той в честь годовщины со дня рождения ребенка», она не нашла повода пойти и поздравить, так как не общалась с этой семьей. Теперь вот, кажется, появляется возможность хоть раз посмотреть на него. Но, как же пойдет? Что скажет? Не видит ни единой причины. Тот прежний дом Асембека продан. У кого из родственников он, интересно, остановится? То ли возраст диктует подобные порывы, как никак уже под семьдесят, Гульбарше очень хотелось увидеть того самого ребенка, который вышел из чрева ее дочери.

«Ладно, схожу в центральный магазин. Там много народу, кто-нибудь, да скажет про новости аула. Наверняка получу какую-нибудь весточку», — подумала она, и стала собираться. Одела парадную одежду. В дверях остановил сын Арыстан. Сам тоже, оказывается, одел парадную одежду для официальных событий.

— Мама, Вы куда? Давайте, отвезу куда надо...

— Да, так просто. Хотела сходить в магазин, купить кое-что по-хозяйству...

— Сегодня в 11 часов в конторе собирается народ. Приедет «совершенно белый» человек по имени Аманат Асембек. Он провел в аул газопровод... Хочет встретиться со всеми аксакалами аула. Я читал в газетах, что он баллотируется кандидатом в депутаты областного маслихата. И фотографию его видел. На казаха он не похож.

Гульбарша растерялась, не зная что ответить

сыну. Сама себе скомандовала: «Спокойствие!»

— Е, Арыстанжан, он же тот самый свет темного дома. Подаренный семье Асембека Аллахом ребенок... Тогда ты учился то ли в седьмом, то ли в восьмом классе...

— Мама, мы хоть и были детьми, знали все. Дети в ауле все время рассказывали друг другу, что: «Ребенок негр. Кто-то оставил возле ели во дворе Асембека». Мы часто ходили к дому Асембека и высматривали через забор ребенка негра. Но ни разу не увидели. Они же потом переехали... Теперь вот тот самый ребенок проявляет заботу о людях... Пойдут все учителя школы. Я по сценарию официальной встречи буду выступать с речью, выражать благодарность за газопровод. Учащиеся будут вручать букеты цветов.

— Отвези меня туда, сынок, — сказала Гульбарша спешно. — Если будет возможность, сяду в самый первый ряд.

Перед конторой аула было много народу. Все приветствуют Асембека и Маусым. И Асембек, и Маусым, несмотря на преклонный возраст, выглядят молодо. Маусым поправилась и даже похорошела. Рядом бегал пухленький двухлетний внук. Он был не слишком черным, но темным. А глаза большие, как у верблюжонка, и черные.

— Это первенец моего светика, наш внук, — знакомила Маусым окружающих людей.

Выйдя из машины, Гульбарша тоже подошла к этой группе. Но не стала подходить близко к Асембеку и Гульбарше. Не отрывая глаз, смотрела на темного пухленького мальчугана. Вдруг у нее затряслись пальцы.

Многие стали почтительно здороваться с матерью директора единственной в ауле школы. Она не глядя на них, не отрывая глаз от ребенка, бормочая: «Тауба, тауба!», шла вперед.

В это время подъехала еще одна машина, и люди ринулись к ней. Из машины вышли директор

поселка, аким района, помимо них — высокого роста, с густыми усами, добрыми глазами, черными кудрявыми волосами статный джигит в сером костюме и белой рубашке с красным галстуком, который стал за руки здороваться с аксакалами аула. Тут, смуглый ребенок, который стоял рядом с Маусым, узнав среди толпы отца, со словами:

— Папа, папа, — протягивая руки, побежал к отцу. Только тогда Аманат и увидел своих родителей.

— Вы что, удивить меня решили? — сказал он, поднимая ребенка на руки.

— Сынок, это — наш край, твой родной аул. Это место, где мы росли. Как узнали, что ты выезжаешь в наш аул по работе, мы тоже приехали, не известив тебя. Не обессудь нас за это, — сказал Асембек сыну.

— В детстве мы тебя называли «свет темного дома» произнес кто-то из толпы, как бы говоря «я близок твоим родителям».

Гульбарша села на место в первом ряду большого зала, в котором должно было проходить собрание. Сегодня собралось много народу. В зале не было свободных мест, те, кто пришли позже, стояли. Много людей выходило на трибуну по-очереди. Что было сказано, кто о чем говорил, Гульбарше не было до этого дела. Все ее внимание было приковано к Аманату. Изучая до ряби в глазах, она смотрела на его облик. «Надо же, хоть бы какое было сходство с Марусей? И не скажешь, что она его родила. Совершенно другой. Чужой», — заключила она.

— Ладно, пусть будет добрым к родителям, которые его вырастили, — сказала она про себя. После этого ей показалось, что теперь она поняла Марусю.

Гульбарша поняла, что нет никакого смысла в раскрытии тайны этого замка.

ОДНОРОДНЫЕ

Настали другие времена. Возможно причина именно в этом, что живущие ныне люди, не такие как раньше, несколько иные. Не совсем плохие, чтобы разочаровываться, и не хорошие, чтобы интересоваться. Их в обществе стали называть «однородными людьми».

Эти однородные люди не делятся на «женщин», «мужчин», «молодых» или «старых». Сказать «мужчина» — не скажешь, у каждого второго из этих мужчин волосы если не по пояс, то по-крайней мере, покрывают плечи. На шее блестящие цепи, на пальцах — кольца, на руках — браслеты. Сказать «женщина», тоже никак нельзя: эти самые женщины носят брюки, на голове шапки, между красивыми губами, накрашенными яркой помадой, торчит сигарета.

Короче говоря, и мужчины, и женщины внешне похожи. Старые и молодые — точно так же. Не отличишь ни по одежде, ни образу жизни. Но цели, мысли и самые сокровенные

помыслы у всех у них, в основном, одинаковые. Любым способом обогащаться, еще раз обогащаться и быть очень богатыми.

Однородные люди все, как один, люди, освоившие различные виды наук, образования, разных политик. Поэтому они считают себя настоящими патриотами страны. Если вдруг вам доведется слушать их беседы, диву даешься узнав, что никто и никогда, как они, не любил свою страну, землю и родину.

Если вы послушаете их дискуссии и полемику о политике, то вы непременно поскользнетесь на ровной дороге, по которой шли. А как они информированы и осведомлены?!... Они вооружены всеми источниками информации. Глядишь со стороны на подобных однородных, и невольно сам станешь мыслить однородно.

Недавно в наш аул дошло странное известие, которое всполошило все население.

— Хотите верьте, хотите не верьте, но теперь будет облагаться налогом кизяк коров, баранов и коз в загоне. Поэтому, ваш скот теперь не может вольничать как раньше и «бросать» где попало свой кизяк. За это будет оштрафован хозяин скота. Потому как никто, оказывается, до сих пор не знал, что кизяк загрязняет воздух и окружающую среду. Головные боли, глазные боли, болезни печени и почек — все, оказывается, от кизяка, навоза. — сказал человек, принесший эту новость.

Кто-то из толпы взирая на него с удивлением, сказал:

— Что, что-о-о? Даже дурак, наверное, не скажет подобную новость!? Что ты тут ерунду болтаешь?

— Вы все не грамотные, газет не читаете и телевизор не смотрите. Данный вопрос первым, к тому же остро, стоит на повестке дня правительства. — сказал человек, принесший новость.

Все в ауле начали читать газеты, смотреть телевизор, и убедились, что эта странная новость

имеет под собой почву.

— Астапыралла, о Аллах, что творится в этом мире? Что же это такое, мы теперь должны следить, когда опорожнится корова, что ли? — о сказала одна старая женщина

— Апа, будем смотреть...придется...Ничего не поде-

лаешь. Активисты аула, которые заставляют пятикратно выполнять поручения правительства, теперь с радостью воспримут подобную новость, лишь бы было над кем поизмываться. Будем смотреть меж заднюю конечность коров. Не будем смотреть, так придется платить налоги.

— Айпырым-ай, настали странные времена... Когда-то давно на вымя коз липли ящерицы и высасывали молоко, приходилось тогда шить для коз накладки для вымени, теперь видимо, придется шить накладки для заднего прохода коров.

Сын стал успокаивать мать:

— Будем шить, апа, придется шить... Если не будешь следовать за этим однородным временем и не будешь делать однородные дела, не достигнешь цивилизации. Это тоже разновидность цивилизации.

Люди, изначально чуравшиеся этой странной новости, теперь стали шить накладки для заднего прохода коров.

Пока люди возились со своими коровами, в ауле скончался один человек. Он и не болел долго. «Никого не мучал, и сам не мучался, хорошо ушел», — говорили люди. Там человек ушел в мир иной, а здесь, те однородные люди стали спрашивать: «Сколько скота зарежут на молитву?».

Прослышав, что на молитву зарезали одну корову, одну лошадь, трех овец, собралось много народу. До того люди стали странно однородными, что если уходит из жизни человек неимущий, бывает, проводить его в последний путь почти никто не приходит. Якобы, не слышали, якобы, нет времени, сильно заняты. Скажут: «Ой-й, хотел вот зайти,

надо-бы сходить. В одном ауле вроде живем, да вот, некогда...».

Для усопшего ныне человека дети его, занимающие определенные должности, специально пригласили имама из городской мечети для совершения заупокойной молитвы, его доставили в аул машиной. Раньше люди, когда собирались на заупокойную молитву, обычно преклоняли головы над человеком, лежащим в гробу, произнося про себя: «пусть обретет покой на том свете». Собравшиеся здесь люди вели себя, будто пришли на собрание. Когда читалась заупокойная молитва, загомонили меж собой. Рассказывали, что слышали и видели по телевидению. Кто-то стал делать обзор нынешней политики, итогам выборов в депутаты. От споров и разговоров был нарушен ход молитвы. Имам несколько раз сделал замечание собравшимся. Люди теперь стали обвинять его самого. «Как же, раз пригласили специально из города, наверняка за большие деньги. Вот и старается отработать».

Коль уж суждено, на всякое насмотришься. Есть странные семьи. Между мужем и женой возгорелся спор по поводу политики страны, который завершился ссорой, теперь собираются развестись. Их стычка началась из-за недавно прошедших выборов в депутаты.

— Что там итоги, Правительство опять не будет меняться? Смотри-ка, все прежние депутаты вновь избралась. Вон смотри, все получили мандаты, и блаженствуют. Прежняя команда, одна команда... Да что они сделают..., — смотрела Шарипа телевизор, изображая из себя знатока перед мужем.

— Ну и пусть сидят. Они сделали немало. Надо же человеку довольствоваться тем, что имеет. Все делают для блага людей. Отправили специалистов в аул. Обеспечили их жильем. Делают все в силу своих возможностей. Это люди стали нерадивыми. Сидят, и ждут манны небесной. Вот какими раньше были аулы? А сейчас какие? Вместо того

чтобы работать, каждый сам по себе, все ходят с протянутыми руками, не перестают ждать чего-то от Правительства. К тому же все недостатки тоже ищут в верхах. Все недостатки в нас и от нас, поняла.

— Да перестань ты! Говорили же, что крупный рогатый скот завозят на самолетах из-за границы. И когда же размножится этот завезенный скот. Вот скажи, а? Лучше бы обратили внимание на увеличение поголовья скота в ауле. Да, к слову, недавно Министерство сельского хозяйства, оказывается, проводило перепись крупного рогатого скота, и бог ты мой, недостача составила пять тысяч голов. Эй, чем же тогда занимаются хозяева скота, а? Мясо с каждым годом дорожает. В прошлый раз купила на рынке баранину по тысячу пятьсот, десять килограммов вышло на пятнадцать тысяч... Подоразало. Продавцы ни на копейку не уступают. Причитают, что с килограмма имеют только по тридцать копеек.

— Что же это получается, баранина, конина и говядина продается по одной цене, что ли? Только вчера сосед Култас сказал, что купил на рынке конину по тысячу пятьсот. Если взять еще казы и шужук, дают дешевле. Если добавить к этому еще крупную берцовую кость, выйдет, оказывается, двадцать пять тысяч рублей, — сказал он.

— Боже ты мой, если сами будем держать скотину и ухаживать за ним, разве мы не будем всегда сыты. Смотри сама...

— Не причитай. Что теперь, мясо не будем кушать из-за дороговизны? Сейчас у нас нет ни загона, ни скота, — повысила на мужа голос жена, даже не подозревая, что все обернется против нее.

Эти слова задели мужа за живое.

— Эй, на что ты намекаешь, — заорал он на жену, изменившись в лице. — Не ты ли, не сумев доить двух коров в хлеву, перевернула кубы (деревянный сосуд для сбивания масла). Стоило тебе чуть-

чуть заняться хозяйством, так подняла рев, что «превратилась в аульную неряху», негодница! Из-за твоей злонамеренности, в конце концов, украли скот. К тому же, противишься покупке нового скота. Не ты ли говорила: «Все люди покупают и молоко, и мясо в городе. В городских магазинах полно разновидностей молока. И на рынке на выбор любое мясо. Содержание скота не стоит вложенного труда!» Что же теперь болтаешь! Какой позор, живем в ауле, а мясо и молоко покупаем в городе!»

Муж кинул державшую в руке пиалу на стол. Жена вновь вскинулась:

— Знаю я, чем ты так недоволен. Тебе не нравится, что я не уподобилась Канипе, которая доит в загоне пять коров, и продает курт и масло на базаре. Не сравнивай меня с этой бабой. Я учительница с высшим образованием, преподававшая в школе 30 лет. Та баба всю жизнь только и знает, что занимается домашним хозяйством. Тебе издавна нравилась эта твоя одноклассница Канипа. Чуть что, приводишь мне в пример Канипу. Да хоть женись на ней на старости лет, она будет доить коров, ты будешь пасти скот. Приехала за тобой из города в аул. Подняла сына твоего, и дочь твою... Сыта по горло этим аулом.

— Ойпырым-ай, напугала! Иди, уходи, коль хочешь. Я тебя не держу. Посмотрю, сколько там будут тебя терпеть твои родственники... Взбеленилась на старости лет...

— Уйду. Сегодня же уйду!

— Если уйдешь, не возвращайся! В ауле воздух станет чище, если не будет тебя.

— И не вернусь, видеть тебя не желаю больше!

Вот таков финиш разговора, начавшегося с политики.

Таким образом, учительница Шарипа уехала к своим родственникам в город. Теперь старая мать Шарипы ругает дочь, которой перевалило за 60.

— Астапыралла! Что ты несешь, правда ли это?! Что это такое «непоеду в аул, разведусь»?

— Вы всеравно ничего не поймете. Нынче другие времена. Каждый второй разводится. В ауле такие как он старики, берут поверх своих старух молодых жен, все с ума посходили. Может быть, ему тоже захотелось. Я разведусь.

— Да-а... наверное, я в самом деле ничего не понимаю. Но я удивлена подобным вашим поведением. Бог ты мой, ты же женщина, хранительница очага. Что у вас, других разговоров уже нет, что ли?! Позор, что ты скажешь снохе и зятю своим. Это вы показываете такой пример на старости лет? Что взять с молодых, если вы так поступаете. Станные вы какие-то, — с удивлением посмотрела старая мать на свою дочь.



ПОЧКА

Вы, наверное, и сами замечаете, что нация казахи — народ, который живет ради других. Никогда не думает о собственной выгоде. Иногда невольно преклоняешь голову перед величием этого качества, впитанным с молоком матери. Если в семье трое детей, старший берет двух младших под свою опеку. Никому не дает их в обиду. Двое младших во всем опираются на старшего. Попробуй разъединить их. Никак не разъединишь. А если вдруг и расстанутся временно, то непременно ищут друг друга. Скучают. Видимо отсюда и появилось у казахов выражение «Бүйрегіңнен айналайын», то есть, это ласкательное умиление за заступничество, обращение к человеку с чувством благодарности. Не зря казахи все ласкательные слова связывают с почками, душой и другими органами, как сердце и печень. Видимо, знали наши предки особую важность почек и других органов в жизни человека.

Или же, у какой другой национальности,

также как у казахов заботятся о родных и близких, то есть «бүйрегі бұрылғыш», что дословно обозначает, повернуться к человеку всем своим существом, нутром, утрированно — почками, проявляя милосердие. То есть «бүйрек» — это почка. Сам бедствует, но для родного брата одаст все, что имеет. А тех, кто не помогает подобным образом, у казахов называют «Безбүйрек!», значит — жестокий, немилосердный. Нет у казахов выражения, жестче, чем «безбүйрек». У нашей нации можно приводить множество примеров. Чтобы собрать всех их воедино, понадобятся два-три тома. Приведу самый простой пример. Если у одного из кровных братьев нет детей, то второй своего новорожденного ребенка отдает брату, чтобы тот не печалился. Родственники принявшие ребенка записывают его на себя, воспитывают, лелеют, холят, отдают ему всю свою душу. Подумайте сами, разве не является величием подобная забота о благополучии родственника? И как же теперь поступает приемный ребенок? Хоть и воспитывается он в другом доме, у других родителей, его тянет к детям этого дома, к родным родителям (сам-то и не знает, кто настоящие его родители). Люди, которые видят подобную картину, говорят: «Смотри-ка, чувствует нутром (то есть, как говорят казахи: «бүйрегі тартып тұр», дословно — «чувствует почками»).

Также казахи своего первенца, будь то мальчик или девочка, как первого внука, отдают старшему поколению, бабушке с дедушкой. И те воспитывают его как собственного ребенка. И этого ребенка разграничивают в общении с собственными родителями, он не ластится к ним, особо не приближается, так как у старших появляется чувство ревности. А что делает ребенок аташки и ажешки? Находит всевозможные способы, чтобы как-то приблизиться к своим родителям, принюхивается к ним, ластится, не

умея совладать с неподвластными и непонятными своими чувствами... Почувствовавшие все это люди говорят: «Смотри-ка, как он нутром, то есть, опять же, почками, тянется к своим родителям...».

Вот такие у казахов почки — нутро. А родители? До самой смерти они болеют душой — нутром за своих детей и внуков. Ради них не разгибая спины, не считаясь ни с чем, несут ярмо жизни.

А вот русский народ, который мы называли «великим» и 70 лет подстраивались под него, не такой. Каждый представитель этого народа думает только о своей сытости. Дети их мотаются по всему белу свету. Если где-то им понравится, то там и обосновываются, словно это земля их предков. Их даже не посетит мысль: «Как там наши родители, ведь они остались там одни...» и не поддерживают даже связь. А как у нас? Если какой-нибудь молодой человек из Шымкента, советуясь, скажет членам своей семьи: «Может мне стоит поехать поработать в город Оскемен, что в Казахстане», то родители восстанут всем миром: «Что там потерял, тебя что, там ждут нагашы — родственники по-матери? Вдруг попадешь в беду. Сейчас времена плохие. Сиди спокойно. Работай лучше здесь, будешь рядом с домом», — и ни на шаг от себя не отпустят своего ребенка.

Казахи, даже собрав всех своих детей возле себя, никак не уговорятся. Нет, никак не могут. Болит душа, булькают почки. Если в подобных ситуациях соберутся близкие родственники, начинается обсуждение больших проблем. «Ойбай, у старшего сына нет своего дома. Бедный, взял кредит, теперь в кабале. Младший сын все ходит в холостяках, даже и не помышляет о женитьбе. Не знаем, с кем породнимся, кто будет нашими сватьями. Как бы не надумал привезти невестку издалека, у которой молоко на губах не обсохло. Это же целая проблема — поехать туда, засватать, везти подарки по обычаям того региона. Всего

накопленного не хватит. Было бы хорошо взять невесту из этого же аула, близко, к тому же будем знать, с кем породнимся, на худой конец, вернули бы им свои же подарки. Это был бы самым оптимальным вариантом. И дочке не повезло с замужеством. Развелась-таки. Кто же теперь ее возьмет, незамужних девушек пруд-пруд. Полно созревших девушек, которые только и ждут, кто бы их взял... Зачем парням разведенная? Говорят, в Казахстане на одного мужчину приходится по пять женщин, вот так, вот... У старшего внука свои проблемы, про тест какой-то все говорит, не знает, поступит в этом году на грант или нет... Если не поступит, то и на его обучение нужны деньги...»

Вот такие нескончаемые проблемы у родителей и после того, как поставили на ноги сыновей и дочерей. Смотришь на все это, и невольно думаешь, что душа — нутро и почки у казахов сложены иначе, как-то по особенному, не так, как у других наций. И наши предки жили во имя потомков, проходя через тяготы и невзгоды судьбы. Веками переживали кровавые нашествия врагов. Защищали и отстояли наши необъятные просторы, казахские земли от врагов, во имя потомков. Вот это и есть душа — нутро и почки казахов.

Болезнь душой, всем своим существом во имя потомков, за потомков — это и есть сущность казаха, его феномен. А как у других народов болит душа за потомков? Это не исследованный случай. Иногда видишь, что исследуются какие-то ничего нестоящие вопросы. Самое стоящее обстоятельство, это — сущность, все нутро, почки и все органы казахов. Иногда приходит мысль, что медицинская наука в один прекрасный день возьмется за данную проблему, и изучит роль сущности человека, его нутра, почек и органов во взаимоотношениях людей.

Разговор о почках начался не на ровном

месте. Ладно, расскажу... У Хамита Жанбобекова, работавшего в районе на хорошей должности, многие годы болела его единственная почка (ранее была удалена одна из почек). Нужных знакомых и врачей у него было много. Они, обследовав его почку, сделали заключение: «есть дефект и в этой единственной почке. Надо будет заменить ее другой почкой, сейчас медицина сильная и в этом нет ничего опасного», — посоветовали они ему.

К Хамиту, который не был стеснен в средствах, как-то поступает предложение о проведении операции по замене почки в Восточном государстве Китай. Из надежных источников он получил информацию, что «Этот вопрос уже в течение многих лет нашел свое решение и в Казахстане. Но в Китае больше профессиональных специалистов по данному профилю. К тому же есть возможность самим выбрать донора и согласовать цену. Центр по замене почек, оказывается, работает в тесном взаимодействии с донорами». Так, Хамит вместе с женой и отправились в Китай.

И действительно врачи Центра тепло встречают Хамита, заново проводят обследования и экспертизу в своем Медицинском центре. И выносят вердикт, что «Решение казахстанских врачей о замене почки, правильное». Без долгих ожиданий Хамита ложат в госпиталь, и приглашают донора — молодого человека с соответствующей группой крови, с соответствующими параметрами почек, готового стать донором и заключить договор о сотрудничестве. Состоялась их встреча.

Через переводчика китайский парень говорит Хамиту следующее:

— Одна почка стоит 35 тысяч долларов. Я пришел к такому заключению, чтобы купить себе квартиру. Мне тоже нелегко лишаться одной почки, не достигнув и тридцати лет. Поэтому составим договор через нотариальную контору о предоплате 80 процентов стоимости услуги, и там же должны

быть оплачены деньги.

Коль специально приехали в другую страну для этой цели, конечно, у него не было другого выхода, как согласиться. К тому же, для поиска соответствующего донора нужно время. И еще неизвестно, какие условия выдвинет другой донор. Поэтому Хамит согласился с данными условиями. Был назначен день операции. Однако, в назначенное для операции время молодой человек не пришел. Ждали час, второй. Его не было. Позвонили на мобильный. Ни звука. Китайский врач стал успокаивать Хамита:

— У нас часто бывают подобные случаи. Конечно, деньги нужны. Но почки свои еще нужнее. Некоторые долго размышляя, отказываются от первоначальных намерений. Но они быстро возвращают деньги. У нас не обманывают. Порядки строгие. На первом месте имидж. Вы не переживайте. Давайте, подождем...

Донор, обещавший свою почку, появился только через неделю. Хамит с волнением смотрел на него. Все озирался на девушку-переводчицу.

— Донор говорит, что все обдумал. Говорит: «Если не добавят еще три тысячи долларов, верну деньги. После того, как лишусь одной почки, мне нельзя будет ходить пешком. Нужна будет машина. Для этого нужны дополнительные деньги. Говорит «Он будет жить долго с почкой такого молодого человека, как я. А если ему нужна почка человека лет пятидесяти, как он сам, я ему помогу». Что Вы на это скажете?

«Надо же! Что же с этими китайцами поделаешь! Торгуются, словно узбеки, зная, что нуждаешься... Не напрасно один из братьев не хотел отпускать меня и лил слезы: «Ага (обращение к старшему брату), зачем едешь в Китай? И в Алматы, говорят, пересаживают почки. Я лягу вместе с тобой, дам одну свою почку. Какнибудь проживу и с одной. Не уезжайте далеко»,

— причитал он искренне. Бүйрегіңнен айналайын, (ласкательное выражение) братик мой любимый! Что же теперь делать? — разревелся Хамит, представив своих братьев, оставшихся в ауле. — Ни языка их не знаю, ни намеков не понимаю... Если отдадим деньги, оставленные на обратную дорогу, как домой уедем?», — задумался он.

Решение вопроса нашла жена Сауык, приехавшая вместе с ним, чтобы ухаживать и готовить еду. В городе, в котором они остановились, уже два года, как училась дочь ее подруги. И она, на всякий случай, прихватила номер ее телефона, вот и пригодился. Позвонила девочке, попросила ее связаться с родственниками, и сказать о необходимости дополнительных средств. Решили имеющиеся деньги отдать донору. А к тому времени, когда их выпишут из больницы, должны подоспеть и деньги, которые придут через эту девочку, будет на что уехать обратно.

...Операция по замене почки прошла успешно. У молодого человека, лежащего на стоящей рядом кровати, взяли почку и тут же заменили с больной почкой Хамита. Китайцы предупредили, что после операции не будут долго держать в Центре. Самое большее — пять дней, потом нужно освободить место для ожидающего своей очереди больного. Теперь все тяготы послеоперационного периода легли на плечи Сауык. Так как в гостинице не разрешали готовить еду, она недалеко от больницы арендовала частный дом. Два раза в день готовит еду, и бежит в больницу к Хамиту. Кормит его, пока еда не остыла, совершает туалет, меняет одежду, следит за дополнительно назначенными медицинскими процедурами, которые должны проводить медсестры, одним словом, вымотавшись, кое-как к вечеру добирается до дома. Сауык спрашивает у Хамита:

— Как чувствуешь себя теперь? Наблюдаешь улучшения?

Тот молчит. Насупится и молчит. Даже не

обращает внимания, что с ним разговаривают. Полное молчание. Сауык подумала, что это следствие тяжелой операции. Обратная дорога тоже была нелегкой. Пришлось трижды пересаживаться на самолеты. В конце концов, добрались и до аула.

Все родственники, друзья, коллеги приходили проводить с пожеланиями скорейшего выздоровления. Хамит, который раньше был очень радушным человеком, и на них не обратил ни малейшего внимания. Даже не сказал: «Спасибо, что провели». Наоборот, теперь он стал закрывать дверь изнутри со словами: «Не беспокойте меня».

Прошел месяц, другой. Нет изменений. Кушает хорошо. А настроение плохое. Врачи уверяли, что «это обычное состояние после имплантации, через три-четыре месяца все нормализуется».

В один из дней, Хамиту не понравилось что-то и он кинул тарелку, которую держал в руке, на Сауык. За 35 лет совместной жизни они даже не повышали друг на друга голос, а тут такое. Этот случай сильно опечалил Сауык. И это ничего. В один прекрасный день, он схватил Сауык за горло со словами: «Убью, понятно», — и стал душить. Кое-как разняла пришедшая случайно мать. Он стал орать на мать:

— Уходи к себе домой, не приходи сюда! — оралон во все горло. Мать, которая жила отдельно, ничего не понимая, расплакавшись, ушла к себе домой.

Сауык беседовала с психологами, консультировалась. Они, конечно, посоветовали положить в лечебницу на обследование. Отец Хамита был человеком занимавшим ответственную должность при Советской власти, почетным ветераном района. Он посоветовал:

— Давайте, пока подождем. Прошло всего полгода, подождем еще столько же, потом посмотрим.

По правде говоря, супруга Хамита — Сауык

стала бояться подходить к нему близко. Но что поделать. Коль сказал свекор — это закон. «За полгода я, скорее всего, инвалидом стану или же умру». Думала про себя Саурык.

Хамит встает. Ходит. Кушает. Совсем перестал читать газеты и журналы, периодическую печать. И телевизор смотрит мало. Если к нему подходят внуки, он их к себе не зовет. С сыновьями и дочерьми вообще не разговаривает. Родственники, прослышавшие все это, перестали навещать их дом.

Прошло два года. В один прекрасный день к ним в район приехал погостить из Шымкента почтенный человек, который доводился им сватом. Он услышал молву, что Хамит после операции по трансплантации почки, сделанной в Китае, совершенно изменился. что его не узнать, это не прежний Хамит. А жена его, бывшая раньше женщиной в теле, превратилась в скелет, еле ноги носит.

Бедняжка, вместе с ним ездила в Китай. Два месяца была рядом, ухаживала за ним. Лелеет и холит, словно ребенка. Ходит за ним: «Хамит, Хамит», других провинностей у нее нет. Один раз, говорят, он ее душил, а во второй раз кинул на нее нож. Чтобы нож не попал в глаз, Саурык оказывается, защищаясь, подняла руку, и нож сильно полоснул предплечье. Мать Хамита, от переживаний за сына, слегла, и лежит больная дома. Такая вот беда приключилась с этой семьей. — говорили люди.

— Вся беда в его новой почке. Ему посадили почку человека с дурной кровью, вот эта дурная кровь, перемешавшись с его кровью, привела к таким последствиям. Китайцы ведь нечестивый народ... Чтобы предотвратить болезнь, надо как минимум месяц лечить молитвами. Пока не излечат испорченную кровь, болезнь будет прогрессировать — сказал приезжий человек.

— Ойпырым-ай, это дельный совет. Чем зря

ждать, надо испытать это лечение, — вострепнулись братья Хамита, и вместе со снохой Сауык поехали в Южный регион, где находился лекарь, исцеляющий молитвами.

После двух недель лечения Хамиту стало значительно лучше, и он, оказывается, стал как прежде, по-доброму обращаться с Сауык и с братьями. На третьей неделе он сам произнес калиму (мусульманский символ веры), и сказал, что стало легче дышать. В течение месяца он полностью восстановился, и стал прежним Хамитом.

Все родственники выражали свою благодарность Сауык, которая два с половиной года ходила возле мужа, словно на иголках и опекала его:

— Айналайын-ай, — говорили они Сауык, — нервы уже, наверняка, совсем сдали. Вот и поставила, наконец, суженого своего на ноги, — и ставили ее в пример другим снохам.

От всего сказанного, можно сделать единственно верный вывод:

— Нет на свете другой такой нации, как казахи, которые говорят: «Все мое богатство — это мои дети, братья и сестры, родственники, мой народ и моя страна. И нет другой такой нации, кроме казахской, которая может любить ближнег освоего всем своим нутром, всеми своими органами — душой и сердцем, всем своим естеством.



СПРАВКА О СМЕРТИ

В нашем ауле живет старуха по имени Керимбике. Этим именем, оказывается, ее противоположно характеру, прозвали снохи еще в юности. («керимбике» переводится с казахского «дивная красавица»). Не все знают настоящее ее имя по свидетельству о рождении. Про Керимбике не скажешь, что она миловидная, обходительная, сдержанная женщина (бабушка). Она несколько легкомысленная, ветреная и несдержанная. И характер такой. И говорит так же — быстро-быстро. Понял ты ее, не понял — ей все равно. Лишь бы самой выговориться. Если не расслышал, то это твоя беда. Старуха тебе повторно не скажет. Потому как, она сама забывает, о чем только рассказывала, и тебя же начнет ругать. Скажет, как отрезала: «Надо было слушать, когда говорила. О чем это я говорила?! И сама уже забыла!». И все. Хочет, чтобы и другие говорили также быстро, как она. Когда начинают

о чем-то рассказывать, она торопит собеседника, пока тот не дойдет до конца своего разговора: «Да говори же быстрее, что тянешь резину, что было дальше...?».

Бабушка эта — самый настоящий скороход. Если между двумя домами будешь следовать за ней, придется нестись, как угорелому. Иначе, не догонишь. Говорят, что в молодости она была бегуньей. Муж ее, незабвенный, оказывается всегда шутил: «Тебе надо было быть скакуном для скачек, нежели мне женой». Ростом она невысокая. И сложение соответствует ее росту. Есть у нее маленькие галоши к маленьким ичигам. Всегда подтянутая, собранная и аккуратная.

У старухи семеро сыновей и шесть дочерей. Старик ее скончался, оказывается, после рождения последней дочери, и она одна с трудом поднимала детей.

— Родила тринадцать детей данных Богом. Не сглазить, все живые, ни одного не потеряла. Все растут на моих глазах. Слава Аллаху! — часто говорила она.

Никто детей старухи не принуждал учиться, но все они учились, получили высшее образование, работают в больших городах Казахстана. Все занимают определенные должности в Алматы, Кокшетау, Астане, Атырау, Талдыкоргане, Костанае, Оскемене. Сама бабушка живет в Кентау вместе с младшим сыном. Хотя, живет — это громко сказано. Все двенадцать месяцев в году она разъезжает по детям, бывает у каждого ребенка по полмесяца, по месяцу, так и кружится, словно стрелка часов. Сельчане называют ее «самая счастливая старуха». Потому как она ни разу не жаловалась, что болеет. Всегда бодрая, энергичная. И глаза видят, и уши слышат. До сих пор хочет сама ухаживать за скотом: положить сено корове, подоить. Только сноха не позволяет, сама управляется со всем хозяйством.

Вот и сегодня близкие родственники услышав, что она придет погостить, собрались у них дома. Соседи, потеряв терпение, вышли встречать ее во двор, где остановился автомобиль «Мерседес» черного цвета.

— О боже, аже, что-то на этот раз вы долго отсутствовали. Мы уже успели соскучиться. Прошло более двух месяцев, — поочереды подходили соседи к миниатюрной старухе, и целовали ее.

— Так я же из Астаны улетела прямо в Актау. Там свекру дочери исполнилось шестьдесят лет, делали большой той.

— Э-э, сейчас аже нам расскажет о традициях того края, — подстрекают старуху к разговору соседки не успев переступить порог дома и уже предвкушая чай со сладостями.

— Что там говорить, традиции везде разные. Многое довелось увидеть. Сейчас расскажу. Эй, где Жаннета — хозяйка этого дома? — ищет в толпе свою сноху, как бы подразумевая «что же она не вышла встретить».

— Апа, когда Вы вышли из машины, я же первая поцеловала. Потом я уступила очередь другим женщинам, окружившим Вас, а сама пошла накрывать дастархан на чай, — говорит сноха, вновь обратившись к свекрови. А-а, значит так и было, жеребеночек мой, все ли у тебя хорошо, как здоровье? Отелилась ли корова?

— Отелилась, апа, отелилась. Сейча будете пробовать сливки, сладкие, как мед...

— Где Айсауле, где Адилет? — спрашивает теперь она про внуков. Не путает имена внуков от всех своих детей.

— Они оба учатся в первую смену. В школе сейчас. Хотели не пойти в школу под предлогом «сегодня придет аже».

— Проходите во главу стола, — говорили соседи, следуя за аже, и сами стали проходить на почетные места за дастарханом, чтобы быстрее отведать вкусности.

— В этот раз не успела Керимбике даже побыть и неделю дома, как пришло приглашение от сына из Костаная. Приедут, оказывается, сватать его старшую дочь.

Апа, из Шымкента прямо до Костаная едет скорый поезд. Если сядешь сегодня утром, завтра будешь у нас, — настаивал сын, — ведь это будущие сваты, видимо, есть у них дело к нам, не смогли сказать «приезжайте потом».

— Ладно, поехала я. Посмотрю, к каким людям пойдет моя Асемкуль (внучка), — стала даже собираться в дорогу. Опять все соседи проводили старуху в дорогу.

Не прошло и трех дней, пришла весть из Костаная сыну, проживающему в Кентау.

Сегодня ночью наша апа ушла из жизни... Готовьтесь проводить ее в последний путь...

«Ойбай, апашым-ай», — заголосила сноха, за ней последовали дочери. Все: сыновья и дочери, которые живут здесь, родственники, сваты начали оплакивать умершую. Оповестили других детей, которые живут в шести городах, все они тоже направились в Кентау.

Говорят, что Керимбике даже хорошо посидела с новыми родственниками, которые приехали сватать внучку. И на здоровье не жаловалась. Только предупредив: «лягу пораньше, постелите мне постель», легла рано. И до обеда следующего дня комната ее была в тишине. Когда сноха пошла, чтобы пригласить на чай, она, оказывается, спала безмятежно. Но почему-то не наблюдалось дыхание... Сразу пригласили врачей. Пришел врач, мужчина русской национальности с медсестрой с целым ящиком аппаратов.

Он послушал ее. Подсоединил аппарат, послушал и проверил пульс. Тишина. Между делом врач спрашивал: «Что ела вчера, что пила, сколько ей лет». Сын и сноха очень испугались.

— Да, да, клиническая смерть наступила около 5.00, — сказал врач, качая головой. И все. Сын растерявшись, позвонил в Кентау.

Арендовали машину в Костанайе и выехали на дорогу. В пути их остановили сотрудники ГАИ.

— Так и так, едем в Кентау.

— Какой у вас груз в машине? Где документы?

— Ойбай, это не груз, там лежит моя мать. Скончалась она. Очень спешим.

— Пусть будет так, — говорят сотрудники ГАИ. — Но должны быть документы. Покажите... удостоверение личности матери... Сын растерялся, не зная, где удостоверение матери. Нашли. Оказалось в кармане снохи.

— А где же справка о кончине Хусни Бахадуркызы?

— Ой-й, дорогой, женщина которая лежит в машине, в самом деле, моя мать. Скончалась неожиданно... Приезжала к нам в гости в Костанай... Теперь везем домой... Неужели не понимаете? Мы же все казахи, зачем надо останавливать в дороге усопшего... проверять...

— Казахи, казахи... какое здесь имеет значение национальность... порядок один для всех... на дороге должен быть порядок, ага (обращение к старшему). Надо было взять с собой справку врача о смерти. Я не могу вас пропустить. Возможно, человек умер по-другому, насильственной смертью...

Те, кто связаны с криминалом, всегда спешат, подобно вам, — теперь сотрудники ГАИ стали разговаривать на повышенных тонах. — Все равно по дороге и другие будут требовать у вас такой документ.

— Ойбу... боже ты мой, что же теперь делать?... — от безысходности они вернулись обратно, несмотря, что уже проехали 200 километров. Настало утро. Сотрудники больницы, куда они обратились, сказали:

— Мы не можем дать справку о смерти. Где история ее болезни? Если она зарегистрирована

в этом городе, где дополнительная справка участкового врача? Мы ее ни разу не обследовали. Как мы можем регистрировать в журнале регистрации, что она скончалась? Нет-нет, — не подпускали они.

— Эй, вчера ведь были врачи скорой помощи и сделали заключение о смерти.

— Тогда вы должны проехать в станцию «Скорой помощи» и взять у врача, осмотревшего ее заключение о смерти, — сказала одна из медсестер.

Машина, в которую была загружена с усопшая старуха, передвигаясь вдоль городских улиц, подъехала в указанное место. Рассказали о случившемся. Попросили дать справку о смерти. Главный врач спросил:

— Какой врач был вчера у вас?

— Ойбу, мы не спрашивали его имени, так как были растеряны.

— Когда они были у вас дома? Скажите время?

— Примерно в одиннадцать дня.

Через полчаса вышел другой врач, и сказал:

— Надо будет осматривать труп в специальном кабинете. Врач, который был у вас вчера, уехал в командировку. Его нет.

— Это же северный регион. Они не отступят от своего. Видишь, многие из врачей русские. Кто не любит брать. Давай, положим двести долларов в карман того врача, — сказала жена мужу.

— Эй, а ты права. Давай, так и сделаем, — обрадовался муж, и побежал за врачом, который должен был осматривать.

Спустя некоторое время, данный вопрос решился положительно. Через полчаса им вручили клочок бумаги с печатью.

Пока они возились в Костанае из-за клочка бумаги, им все время звонили на мобильные телефоны:

— Где вы едете? Говорят, если мулла придет сегодня вечером, надо будет похоронить завтра

утром. Сегодня получили место на кладбище предков, определили место, где будет похоронена апа. Все подготовлено. Режут скот для поминок. Мы все здесь уже собрались. Заказали два кафе на 700 человек, — докладывает брат на другой стороне трубки.

— Как это, где мы едем? До сих пор в Костанасе. Оказывается, надо было взять справку. Выехали в дорогу, и вернулись обратно. Инспекторам ГАИ понадобилась справка о смерти матери. Из-за этого задерживаемся. Только выехали в дорогу, — сказали они кратко, не вдаваясь в подробности.

— Как это, только выехали? И когда же вы теперь приедете? — с той стороны слышался растерянный голос младшего брата.

— Боже мой, до сих пор, оказывается, не выехали... Где Костанай, где Кентау? Скорее всего, не успеем завтра вынести тело, — обсуждали аксакалы в Кентау, неспешно угощаясь поминальным чаем.

Хотя тело матери еще не привезли, дочери оплакивали ее, причитая и обнимая пришедших выразить соболезнование, людей. Одна из дочерей причитала: «Милая моя мамочка, какжаль, что не смогла быть рядом в твой последний час».

Тут голоса снохи: «Мудрая ты наш, апа, несравненная».

Оказывается, тех, кто сопровождал тело, сотрудники ГАИ останавливали еще несколько раз, тщательно проверяли документы. Кое-как в сумерках доехали до аула.

— В любом случае, сегодня хоронить уже поздно, уже темнеет, видимо Аллах решил что она должна хоть одну ночь переночевать в доме младшего сына, пусть же так и будет. Положите ее в правую половину комнаты, — дали указания местные имамы и сообщили собравшимся, что заупокойная молитва будет совершаться в 10.00 утра.

После того, как тело покойной занесли, весь большой дом заполнили скорбящие голоса, причитающие каждый на свой лад — бабушка, сестрица, матушка. В какой-то момент собравшиеся успокоились и стали утешать сыновей и дочерей, невесток и других родственников покойной.

«Керимбике была хорошим человеком. Оказывается, она быстро нашла общий язык с людьми, приехавшими сватать Асемкуль. Аллах даровал ей легкую смерть, без нагрузки на родных. Так во сне и ушла...» обсуждали между собой старушки аула. «ниспослал бы и нам Всевышний такое благо» говорили они. В этот момент, покойная, лежавшая в правой стороне комнаты, открыла глаза и со словами «Ух, откройте же окно, душно мне» убрала с лица покрывавший ее белый саван.

Пока сидевшая рядом старушка пыталась встать, причитая «господи, что это твориться», Керимбике которую все считали покойной, широко раскрыв глаза, спросила:

— Эй, Балжан ты ли это, когда приехала?

— Затаившие от испуга дыхание люди начали восклицать «ожила», «боже, да она же живая» и остолебели, выпучив глаза.

Керимбике же, посмотрев на собравшийся люд, как ни в чем не бывало спросила — «вы что, тоже пришли посмотреть на свекра и свекровь Асемкуль?». После чего обратилась к жене сына из Костаная:

— Акбота, доченька, в горле что-то пересохло, принеси-ка мне того чая, что мы пили...

Вот так запланированная на утро заупокойная была всеми позабыта, а весь собравшийся люд отпраздновал в кафе воскрешение Керимбике. А старушка выслушав все что было от начала до конца, сказала, что ничего не помнит, разве что сон, в котором она босиком ходила по земле под ярким голубым куполом, то ощущала, что взлетает в небеса, то спускалась на землю, но в какой то

момент почувствовала, что у нее пересохло в гортани и проснулась. А сыновья и дочери радуясь, восклицали:

— Как хорошо, что мы получили свидетельство о смерти с запозданием. Если бы оно пришло на полдня раньше, так и похоронили бы матушку заживо. Уберег Всевышний, уберег, — говорили они. а бабушка Керимбике произносит:

— Вот что, пусть участок земли, что выкопали для меня другим не отдадут. Торебек, ай, Торебек. Да где же он ходит. Скажите ему, пусть оградит мой участок земли и отметит его. Отдадут еще кому-нибудь...

Среди собравшихся тут же и шутники нашлись.

— Ты сперва помри, земля-то найдется. Три дня все на ушах ходили, хватит уже, наверное. Ожила, как ни в чем не бывало, и сразу приказы раздает, — шутили они, на что бабушка Керимбике ответила:

— Надо же, как неудобно получилось, что я ожила-то, — чем всех очень рассмешила.

С тех пор Керимбике перестала ездить в гости к детям, живущим далеко. «Один раз Аллах меня оживил, лучше мне в следующий раз быть готовой», говорила она и больше не выезжала из аула. А скончалась она через три года после этого случая, в возрасте 85 лет.



ПРОГНИВШИЕ МЕХАНИЗМЫ

Жамиля мать четырех детей. Трое из них родились погодками, и выросли очень дружными. Будучи преподавателем в университете она и сама не заметила, как дети ее выросли и повзрослели. Старшей была дочь, она очень помогала матери и взяла на свои плечи уход за младшими братом и сестрой. Все трое бесприкословно прислушались к совету родителей и поступили в высшие учебные заведения.

После них, семь лет спустя, родился сын Мереке. За этим ребенком смотрели все пятером как один — и трое детей учившиеся в школе, и отец, и мать. Стоило только малышу открыть рот, все бежали исполнять его желания. Толи от того чтоб вся семья растила ребенка, вкладывая в него душу и с любовью учили всему, что он просил, то ли он с рождения и от природы был таким смышленным, Мереке еще до школы опередил своих сверстников в развитии.

В начальных классах он учился на отлично. Быстро обучился компьютерной грамоте. Желание ребенка учиться, стремление к познанию нового, росло с каждым днем и невольно заставляло родителей задумываться «кем же станет наш сын в будущем». Внезапно, после девятого класса, Мереке сильно изменился. Однажды, когда мать сказала ему «Сынок, учись хорошо», он удивил ее вопросом:

— Скажите, мама, а что мне даст хорошая учеба?

— Как это, что даст? Будешь образованным. Не будешь отставать от сверстников. Хорошим гражданином и человеком вырастешь.

— Вам ваши родители тоже так говорили. Вы получили образование. Так ответьте же мне, чем Вы лучше своих сверстников? Как определяется, стал ли человек хорошим гражданином и человеком? Мама, вот Вы преподаете студентам, учите их. У вас ведь хватает опыта. К примеру, может ли хорошее образование быть фактором хорошего гражданина? Получается, те, кто плохо учились — плохие граждане. не люди, что ли?..

— Сынок, что это ты такое говоришь? Например, твоя сестра Айнаш хорошо училась в школе. Хорошо окончила университет. Теперь работает на хорошей должности.

— Да... Верно. Однако... почему она несмотря на то что хорошо училась, не смогла сразу устроиться на работу? Вам пришлось подключить немало людей для того, чтобы найти ей работу. Неоднократно просить об этом нужных людей. Вы же сами об этом часто говорили. А тому дяденьке, которого вы называете Саке, работающему судьей в Верховном суде, по вашим словам повезло, несмотря на то, что он в школе плохо учился. В конце концов, вам пришлось дать взятку... И кто же оценил хорошее образование?

— Эх...сынок, когда подрастешь, сам все поймешь... общество сейчас изменилось, другим стало...

— А как же те, кто просили дать им деньги, берущие взятки? Они же давно и хорошо сидят на

своих должностях. Получается — это сложившаяся система выживания. Общество живет в ритме этой системы. Ничего не изменилось. А люди и позабыли, что у настоящей жизни может быть другая система. Думают, что только получив высшее образование, можно всего добиться. Возьмите к примеру ваше время и наше время. Школьник обязательно должен учиться «хорошо», обязательно должен поступить в «высшее» учебное заведение и получить «диплом»... после этого обязательно через «связи-знакомства» должен найти работу по специальности и должен «работать», вот так, по такой системе оно и идет. В нашем обществе учись, не учись, будь грамотным или безграмотным, как вы говорите — хорошие или плохие, все люди зависят от взятки. Взятка — это деньги. Мы все живем для того, чтобы зарабатывать деньги. В настоящий момент это и является системой жизни.

А как же то, что деньги, которые зарабатывает человек, должны служить ему во благо?.. Разве кто-то это понимает?.. Потому что нам бесконечно преподают теорию, и никакой практики. Разве только если сам для себя не будешь изучать. Что толку от учебы и теории, если нет никакой практики...

Мереке вскочил с места и пошел по направлению к выходу. Жамиля не смогла ничего возразить сыну. Вечером она рассказала об этом разговоре мужу.

— Да, крутые суждения у твоего сына. Таких мыслей у меня в голове и не бывало никогда. В интернете, что ли, вычитал? А ты не узнала у него причину этих размышлений? — поинтересовался муж Жамили.

— Нет.... Я думаю мы должны подловить момент и поинтересоваться у него вместе. Пусть сдаст экзамены и окончит девятый класс...

Мереке окончил девятый класс. Разговор на тему, о которой с ним хотели переговорить с ним родители, он начал сам.

— Мама, папа, я не буду учиться в школе в десятом классе.

— Сынок, что случилось? Экзамены ты сдал очень хорошо. Осталось-то отучиться еще два года, а потом в высшее учебное заведение поступишь...

— Я пойду на стройку работать рабочим. Буду зарабатывать. Потом, когда придет время, пойду учиться, не доставляя Вам лишних хлопот. Вам и так нелегко пришлось, пока троим детям образование дали. И отпускные свои каждый год экономили, лишь бы они отучились. И вещи-то себе хорошие не покупали. Даже в Боровом, которое под боком находится, и то ни разу не позволили себе отдохнуть. Так и живете с мыслями «обучить детей, дать им высшее образование». Работать буду честно и деньги буду зарабатывать честные.

Услышав такое от сына, словно молотом чеканившего каждое свое слово, у родителей закружилась голова, потемнело в глазах и зазвенело в ушах, не в силах слушать далее, они молча переглянулись.

По сути еще не окрепший, Мереке два года отработал в иностранной строительной компании. Постепенно ему доверили проектирование жилых комплексов, разработку внешних и внутренних дизайнов. Жажда жизни и вдохновение в работе давали ему еще больше энергии. После работы он с помощью интернета чертил схемы сложных проектов. Испытал удачу, участвуя в конкурсах международных проектов офисных объектов, проходивших за границей. Проекты молодого казахстанского строителя у многих вызывали восхищение. Международные организации стали делать заказы. Вот, а после всего этого, он лучше всех своих сверстников окончил Строительный институт международного уровня в Токио.

Мереке и сейчас среди нас. Кто-то его знает, а кто-то нет. Молодой парень обновляет прогнившие механизмы жизни и своими руками направляет их в правильное русло. Ряды таких граждан в будущем будут увеличиваться.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В КРЫМУ

Т айсия алай работает продавщицей в овощном ларьке возле нашего дома. Ей около сорока лет. Внешне она больше походила на мужчину, нежели на женщину. Ростом она ниже среднего, но широкоплечая. Плотного телосложения, коренастая. Через тонкий халат просвечивает ее стан и пышная грудь. Она смуглая, но не сказать, что красивая. Круглолицая. Маленький лоб, густые брови, длинные ресницы, а глаза небольшие, губы тонкие. Но то ли в ее облике, то ли во взгляде, чувствуется доброта. Приветливая и радушная. Жизнерадостная. Не раз видела, как она даже во время работы, торгуя, обменивается шутками с посетителями. Движения энергичные, в работе проворная.

В те времена не было торговых центров, как сейчас. Овощи и фрукты не продавались круглый год. Капуста была в особом дефиците. С началом весны капуста поступала с южных регионов. Так как за зиму поднадоело питаться

одним мясом и картошкой, несмотря на усталость, волей-неволей, приходилось стоять в длинной очереди, в предвкушении борща из капусты.

Взвешивание капусты для каждого покупателя труд был не из легких, тянулось долго. И производить расчеты на счетах тоже требовало времени, так-что невольно заскучаешь. Тайсия апай в поте лица проделывала всю эту кропотливую работу. Иногда она откусывала кусок черного хлеба и запивала стаканом воды.

Милые мои, это мой обед, по-другому не получается, с утра на ногах, некогда и перекусить. Пока не продам эту капусту, покоя не будет. Так. давайте, говорите, сколько кому надо? — с радушием говорит она следующему человеку в очереди.

Как-то мне довелось лежать с Тайсией апай в больнице в одной палате.

Медсестра, которая привела меня в палату, сказала:

— Эта кровать твоя. Теперь вы все одна команда. Палата полная.

Непонятно для кого произносятся эти слова, медсестра вышла.

Женщина, которая отвернувшись, лежала в углу, сразу подняла голову и посмотрела на меня. Это была Тайсией апай. Я поздоровалась. Она меня не знала. Видимо поэтому, не ответила на мое приветствие. Долго и внимательно смотрела, как бы раздумывая, где меня видела, и я сказала:

— Апай, вы же продавщица в овощном магазине, что в «Кооператоре». Я там живу. Я же всегда покупаю у вас овощи, — как бы спрашивая «теперь узнали меня?» Тайсия апай не стала проявлять радушия. Наоборот, неодобрительно насупив брови, произнесла:

— Милая моя, вас столько ходит, разве всех запомню, — и снова отвернулась к стене. В том же положении сказала мне:

— Что это вы молодые-то болеете? Вам же

шпору прыгать во всю прыть молодости, а не болеть, а?! У тебя тоже давление?

— Нет, у меня другое...

— Что, желчный пузырь твой лопнет, если сразу скажешь? И что же у тебя за болезнь?

— Сердце немного побаливает...

— И, что это с твоим сердцем-то случилось?!

«Странная она женщина», — подумала я, «что же она меня так допрашивает?», затем произнесла, будто в шутку:

— Да так, просто капризничаю...

Тайсия апай снова повернулась ко мне. Я засмеялась. Она тоже улыбнулась.

В тот день я увидела, что Тайсия апай сильно больна. К ней неоднократно приходили лечащие врачи и заведующий отделением. Измеряли давление. Делали инъекции в вену. Более двух часов ставили систему. На лоб накладывали холодные примочки, которые периодически меняли медсестры. И врачи, и медсестры контролировали и предупреждали ее: «Не двигайтесь, не переворачивайтесь с одного бока на другой».

В палате нас было пять женщин вместе со мной. Другие больные были ходячими. Все сходили на ужин. Получали назначенные процедуры. Тайсия апай, лежавшая на кровати рядом со мной, не двигалась. Не разговаривала. И не ела. Все мы легли спать. С утра начался забор крови на разные анализы. После анализов пришла в палату, и увидела, что Тайсия апай сидит на кровати. Увидев меня, спросила:

— Ты замужем? Я подумала «Она опять начала допрос, что ли?»

— Да, замужем. И еще у меня двое сыновей есть, — ответила я, подумав, что все равно спросит и об этом.

— Где работает?

Ответила и на этот вопрос.

— Сама, где работаешь?

И об этом сказала.

Тайсия апай сказала:

— Проснулась рано утром, посмотрела на твою кровать, а там никого нет. Подумала «Куда же она ушла?». Затем поднялась (ей нельзя подниматься с места) в туалет, и увидела, что лежишь и спишь, посапывая. Даже не заметно, что лежит человек, ты, наверное, меньше зайчонка. Как муж твой спит с тобой? Что это за женщина, если и обнять-то нечего? Кожа и кости одни... Боже мой, и на что же он позарился? Эти мужчины, не поймешь их... Как же он до сих пор тебя не бросил, такую неказистую, а..?

У некоторых людей есть привычка придирааться к тем, кого невзлюбили. «Видимо, я не понравилась апай. А может быть она хочет испытать меня?», подумала я, и сказала:

— Апай, часто бывает, что таким, как я, бог дает сполна. Мое счастье в том, что бог подарил мне двух сыновей, чтобы муж не смог уйти от меня. Хочет бросить, да не может. Я это чувствую. Но видимо, не хочет оставлять детей, или же боится требований партии, по которым должна быть только одна жена. Вот такие преграды на его пути. Вы правильно говорите. Кто же позарится на меня такую. Даже ноги, и те не прямые.

Больная женщина посмеялась от души.

— Ты, оказывается, понимаешь шутки, милая, — сказала она радушно. — И характер у тебя хороший. Такую, как ты, не бросают. Присматриваюсь со вчерашнего дня, ты мне очень понравилась.

— Теперь, наверное, вы мне разрешите прописаться в этой палате? — засмеялась я тоже.

— Разрешаю! Только не вздумай как я, полтора месяца лежать. Одна неделя, потом марш домой!

Засмеялись и другие женщины в палате.

На второй день, как я пришла, Тайсие апай разрешили ходить. Про это Тайсия апай говорила «это твое благотворное влияние, так как случилось

после твоего прихода» и восприняла это как добрый знак.

На третий день на место женщины, которую выписали, пришла еще одна новая женщина. Из совхоза дальнего района. И красивая, и высокая, и пригожая. Она была примерно одного возраста с Тайсией апай. «Бывают же красивые женщины и в сельской местности» позавидовала я ей. Красивая женщина ни с кем не разговаривала, насупившись, сидела сама по себе. Теперь внимание Тайсии апай было обращено на нее. Она шепнула мне на ушко:

— Давай, я буду придираться к ней, так же, как к тебе. Посмотрим, что она за человек.

Затем, она словно кошка, охотившаяся за мышью, стала наблюдать за ней. Через некоторое время вновь прибывшая женщина поднялась, понуро стала взбивать свою подушку, затем повесила на изголовье кровати красивое полотенце, которое принесла из дома. И тут Тайсия апай спросила у женщины:

— Ты замужем?

— Да.

— Где работает?

— Веттехник. На ферме... Вот только что сам привез... Дома маленькие дети... Тяжело ему придется одному... Как он кушать будет варить...

— Это вся твоя печаль?... Сама болеешь... Или мужа стало жалко?..

— Как же не жалеть... интересная Вы какая... он же на работе... дома дети...

— Ой надо же... Нужна ты ему больно... Он, наверняка, с радостью оставил тебя в больнице... Теперь едет домой, радуется. Завтра же найдется кому за ним присмотреть... Те же доярки будут на руках его носить, и лучше тебя ухаживать за ним... И мужу хорошо, и они рады...

Вновь прибывшая женщина растерялась, и чуть не задохнулась, не в состоянии что-либо говорить.

— Вы... Вы... интересная вы... Вы же не знаете

моего мужа... не такой он человек... Он не такой! О...! о...! о...! и...! — рапслакалась она.

Тайсия апай еще больше разбушевлась:

— Такой он человек! Вот испытай его, не говори, когда тебя выпишут из больницы, поедь и посмотри. И тогда увидишь, какой он...

— Вы что такое говорите, будто знаете моего мужа... оо... ооо... уу... — ревела она, слезы текли градом, падали на нос, на грудь, женщина засопев, вышла из палаты.

Я растерялась, не зная что и говорить.

— Глупая женщина! Самая настоящая глупышка! Терпеть не могу женщин, которые из-за мужей льют слезы и твердят «мой муж чист, он ни на кого, кроме меня не посмотрит». Глупая баба! Она, наверное, надеется на свою красоту. Тьфу! Мужчинам все равно, красивая ты или некрасивая. Когда вижу таких женщин, выхожу из себя... Видишь, до чего она меня довела...

— Может быть, есть секрет в том, что Вы так бушуете? Расскажите? — сказала я по своей профессиональной привычке.

— Я кому попало не рассказываю свои секреты, как обычная баба. Ладно, ты же журналист. Так уж быть, расскажу... Вы же пишете, может и пригодится... Я в своем возрасте многое повидала вот этими своими глазами (она пальцем показала на глаза). Могу говорить достоверными фактами. Достаточно рассказать только о приключении своего мужа на курорте в Крыму. Потом я видела своего начальника. Видела, как он гулял с женщиной старше себя на 12 лет, с продавщицей из магазина «Одежда», с бабой из Актобе. У самого этого моего начальника вот такая (показала большой палец) дома красавица жена. И вот скажи, какая ему была необходимость ходить к старухе? Увидев все это, я не поверю, что мужчина может быть верным. — злилась она. — Ладно, расскажу, коль начала.

Она взяла стакан, который стоял на изголовье

кровати, глотнула воды, и рассказала о происшествии в Крыму.

— Вот это мое давление тогда и появилось, после того происшествия в Крыму... Такой болезни не было у меня в роду, даже у далеких предков... Вот теперь я никак не могу избавиться от этой болезни...

Знаю я, что такое курорт. Мой муж постоянно ездил. Це-е-лый гла-а-вный инженер областного управления связи. Нача-а-льник. Крым, Сочи, Алтай, Ессентуки, все названия и не запомнишь... Каждый год уезжал в середине лета. Я ни разу не говорила: «Поеду вместе с тобой». Думала: «Зачем туда ездить, коли ничего у меня не болит, по курортам ездят только мужчины руководители». Ока-а-а-зывается, я тоже была глупой, как эта женщина.

Ты же знаешь, что такое магазин. Человека, для замены на свое место не найдешь. Начальник мой всегда говорил: «Ойбай, Тайсия, нет человека на твое место. Бери свои отпускные, и работай». Я соглашалась «Ладно, пусть так и будет». Копила деньги, думала, дети растут, пригодятся. На пару дней съезжу к матери в Костанай и дальше продолжала свою работу.

И как-то в одну зиму, видимо, вследствие простуды, стала часто кашлять, и все время болела. Муж, не думая, что я соглашусь, сказал: «Давай, в этом году возьму две путевки в Крым. И ты отдохнешь». Я была совершенно обессиленной, и сказала: «Ладно, хорошо. Поеду вместе с тобой, посмотрю, что такое курорт». Кое-как выпросила у своего начальника отпуск на месяц. Отпустил, не мог не отпустить, я ведь видела его приключения. Никому его не выдавала. Он был этим очень доволен. Иногда шептал мне на ушко: «Я очень тебе признателен». Видимо, решил таким образом выразить свою признательность. Выписал мне дополнительную премию, и поехала я с полными карманами денег.

Вот так я увидела Крым. Ничего не скажешь, красивые места. Остановились на берегу — в удобном уютном месте. Окна комнаты выходили на море. С окна дует свежий морской ветерок, дышишь полной грудью морским воздухом. Все прекрасно. Мне все время хотелось спать, будто никогда не высыпалась. Кашель прекратился, как отрезало. Покушаю, прихожу в комнату и заваливаюсь спать. Прошел день. Так же прошел и второй. Не было желания выходить из комнаты. Ты же знаешь наш овощной ларек. Иногда приходится поднимать тяжелые ящики. Видимо, выбилась из сил. Муж говорит:

— Вышла бы, погуляла по набережной.

Я отвечаю:

— Да подожди с прогулками, хочу отдохнуть, — и сплю дальше.

Муж не знает покоя. Говорит «пойду в ванную, получу процедуры», и уходит, встречаемся только в столовой. Вот так от души спала целую неделю. Как-то вечером проснулась, и чувствую жажду, сильно хотелось пить чай. Перед этим муж говорил, что у соседей есть электрический чайник, и часто бегал за чайником. Думаю, пойду попрошу у соседей чайник, и пошла бродить по коридору. Смотрю, одна из дверей наполовину приоткрыта. Из-за двери слышится звонкий женский смех. Следом услышала мужской, вернее, похожий на моего мужа, голос. Думаю, что это он делает в этой комнате, и решила по-тихоньку посмотреть. Смотрю, мой муж совершенно голый, и та женщина, похоже, тоже... в глазах потемнело... те двое, кажется, забыли обо всем на свете... Я, придерживая ручку двери, во все горло закричала:

— Эй, мерзавцы, хотя бы дверь закрыли изнутри!

От неожиданности меня затрясло. Не доводилось видеть ничего подобного. Застучало сердце. Пришла в номер, и со злостью начала собирать чемодан. Я, оказывается, и одежду всю не успела вытащить из чемодана. Следом, суетясь, прибежал муж. Не поднимает глаз, не смея смотреть мне в лицо.

— Все, ухажу! Пропади он пропадом, такой твой Крым! Вот каков, оказывается, твой курорт! — сказала я мужу. — Приедем и разведемся! Прошла всего неделя, как приехали в Крым. Где ты успел найти ее? Или каждый год приезжаете сюда вместе?! Как ты успеваешь и ванну принять, и на процедуры сходить, и к бабе той бегать?

Говорю и говорю, никак не могу остановиться. В тот же день улетела обратно.

— А муж остался, что ли?

— Остался... Что же ему еще делать...

— Перед отъездом я накрывала стол сослуживцам, хвалилась, что еду на курорт в Крым, к тому же, начальник дал премию, вот меня тогда распирало от гордости... Теперь же не знала как быть: как ехать домой, как смотреть в лицо сослуживцам... Уехала к матери в Костанай. К тому же и дети были там. Все рассказала матери, говорю: «Все, разведусь. Развелась бы, даже если было пятеро детей, не то что двое...». Вот тогда я и приобрела это самое давление... Мать сразу не стала что-либо говорить. И не возражала. И не одобряла. Ни слова... Я хожу, все бушую. И кушать не могу, полная апатия.

Через несколько дней мать сказала:

— Все хорошо обдумай, милая, одумайся. Усмири свой гнев. Вставай с места, не горюй, словно муж твой умер. Лучше помоги мне засолить огурцы, детям твоим зимой пригодятся. Пока не закончится твой отпуск, отдохни как следует дома. Потом поедешь к себе домой вместе с детьми. У каждого мужчины подобное случается. Можно простить. Ты не единственная женщина на свете. Без семьи ты никто. Детям нужны и отец, и мать. Если разведешься — проиграешь. Выиграешь, только сохранив целостность семьи. Женщина, которая с мудростью относится к жизни, всегда будет в выигрыше. Если муж тебя беспричинно не ругает, руку не поднимает, зарплату приносит домой — что еще тебе нужно?.. Не дури, возвращайся домой.

И не надо все время его пилить: «Ты сделал то, ты сделал это»... Он сам, наверняка, обо всем жалеет. Он умный мужчина, думаю, что сделает соответствующие выводы. Не пререкайся со мной. Исполни, что говорю. Вставай, покушай... приди в себя.

По совету матери вернулась домой.

— Исполнилось, то что предрекла Ваша мать?

— Да, так и вышло. После того случая он перестал ездить в курорты. Ни разу даже разговор не заводили о том случае. Как наступает лето, он едет на дачу, работает там.

Тайсия перестала говорить. Наступила тишина. Я тоже не стала ее нарушать.

Женщины в палате говорили между собой: «У нее хороший муж, по три раза в день ходит к ней в больницу».

Она засмеялась и произнесла с иронией:

— Чужой муж всегда кажется лучше...Да., правда приходит...Но разочаровавшись однажды, бывшего больше не вернешь...Разбившуюся чашу трудно склеить...— тяжело вздохнула Тайсия апай.

Получив все лечебные процедуры, я стала собираться домой. Перед уходом Тайсия апай сказала мне:

— Будем поддерживать связь, не пропадай, ты мне понравилась.

Я тоже привыкла к ней, поэтому сказала:

— Вы тоже быстрее выздоравливайте. До встречи, — тепло попрощались мы.

К сожалению, больше нам не довелось увидеться. Через двадцать дней случайно увидела некролог на четвертой странице областной газеты. Там сообщалось, что Тайсия Жагыпаркызы скончалась вследствие тяжелой болезни и выражалось соболезнование родным и близким.

Я не могла остановить слезы, было очень тяжело на душе. Ей не было и сорока трех лет. Оказывается, после того как выписали из больницы,

дома подскочило давление, и она скончалась до приезда врачей. Не довелось ей как мечтала, увидеть, как дети завели семьи. Тяжело пережила ее кончину. Когда вечером муж пришел с работы, я недобро посмотрела на него, будто во всем этом была и его вина.

Таких приключений, как приключение в Крыму, предостаточно у каждой женщины и сегодня. Но не у каждой из них есть мать, которая даст добрый, дельный совет, подобно матери Тайсии. Даже если найдется такая мать, не каждая дочь прислушивается к доброму совету. К тому же и гендерная политика, которая оказывает активное влияние на жизнь женщин, не всегда побуждает к сохранению семьи. И как итог, сколько у нас в стране разведенных женщин, неполных семей, и детей, обделенных любви и ласки одного из родителей.



ЧАСЫ СО ЗВОНКОМ – «БУДИЛЬНИК»

Журнак прожил большую часть сознательной жизни в ожидании очереди на получение квартиры и он получил ее всего за неделю до того, как покинул этот бранный мир. Приближению очереди, видимо, поспособствовало то, что спутница его жизни за их совместную жизнь произвела на свет семерых детей. Комнаты в квартире покойный поделил так.

— Эта комната похожа на общий вагон. В ней будем спать мы с вашей матерью. Здесь же с нами будут Улпаш и Кульпаш, — добавил он трехлетнего младшего сына и пятилетнюю дочь.

— Вот эта комната как плацкартный вагон. Кровать в ней не поместить, здесь будут спать Макура и Шакура, Тапек и Жапек, — определил он комнату для двух дочерей учащихся в третьем и пятом классах, и двух сыновей, учившихся в седьмом и девятом классах.

— А вот в этой самой дальней комнате — ну прямо отдельный, купейный вагон — в ней будет спать Айторе, пока замуж не выйдет, а если после ее замужества Тапек женится, с невесткой поселится — выделил он отдельную комнату для совершеннолетней дочери.

На радостях, после двадцати лет дождавшись эту трехкомнатную квартиру, в которой по сути не хватало по два квадратных метра на каждого жильца, он сделал той, на который были приглашены друзья и родственники. Обмывание этой радости горячительными напитками целую неделю не прошло для Журнака даром, у него подскочило давление и он покинул этот мир.

Старшим из тех четырех детей Журнака, что получили плацкартную комнату был Тапек. Его отец познал все прелести бытия в тесноте при коммунистическом строе, но жилищные условия Тапека тоже оставляли желать лучшего в его настоящем. Дом ему от отца в наследство не достался. Каждый из детей Журнака сегодня жил своей жизнью.

Сам с детства ощутив все прелести тесноты, Тапек не желал того же для трех своих детей и долго не раздумывая решился на «И-по-теку». Так он и взвалил на свою шею двадцать лет кабалы в виде двухкомнатной квартиры. И это при том, что он и его жена работали учителями в школе. Стабильная, небольшая, ежемесячная зарплата.

Платить долги по ипотеке оказалось не легко. Каждая копейка от зарплаты до зарплаты была на особом счету. На что-то хватало, на другое нет. Бывали дни, когда приходилось совсем туто.

— Тапек, — произнесла его жена в один из дней. На кой нам нужны эти две огромные комнаты. Давай сдадим одну в аренду. Были же времена, когда и десять человек в одной комнате жили... Хоть питаться будем нормально, и деньги какие-то в карманах водиться будут. Дети подрастают. Вещи дорожают...

— Наши дети же шумные. на одном месте не сидят. Кто думаешь придет жить в эту комнату? Жильцам, наверняка, тишина и покой нужны...

— Этот вопрос я беру на себя. Не у всех есть такая квартира. С центральным водопроводом и отоплением. Кунтимес, которая недавно устроилась школу, ищет квартиру. Ее муж оказывается в дорожной полиции работает. Они с двумя детьми не могут найти квартиру. Думаю, они захотят пожить в нашей комнате. И дети у них ровесники с нашими. Будут вместе играть и в школу ходить.

— Ну, хорошо, — согласился Тапек. Покойный отец всю жизнь в «общем вагоне» жил. Видно и мне это стороной не обойти. Поживем чуток в «общем вагоне», пока с долгами не рассчитаюсь...

— Да ладно тебе, — ответила ему жена Инеш, — в каком бы вагоне ты не жил, все у нас хорошо. Время такое, сейчас все казахи так живут.

Тапек доволен своей суженой. Мозги, как другие жены: «того нет, этого не хватает», не выносит. Все трудности с самого начала переносит вместе с мужем. Трех сыновей подарила. Все что зарабатывает, тратит по уму. Теперь посмотри-ка, пути решения денежных затруднений нашла.

Тапек с широкой улыбкой прижался своими пухлыми губами к лицу жены и от всей души чмокнул ее со словами «Ну ты молоде-е-е-ц» и шутя ткнул ее в бок. Не ожидавшая такого жена, смутившись, ответила:

— Да ладно, ну что ты прямо, не щекоти... Хоть побрился бы, что-ли?

— Завтра людей дома полно будет, наверное и пощекотать-то не получится...

— Так во-о-т оно что, это все, что тебя беспокоит? Ты наверное и натом свете способ найдешь...

Вот так, в квартире общей площадью меньше пятидесяти квадратных метров. стало жить девять человек.

Обе женщины были довольны... Вместе готовили, вместе ходили на работу. Общий язык они нашли быстро. Дети обеих семей тоже ходили довольные.

Да вот только мужчины никак не могли сладить. Если один дома, то другого нет. Отношения сразу не заладились. Муж Кунтимес постоянно был на смене. Тапек тоже с утра до вечера пропадал на работе в школе. Единственное о чем он спрашивал перед сном: «мои брюки поглажены?». После чего сразу засыпал, не обращая внимания на шум детей и происходящее с ним рядом.

Однажды Инеш недовольным тоном подшутила над ним:

— У тебя, кажется, кроме брюк других забот не осталось? Только и вижу тебя когда ты их утром одеваешь а вечером снимаешь. И то весь разговор «брюки, да брюки». Висят вон, поглаженые!..

Тапек, улыбаясь:

— Ну... и... на что это ты намекаешь?

Посмотрел на трех своих сыновей уплетающих еду и подрастающих в этой небольшой комнатухе. Глянул на жену... Супружеского ложа не видать. Круглый обеденный стол. Утром накрывается, вечером убирается. В двух шагах от него стоит телевизор. Рядом с дверью одиноко стоит вещевой шкаф. Кроватей нет. А когда всем расстилается постель, ноги Тапека достают до шкафа. Подле окна стоит столик для подготовки уроков. Под столом картонные ящики для книг сыновей. С этой стороны домашняя посуда и другая кухонная утварь Инеш. Оглядев все это, Тапек осознал, что нет большой разницы между ним, живущим в независимом государстве и его отцом Журнаком, пахавшим как лошадь при коммунистическом строе. Вздохнул. Вздохнул и невольно улыбнулся этой жизни в общем вагоне и праведному недовольству жены.

— Ну и что ты улыбаешься...

— Да я говорю — молодец ты. Я про некоторые вещи забываю. А ты мне о них напоминаешь...

Жена насупилась. Ни с того, ни с сего начала отчитывать детей:

— Вы спать собираетесь или нет? Ну-ка, выключайте телевизор, что с уроками? Все никак учить не закончите.

Сын, учившийся во вторую смену, ответил:

— Мам, я пока спать не лягу. Мне еще надо математику решить.

— И я не могу закончить сочинение «Моя семья». Помогите, пожалуйста, — подал голос средний сын.

На следующий день Инеш шепотом рассказала Кунтимес о семейных «проблемах».

Что же ты мне об этом раньше не сказала, я бы тебе подсказала, что да как? — спросила Кунтимес, — когда мы с мужем поженились, у нас были такие же проблемы с жильем как и сейчас. Были времена, когда нам приходилось жить в одной комнате с родителями мужа. Но, как бы там ни было, мы зачали и родили этих двух сыновей.

Инеш, не давая Кунтимес углубиться в историю перебила ее.

— Ну, и как с этим быть? Я имею в виду в тесноте-то... И дети рано не засыпают. Пока дождемся когда они уснут, сами засыпаем. Жалко, не лето, можно было бы на природе... ну ты понимаешь.

— А делается это так. Ты купи часы с будильником, обычные со звонком. Ставьте будильник на 4 или 5 утра. Это же время, когда у детей самый глубокий сон, вот только тогда и можно...

— Так в это время не только дети, и взрослые любят поспать.., — пробурчала Инеш.

— Ну, других вариантов я не знаю, мы и сами как-то так...

Они еще долго обсуждали разные, повседневные насущные дела. Надо и мужьям угодить, несущим на своих плечах нелегкий груз семьи, а не то они

могут и на сторону начать поглядывать. Так что, если не взять инициативу в свои руки, можно и обжечься, объясняла Кунтимес:

— Мужики сейчас словно петухи настоящие. Пропитание добывать - то добывают, но и по сторонам, нет-нет, да посматривают. Если их своевременно не ублажить, то о супружеской верности можно и позабыть, — говорила она.

Инеш не раз читала в газетах о том, что «Испытанная практика подходит большинству». Почему нет, можно и попробовать, решила она.

Тапек, услышав идею о будильнике, сразу обрадовался.

— Отличная идея. Только ты меня обязательно разбуди. Просто словами «просыпайся» тебе не обойтись. Сама же понимаешь что такое утренний сон», — произнес он улыбаясь. — Ну ты прямо молоде-е-е-ц!

— Молодец, молодец. Ты просто мастерски повторяешь это слово. Только я действий не вижу... Я же тоже человек. Могу и не проснуться... Лучше ты меня разбуди, если сам проснешься...

— Да если надо, я вообще могу сегодня не спать. Посмотрю фильм по телевизору.

От радости у Тапека загорелись глаза, и он улыбаясь начал что-то нашептывать жене на ушко.

— Ну-ка перестань, дети еще не уснули. Ты вообще соображаешь? Или думаешь они звуки кино отличить не могут?

— И то верно...

— Ладно, сегодня ты меня разбуди. А завтра я тебя разбужу.

...Утром, проснувшись от звука голосов проснувшихся детей, супруги недоуменно посмотрели друг на друга.

— Ну и где твой будильник?!

— Стоит на месте...

— Я же просил тебя разбудить?!

— А ты сам почему меня не разбудил?!

— Интересная ты! Я тебе что говорил!? Дергай, тормози, но обязательно разбуди. Видно, сама не захотела будить. А я так этого ждал...

— Т-а-а-к, не морочь-ка ты мне голову. Ждал он, видите ли? Надо было не спать. Стоит только голове до подушки добраться, засыпаешь как убитый. Что же ты не проснулся, когда я тебя тормозила?! А кто перевернулся на другой бок, со словами: «да отстань ты!» — еще и руку мою оттолкнул.

После этих слов, Тапек сразу утомился. Почесал затылок, и стыдливо произнес:

— Я что, так и сделал? Эх, что же меня холодной водой не облила?

На какое-то мгновение супруги замолчали. Весь этот день Тапек оправдывался перед женой и просил у нее прощения. Такие комплименты говорил, какие она от него и в молодости не слышала. Баловал, как мог. Ближе к вечеру настроение у Инеш поднялось.

Редко ли, часто ли помогал будильник супругам, но результат был на лицо.

Инешь летом того же года забеременела на четвертого ребенка, а Кунтимес арендующая комнату — на третьего.

В один из дней, Инешь завязала разговор:

— Когда мой Будильник родится, нам тут, наверное, тесно будет...

— А моему Будильнику, видимо, доля хорошая досталась. Мужу на работе служебную квартиру выделяют. Вот, хотела с тобой радостью поделиться, — сказала она и крепко обняла Инешь.

— Видно всевышний нам помогает. Давай договоримся, я буду киндик шеше (по-казахскому обычаю, женщина, которая режет пуповину новорожденному) моему Будильнику, а ты — моему.

— Да это вообще не вопрос, ну конечно... — они продолжали разговаривать, смеяться и делиться надеждами на будущее.

А потом еще долго шептались о чем-то...

Женщины... от них всего можно ожидать. Побольше бы таких хороших историй...

ИЗМЕНА (ТРАВИНКА В ГЛАЗУ)

Как-то утром собиралась на работу. Решила перед уходом убрать посуду после завтрака, и взгляд мой случайно упал во двор. Увидела силуэт старшей снохи Айны, которая суетясь, входила в ворота. Не успела я подумать:

— Ох, как бы Мурат ага не натворил чего? Не спроста сноха суетится с утра пораньше, — дергая ручку двери, спешно вошла сноха Айна и даже не поздоровавшись (она, обычно, в подобных ситуациях не здоровается), произнесла, запыхаясь:

— Мой клич всем девушкам: «Если хоть немного соображаете, никогда не выходите замуж за художника». Боже упаси от художников. Вот если рожу дочь, скажу ей, скажу дочке дочери, дочке сына: «Остерегайтесь художника!» Вот, горю я вся синим пламенем из-за своей оплошности...

— Что случилось, женеше (уважительное обращение к старшей снохе — к жене брата), из-за чего вы так отчаиваетесь, опять Мурат

ага что-то натворил, что ли?.. Что случилось, опять «травинка в глаз попала» (образное выражение измены у казахов)? Он же Вас буквально на руках носит... А Вы вот так...

— Ой, ой, о-о-й-й! Не подливай масла в огонь! Пусть лучше не носит меня на руках. Чуть что, даже ты за него заступаешься... Что Мурат, что твой брат Жексен, самые, что-ни на есть гуляки (Жексен мой родной брат, а Мурат друг моего брата). Хотела поделиться с тобой своей бедой, как с золовкой, а ты?.. С кем же мне делиться, как не с тобой, скажи, пожалуйста? Да чтоты знаешь вообще? Ничего не знаешь, ничего не видела еще. Сегодня опять всю ночь не спала... Ох, негодяй проклятый... Он никогда не бросит этой своей привычки... Не прекратит...

— Да, перестань, женеше. Объясни толком, что случилось?

— Опять... Мурат... Он не перестанет изменять мне. Ни одну юбку не пропустит, старик ненавистный, старый хрыч... Он изменил мне... А как мне проходу не давал, пока не женился, будто умрет без меня... Да и апа (имеет ввиду свекровь) доставала «Выходи за моего Муратжана. Если не женится на тебе, не позволю ему жениться на другой». Зря она так поступила, поспособствовала моему несчастью. Откуда я могла знать, что этот тертый калач такой гуляка... А как добивался меня. И портрет мой рисовал, и стихи сочинял. Не давал мне проходу, все душу мне изливал. Так как учились в одном классе, думала, все мы знаем друг про друга. Как он соловьем заливал. «Ни у кого в ауле нет фигуры, подобно твоей. Нарисую твой портрет и выставлю в Третьяковской галерее, что в Москве», — пел он. Пока не родила двоих детей, ни сном, ни духом не ведала о подобных его художествах.

Сама знаешь, и в Алматы последовала за ним, чтобы он окончил свою учебу. Чтобы не нуждался

в средствах, не стеснялась работать и уборщицей, сама же все знаешь... Если бы я не вкалывала таким образом, он разве окончил бы свою учебу художника... Разве ценит он теперь это мое добро. А дом, который сейчас строится, что я там только не делала? И кирпич заливала, всю черную работу делала... Всегда с иголочки его одеваю, лучший костюм на нем, говорю «Ты же на службе, должен соответственно выглядеть», а сама хожу в таких вот ситцевых платьях... Никогда подобно другим женам не просила ни золото, ни жемчуг. Только и живу заботой о домашнем очаге, о благополучии семьи. Разве он ценит все это, старик ненавистный. Теперь совсем обнаглел, не какие-то там мелкие измены, теперь он стал гулять по-крупному, е...е...ы...,ы...,ы...й

Потерявшая выдержку сноха, оттолкнула стул, подобрав подол платья, села на пол и стала реветь во весь голос. Время от времени вытирает лицо подолом платья, и ревет белугой. Слезы текут ручьем, будто льет ливень. Весь подол платья намок слезами.

Я, зная ее характер, стала успокаивать, чтобы еще больше не разбушевалась.

— О-о-й, женеше, злоба — враг, разум — друг. Успокойтесь, умирите злобу, расскажите, пожалуйста, спокойно о том, что случилось...Ну, не плачь, пожалуйста..., — приобняла я ее, стала гладить по спине, поцеловала ее соленые от слез щеки.

— Эй, девчушка, нечего меня успокаивать пословицами да поговорками, не зли меня, поняла... В тот раз я тебе говорила «Поговори с братом, дай добрый совет, пристыди... Он же тебя уважает, я знаю, если бы ты сказала, он бы прекратил... Но ты же не сказала... не захотела... не жалеешь ты меня», е...е...ы...,ы...,ы...

— Скажу, женеше, теперь точно скажу. Ну что же случилось, что это такое с Муратом ага? Странный он человек... Довел вас до слез...

Включила газ, поставила чайник, начала

накрывать на стол. Моя женеше хоть и плачет, исподлобья наблюдает за моими действиями, и начинает придирается ко мне:

— Эй, девчушка, чай-то у тебя с молоком? Или нет? Если без молока, я не буду пить. Можешь не ставить, пойду я. Сил уже не было терпеть, пришла с тобой поделиться. А тебе все некогда, все работа, работа... гори оно все синим пламенем..., е...е...ы..., ы..., ы..., — стала она дальше плакать.

Зная характер снохи, я сказала:

— Что Вы такое говорите, женеше. Все есть: и молоко, и сливки... С утра по-раньше принесла. Вчера спекла баурсаки, и варенье есть... Как будто чувствовала, что Вы придете... Ну, давай, умой лицо, за чаем и расскажешь, что случилось..., — всячески продолжаю я ей угождать.

Сноха, опережая меня, говорит:

— А ты?... Девчушка, разве не торопишься ты на работу? Если торопишься, то я пойду.

Я и это понимаю. Чем более приказным тоном она говорит, значит, тем тяжелее пригрешность Мурата ага... Это нужно любым способом подправить, как сквозную пулю, прошедшую через плечо.

— Что там работа, когда пришли вы? Работа, конечно, подождет. Сейчас позвоню на работу, придумаю какую-нибудь причину. Посидим спокойно, не будем спешить никуда...

Такие слова очень нравятся снохе.

— Ну тогда, сначала позвони на работу... Позвони, говорю, я...

Приказ мощный. Нельзя медлить. Чтобы сноха успокоилась, мне нужно немедленно позвонить. Набираю телефон одного из коллег.

— Алло, Куйкентай, это ты? Это я, Инеш. Я сегодня..., — запнулась, не зная, какую придумать причину. Тут Куйкентай сама подхватила нить разговора:

— Наверное, хочешь сказать, что задерживаешься, так как являешься дежурным по сегодняшнему

номеру (работаю в газете), знаю, знаю..., — нашла она причину моей задержки.

Я обрадовалась:

— Да, да, вот об этом я и хотела сказать. Теперь уж приду сразу после обеда...

За это время сноха несколько успокоилась. Посмотрела на зеркало в коридоре. Умылась, и уже, зная, что я не пойду на работу, подошла к столу. Я незаметно исподлобья наблюдаю за ней.

Глаза у нее опухли. Но все равно красивая. Красивая смуглая женщина. Брови вразлет, словно крылья ласточки, не тонкие и не толстые, будто нарисованные. Точеный нос, ясные черные глаза. Ресницы, словно, воспетые поэтами, прямые и очень длинные. Красота, не требующая никакого макияжа. Да, сноха была настоящей красавицей.

Моя женеше, Айна, самая настоящая красавица Баян-сулу нашего аула. И ростом выше среднего, стройная. А какая талия у нее осиная... И ноги прямые и полноватые, что не свойственно девушкам казашкам, а какой стан — фигурная. К тому же на спине две заплетенные длинные черные косы. Лоб открытый, волосы укладывает на прямой пробор и закидывает назад на спину свои длинные косы. А косы достают до самой голени. Когда она идет по улице, ни один человек не удержится, чтобы не обернуться ей вслед. Когда Айна повесив два ведра на коромысло, направлялась за водой в речку, что протекает каналом посреди аула, мы, маленькие девочки, всегда с удовольствием шли за ней, любуясь ее красотой. А когда бывали на поле, мы срывали пушистые цветные кисти кукурузы, заплетали их в свои волосы, и ходили, красиво раскачиваясь, подражая Айне.

Мой брат Жексен, который был старше меня на четыре-пять лет, Мурат и Айна учились в одном классе. Все они были ровесниками. Семья Мурата и мы были соседями. Поэтому Мурат любит меня, как родную сестру. Его мать, на плечи которой

пали все тяготы семьи после кончины мужа, и в самом деле, как только старший сын Мурат пришел с армии, уговорила Айну выйти замуж за него. Видимо, и родственники девушки тоже были не против. Да и сама Айна, по-моему, любила Мурата. Айна никуда не поехала учиться. А Мурат всегда мечтал стать художником, и все рвался уехать на учебу в Алматы. И тогда матушка Зубай поставила ультиматум:

— Поедешь в Алматы, если приведешь домой снохой Айну...

— Ой, апа, ты знаешь, сколько лет мне нужно учиться. Не могу жениться раньше времени... — сопротивлялся Мурат, так как не планировал жениться.

Но разве Зубай апай станет его слушать, сказала, как отрезала:

— Кто тебе не дает учиться?... Женись, и иди учиться. Я вот, все время болею. Снохой хочу видеть только Айну. Не нужно мне всяких вертихвосток из других мест. Пока не женится младший брат, проживет со мной. Иначе не дам своего согласия на Алматы.

— Апа, жени тогда младшего сына... Он и сам любитель девушек... А я поеду, окончу учебу, — хотел он повернуть стрелки на младшего брата.

Как бы там ни было, спустя некоторое время, Зубай апай добилась своего, женила Мурата на Айне. Через месяц после свадьбы отправила Мурата на учебу в Алматы, а Айну оставила возле себя.

У меня закончилось время летнего отдыха и я стала собираться в Алматы. Никак не забуду, как перед самым отъездом Айна, с полными слез глазами, обратилась ко мне со словами:

— Слушай, девчушка. Как поедешь в Алматы, приглядывай, пожалуйста, за Муратом, чтобы он не увлекался другими девушками. Прошу тебя...

Я ответила:

— Ой-й, женеше, мы же учимся в разных частях города. Даже и видаться часто не будем...

— Этот год буду рядом с мамой. Если на следующий женится деверь... я, конечно, поеду к Мурату... Ну что тебе, трудно присмотреть за ним всего лишь один год... Приглядывай за ним ради меня.

Я кое-как отвязалась, согласившись на ее предложение. Но я и не подозревала, что это моесогласие впоследствии будет налагать на меня большую ответственность.

Сидим вдвоем за дастарханом. Я налила чай. Женеше взяла свежих баурсаков. Ну, думаю, начнется теперь длинное повествование, которое в основном, будет состоять из охаивания Мурата ага. Айна женеше всемолчит. Уже попила три-четыре пиалы густого чая. Вот лоб ее взмок. Только после этого передвинула край подола длинного платья и вытерла им взмокший лоб.

— Не стала я садиться в автобус, пришла пешком, торопилась, думала не застаю тебя до работы. Аж в горле пересохло, пока добралась. Твой чай оказался очень кстати, — произнесла она. Затем добавила:

— Тебе хорошо. С мужем нет подобных проблем, живешь себе спокойно, сказала она, — как-бы намереваясь вывести какие-либо тайны.

— Откуда ты знаешь? — задала я встречный вопрос. — Он тоже видный мужчина. Девушки: что русские, что корейки, что татарки — караваном ходят за ним... Даже домой иногда звонят.

— Ты что, правда, что ли? Да перестань...

— А зачем мне врать? Все мужчины такие...

— Ты же образованная, поэтому и не показываешь всего этого, да-а-а...?

— А что толку показывать? Есть общие дети, быт, ...да и старшие бдят за нами... К тому же, чем больше ревнуешь, тем больше мужчины бесятся...

Я, чувствуя, что сноха хочет вывести мои тайны, стала придумывать разные «грехи» мужа. Все чаще стали двигаться пиалы. Теперь сноха уже начала потеть от души.

— В общем, выходит мужчины все предатели, так да? К примеру, ты вот работаешь, образованная, разве не так? И все равно муж поступает неподобающим образом, а? Вероломные отступники эти мужчины...

— Нуне все, наверное... К примеру, Мурат ага не такой... То, что его привлекает красота, так это же издержки профессии, он ведь художник...

Сноха, которая только стала успокаиваться, тут же встает на дыбы:

— Слушай, девчушка, не зли меня! Я тебе, о чем говорю... Я же поймала его на месте... Зачем же я, думаешь, пришла?...

— В самом деле? — Я делаю вид, что выражаю удивление. — Так бы и сказали...

Теперь уже всю размотался моток эмоции.

— Ты же знаешь, что этот старый хрыч (это ее ласкательное слово, предназначенное для Мурата ага) душу отдаст за шахматы. Все время с кем-нибудь, и еще играет в шахматы в беседке во дворе. Играет до самой темноты. Все время ужин остывает в ожидании его. Я говорю детям: «Посмотрите, папа ваш там до сих пор в шахматы играет?». Дети говорят: «Папа дважды поставил мат. Теперь напарник не отпускает, хочет отыграться, начали третью партию».

Сколько я могу ждать. Говорю детям:

— Когда папа придет, пусть разогреет еду, я пойду спать.

Утром ухожу мыть полы в больницу. Прихожу в обед. Он на работе. Вечером опять ухожу мыть полы. Прихожу и валюсь с ног от усталости. Оказывается, этот старый негодник Мурат уже месяц, как играет в шахматы.

Перед этим, я, горемычная, как-то говорила ему:

— Что это за человек, с которым ты играешь в шахматы? Зачем всю ночь сидите во дворе, комары же кусают, играли бы дома?

— Ой-й, — ответил он. Сам толком не знаю, кто такой. Приехал погостить к сестре в тот подъезд... Перед этим видел, как он поставил мат одному русскому. Я и спросил, как он смотрит на то, чтобы сразиться со мной? Он сказал: «Давай, поиграем». С того и началось все. Проигрываем по очереди. Получается ничья. Но играет хорошо, сказал Мурат, и ведь, ни один мускул не дрогнул на лице.

Вчера пришла с работы, вижу, Мурата опять нет дома. Спрашиваю у детей, они отвечают: «Ушел играть в шахматы». Вышла на улицу, в беседке никого нет. Думаю, «придет, наверное, скоро». Стала готовить еду на завтра, да и брюки его погладила, до половины двенадцатого все возилась на кухне. Его все нет. Подумала, «что же он так припозднился?», и вышла на улицу. Смотрю на лавочку перед соседним домом. Взрослых совсем там не было. Я подумала: «Наверное, человек, с которым он играет в шахматы, пригласил домой к сестре, так как на улице комаров много». И пошла по всем квартирам соседнего подъезда. Нигде его нет. Нажала на кнопку очередной двери и потянула на себя дверь, и неожиданно она открылась. Смотрю, за дверью стоит мой Мурат в одной только майке. Он растерялся, и говорит, будто находится у себя дома:

— Э-э-э, Айна, что ты тут делаешь? А... а... проходи.

— Эй, ты сам, что тут делаешь, шепчу я, думая, что там находится человек, с которым он играет в шахматы.

Не успела это произнести, как шатаясь, вышла худосочная — кожа да кости — женщина в обтянутом синем платье кимоно, которая, кажется, упадет, если только дотронешься до нее.

И что ты думаешь, сказал, этот старый негодник Мурат:

— Да так просто, вот, человек пригласил на

чай, я и зашел... Собирался уже уходить, говорит он без зазрения совести, а сам все стоит в одной майке, даже не пытаюсь искать рубашку. У меня чуть не остановилось сердце. Напрягшись, рывком зашла в зал.

Смотрю, стол накрыт белой скатертью. На столе разные блюда. В середине то ли коньяк, то ли вино, не знаю, стоит бутылка... та женщина с тощей шеей, к тому же смеет мне говорить кокетливо:

— Проходите, садитесь за стол...

— Сяду, - сказала я, - никуда я не спешу.

Затем всю еду со стола собрала себе в подол, и сказала, стоявшему как соляный столб Мурату:

— Эй, старый негодник, где твоя рубашка? Что это за вид, разгуливаешь в одной майке? Это и есть твои шахматы, где играете вничью? Это та самая женщина, которая хорошо играет? — Затем стала хлестать по щекам эту самую женщину, которая испуганно стояла бочком... И этим не ограничилась:

— Потаскуха, — орала я, — думаешь, добро наживешь, разрушая чужой очаг? Завтра же пойду к твоему руководству, все там расскажу!

— Апатай (сестра)! Не делайте так, умоляю Вас, смеет говорить еще эта бесстыдница.

— А что она говорит «апа», младше вас, что ли?

— Пес ее знает. Кажется, служащая. По худобе похоже на то. Ростом чуть выше метра. Боже ты мой, и грудей нет, ухватиться даже не за что, худосочный черный сук. И вот, скажи мне, девчушка. Посмотри на меня, вот какой у меня рост, вот мои груди, такие полные... Вот, белые мягкие бедра... а ноги какие ... не спички, как у нее.

Сноха, нещадно сжимая и разжимая, стала демонстрировать части своего тела. Я все кивала головой.

— И вот скажи мне, пожалуйста, что нужно твоему глупому брату, а? Если приходит в постель, никогда не отказываю... Старый..., горю я вся от злости, все нутро горит...

— Потом что?

— Что может быть потом. Брат твой, ноги в руки и умчался домой, меня даже не стал ждать. Словно хотел сказать: «А-а, разбирайтесь сами вдвоем...». Ну коль осталась, я все и выпросила у той женщины. Она и рассказала:

— Пришел к нам как-то с братом играть в шахматы. Муж мой попал в тюрьму... Мы с братом, кое-как через его знакомых сократили ему срок. Брат уехал. Вот проходила сегодня мимо, вижу, сидит он на том месте, где вчера играли в шахматы. Я и предложила, «Давайте, ага, вместе чай попьем»...

Почему же ты, бесстыдница, если муж в тюрьме, пьешь в своей квартире спиртное с чужим мужчиной? А ну-ка, скажи мне, спали вы вместе или нет, говори быстро...

— У агай не было таких нечистых помыслов... Хороший он человек...

— Эй, что это чужой муж кажется тебе хорошим, а..? Почему он тогда был в майке?

— Агай не смог открыть коньяк и разлил его на рубашку. Поэтому я постирала его рубашку и вывесила на балконе... Апай, простите, пожалуйста, и меня, и агай...

— Эй, шлюха, — сказала я. — Я сама знаю, прощу своего мужа или нет.

И все собрала со стола, не оставила даже крошки. В подоле платья принесла домой сладости: изюм, курагу, конфеты, печенье, и все высыпала перед детьми, которые не спали и смотрели телевизор. Дети обрадовались, будто праздник какой настал, стали лакомиться сладостями. Брат твой сидит, как ни в чем не бывало, и смеет еще говорить:

— Да перестань уж, Айым моя (Луна моя). —

Конечно, в подобных случаях я сразу становлюсь Луной. — Не стоит она того, чтобы ты ревновала. Она и волоска твоего не стоит. Видела же сама собственными глазами... Ну, я же мужчина. Как я откажусь, если приглашают на чай. Что, должен был сказать: «Жены боюсь»?.. Все на месте, — с этими словами ушел спать, как ни в чем не бывало. Кто их знает, может быть, все и было... Иначе, почему ходил в майке, а? Всю ночь не сомкнула глаз. А твоему брату хоть бы что, ни один мускул не дрогнет на лице...Еще и говорит:

— Жалко стало, муж, оказывается, в тюрьме. Стало как-то жалко ее... Я же познакомился с ней, когда пошел к ним с ее... братом. Я спросил у нее... «Когда уехал брат?» Она говорит «Кажется, сегодня. А возможно, и вчера». Потом пригласила на чай, ну, думаю, женщина в печали, поддержи,... просто хотел попить чаю... Ей богу, не было дурных мыслей. Потом... она, оказывается, поставила на стол коньяк. Я же не пью, думаю, граммов 50 попробую из-за уважения. Хотел открыть бутылку, и разлил на рубашку... Ну и пришлось выслушивать ее... историю, пока высыхала рубашка.

— Одним словом, не чисто все... здесь... Я знаю, как он складно врет, оч-чень складно... Вот тут также все... наврал. Из-за этого старого негодника вообще перестала общаться с двоюродной сестрой.

— С Жансая, что ли? Почему же?

— Та девушка сама виновата. А к слову, не позволяй дома жить девочкам родственников! Мне даже неудобно было говорить тебе об этом... Вообще, никому не говорила... Ойбай, если я тебе расскажу о том случае, упадешь...

— Что это с Жансаей? Разве не родственница, сестренка же твоя?

— Ну да, молодая... зеленая, скажешь еще...?.. Этой девчужке, оказывается, была нужна не учеба, а поскорее выйти замуж... Уже и вышла, оказывается, за кого-то там... Приглашала на

свадьбу, но я не поехала. Из-за нее... мы с братом твоим чуть не развелись. Как вспомню про тот случай, чуть с ума не схожу...

Сноха тяжело вздохнула и произнесла: «Ух, чего же только мне не доводилось испытать!», — она обмахнулась подолом платья. Затем, продолжила говорить про тот случай, который долго держала в себе.

В то лето Жансая приехала, якобы поступать на учебу. Все мы тогда жили в строящейся временке. Днем заливаю кирпичи, складываю в кучу глину, устаю так, что к вечеру валяюсь с ног. Старый не выходит на черную работу. Говорит: «Ойбай, получил заказ на портрет одного батыра», и уходит в мастерскую. Думаю, «пусть Мурат работает, рисует, будут деньги для дома» и молчу. Вечером как поужинаем, с наступлением сумерек, стелем одеяла и все ложимся штабелями. И девери, которые вместе со мной заливали кирпич, как только положат головы на подушки, тут же уже храпят. Жансаю не заставляем работать, думаем, девочка же хрупкая, она только помогала накрывать на стол, ставила чай и прочее. Думаем, пусть готовится поступать на учебу. Вечером твой брат стал подкатывать ко мне, все вертелся возле меня, давая знаки. Я говорю ему:

— Эй, старый негодник, полный дом людей, остынь. Посмотрела бы, если целый день заливал кирпичи, как я.

Говорила же уже, все ложимся штабелями рядом. Жансая ложится рядом со мной. За ней на расстоянии около метра — Мурат, далее лежат его братья...

В какой-то момент, видимо, сам бог разбудил, слышу чей-то стонущий голос. Открыла глаза и смотрю, этот старый негодник Мурат присосался к шее Жансаи, и собирается целовать ее..., по-настоящему целовать... И девчушка не прочь, сто-о-о-нет от удовольствия...

— Эй, что это вы делаете, а?! — соскочила я с места.

Твой бесстыдник брат говорит:

— А, а... ты проснулась, что ли? (Выходит, я не должна была просыпаться). Да я, решил подшутить... Я же зять Жансае... вот... чуточку поцеловал ее.. в щеку,... да, так вот...

— Потом что, женеше?

— О-о-й, долго рассказывать. Как вспомню, так и болит сердце. Жансаю отправила к себе в аул, сказала: «Не увидимся больше. Причину сама расскажешь родителям». Хотела развестись с твоим братом... Эх, что поделать, дети все заревели в голос, завывая «па-а-а-па», что кости занули от их плача. Ну я побушевала, побушевала, да перестала. А та девочка, как она могла?.. Не чужая ведь, сестренка моя...

— Как же брат оправдывался в той ситуации?

— Да разве будет он оправдываться, меня же еще сделал виноватой. Говорит: «Айым, ты такая интересная. Что мне было делать, если рядом с тобой лежала с полуоткрытой грудью пышущая жаром сестренка твоя Жансая. Ты храпишь всюю. И те (говорит про своих братьев) тоже храпят. Ни о чем таком даже не думая (он никогда ни о чем не думает), посмотрел в твою сторону и думал о тебе «бедняжка моя, она же несоздана для мучительного труда, устает, заливая кирпичи... Что бы я делал, если на свое... счастье не встретил Айну...» Оказывается, не спала и Жансая. Перевернулась в мою сторону и легко вздохнула... ну она же твоя двоюродная сестренка. Если говорить по обычаям, имею же полное право заигрывать с ней как жезде — зять. Потом, думаю, посмотрю, разведаю, как она отнесется, и положил руку на ее... предплечье... Жансая, не то, что противиться, наоборот, схватила мою руку и не отпускала. Сама подумай, ночь, когда просыпаются чувства... На нас сверху падает свет луны. Рядом лежит пышущая

девушка... К тому же, если она сжимает твою руку горячими ладонями... что я должен был делать, а? К тому же, что было интересно, она как-то странно вздыхала. Ну я понемногу и приблизился к ней. Все кругом храпят. Сестренка же твоя не прочь... Только начал вдыхать запах шеи горячей девушки, тут проснулась ты... Сестренка твоя тоже ведь виновата... Наоборот, сказала бы мне: «Ага, что вы такое делаете, как вам не стыдно?» Нет, не сказала.., ну я же мужчина, в конце концов... Здесь виновата ты, что уснула, и твоя сестренка Жансая, которая только и ждала, когда ты уснешь... К тому же, зачем ты приняла ее в дом, где полно мужчин? Если не я, то Суат, Курак, Журат — все они зрелые холостые парни, как ты не побоялась, а?!» — вот так сидит он и рассуждает, можешь представить?..

— Да, этот поступок брата, самое что ни есть, Дон Жуанство, по-другому не скажешь...

— Вот, вот. Прямо как в кино... Как же называется... Есть же магазин «Детский мир»... Вот там, над этим магазином жила одна — то ли девушка, то ли женщина... Кое-как от нее... избавилась. Теперь эта появилась...

— Что я теперь должна делать? Что я должна говорить Мурат ага? Как-то, даже неудобно мне... говорить с ним на такую тему,— запнулась я.

Женеше, которая уже успела успокоиться, говорит мне:

— Ай, да перестань, девонька... Я уже не могла держать всеэто... в себе, и как с близким человеком, хотела поделиться с тобой... Можешь не говорить с ним... Эй, лучше заверни-ка мне детям этих конфет. Мальчики нашего дома никогда не наедаются сладостями... Прихвачу домой. Ух, как оказался ко времени твой чай. Полегчало, жить даже захотелось, — начала она собираться. Затем, вновь повернувшись ко мне, глянула мне в лицо, и говорит:

— Слушай, а каков-то твой, а? Зять-то наш?.. Молчун молчуном, а смотри-ка?! Ты не позволяй ему ничего подобного... Поддавай жару время от времени, подобно мне...

Я слышу по ритму ее.. голоса, что она, по-хорошему, довольна тем, что гуляет ни один только ее... муж. Зная это, я говорю:

— В принципе, не стоит ревновать мужчин. Я и Вам советовала бы. Слава Аллаху, у вас есть дети, брат любит Вас. Приносит и зарплату, и другую прибыль...

— Слушай, я же этого старого негодника, люблю до умопомрачения, люблю ведь... Этот слащавый негодник, он же очень красив... Вот этим и пользуются некоторые. К тому же у меня комплексы, что необразованная... Вот, и думаю иногда, возможно, из-за этого он и смотрит в сторону. Если была бы образованной как ты, может быть, и не ревновала бы... К тому же он... сердобольный... всех жалеет... Видишь же, всех жалеет... но нельзя же так... Я права?

— Конечно, это не правильно, — говорю я осторожно, боюсь не угодить. Затем, говорю снохе:

— Зачем Вы в таком платье выходите на улицу?.. Есть же у вас платье, ну, то самое, которое подчеркивает вашу фигуру? Почему Вы не носите его? — думаю, надо отвлечь ее... мысли на что-то другое.

— Которое?.. Ты говоришь про то прямое платье, которое я сама сшила?

— Да, про него...

— Может быть, мне нужно отрезать волосы?

— Ой, что вы, прекратите, даже не думайте, .. резать такие длинные волосы? Таких длинных волос не найти и по всей республике... Брат очень красиво нарисовал ваш портрет, где вы с длинной косой...

Сноха подобрела от подобных комплиментов, от прежнего гнева не осталось и следа.

— Слушай, как-то, раз я мыла полы на работе. А там, в одной из палат, оказывается, лежит большой начальник. Все... смотрит на меня, и смотрит... Ой, а глаза-то у него какие, не очень приятные... Я прошла в следующую палату. Он вышел следом в коридор... И, все... смотрел на меня. На следующий день я зашла к нему в палату с ведром, чтобы помыть полы, а он мне говорит:

— Сестренка, кто это позволяет мыть полы такой красивой и пригожей девушке, как Вы? Будь моя воля, я бы заказал большой сувенирный ящик, посадил Вас туда и любовался бы...

— Я представила твоего брата, который так же говорит кому-то подобные слащавые слова. И как заору на него:

— У Вас дома, наверняка, есть жена, такая же, как я... Болеете, и умудряетесь на такие поступки. Бессовестный!

Он сам испугался. Попросил прощения. Я, разве, не правильно поступила? Дала же ему хороший отпор, а?..

— Правильно, женеше... но все это... можно было сказать спокойно... Видите, он такие слова сказал потому, что Вы в самом деле красивы. Возможно, он и не думал ни о чем плохом... Почему Вы позволили себе говорить с ним в таком тоне? Видимо, привыкли так говорить с моим братом... Как можно говорить в таком тоне... с незнакомым человеком?..

— Вот в подобных ситуациях и видно, что я необразованная, не так ли, а? Мне и самой было стыдно потом, что я так кричала? Просто так получилось, что в тот момент вспомнила Мурата... Знаешь какой он? Как только увидит девушек, тут же становится вежливым, услужливым... все болта его в тот же момент ослабевают... А если надо говорить пустые комплименты, о-о.., тут нет ему равных... Любая девушка тут же влюбляется в него...

Я, растерялась, но не стала сдавать позиции:

— Мурат ага любит Вас... ни на кого не променяет... То, да се..., все. это...разговоры... у всех у нас есть мужья. Все они не прочь от девушек,.. — начала я гнуть свою линию.

— Да ладно, прекрати, пожалуйста,... Ладно..., пусть все останется здесь же... Да я, так просто... думала, лопну, если не поделюсь с кем-нибудь... Вот, и пришла к тебе... Ладно, пойду домой. Да и обед еще не приготовила., — направились она к двери.

И я с облегчением вздохнула, про себя думаю, надо собираться на работу.

Если только Мурат ага не натворит чего-либо, у Айна женеше все хорошо, все спокойно. Но подобное спокойствие не длится надолго. Звонит телефон. Теперь на той стороне торопливо говорит Мурат ага:

— Инеш, послушай меня. Я и Жексен, все мы играли в карты у вас дома. Ночевали у вас. Разошлись в шесть утра... Все...Если придет Айна, так и скажешь, — и тут же положил трубку.

Интересные все они. Почему это я все... время должна о чем-то свидетельствовать между ними. Не закончила я свое... бормотание, тут же раздается стук в дверь. Ясно, кто там за дверью... Открываю дверь. Оперев руками бока, тяжело дышит Айна женеше:

— Эй, девчушка, скажи только правду. Если только в этот раз то, что говорит Мурат, правда, никогда ему больше не скажу ни слова. И к тебе не буду ходить... только скажи правду!

— Что случилось, женеше? — говорю я несколько недовольным тоном.

— Почему Вы никогда не верите мужу?

— Эй, девчушка, что я должна делать, если твой брат не внушает доверия? Все время изменяет... Ночью они — Мурат и Жексен играли в карты в этом доме?

- Играли..., а что же тут такого?
- И что, они и ночевали здесь?
- Да, ночевали... что же тут такого?
- И что, ушли только недавно, в шесть утра?
- Да, а что тут такого?
- Надо же, оказалось правдой, — плюхнулась

сноха. — Представляешь, всю ночь нет этого старого негодника Мурата. И так жду, и сяк... Позвонил домой к Жексену. Уржан говорит, ушел с твоим мужем, и нет их. Обычно же, они не ходят к вам, откуда мне было знать?.. Ладно, коль были здесь,.. — сомнения снохи стали рассеиваться. — Я-то думала, врет... Надо же, не врал, оказывается...

— А он говорил, как пришел к нам? — спрашиваю я, желая знать, как все было.

Милая моя, доверчивая как ребенок, женеше, дальше рассказывает все сама, без дальнейших расспросов.

— Говорил, говорил... После 10-ти вечера, сказал он «Были дома у Инеш. Шли мимо с Жексеном, он и говорит: «Давай зайдем, давно не видел сестренку, да и племянников надо бы поведать». Пришли, и зять оказался дома. Он не знал, куда нас посадить, приняли радушно. Да и Инеш стала уговаривать, приготовила кушать, поставила чай. Сели за карты. Сама знаешь, что это такое... Не заметили, как перевалило за полночь. И такси уже не было. Ну и подумали, не у чужих людей же ночевать, своя сестренка.., так и остались спать. К тому же Инеш уговаривала и не отпускала: «Зачем вам ехать так поздно?» И тебя добрым словом вспоминала. Не веришь, так сама можешь спросить» сказал он. Хотела тут же позвонить, но тут, как назло, телефон у нас не работал. Ночью работал, а тут не работает (Я тут же смекнула, в чем дело, брат, видимо, оборвал телефонные провода, и смело сказал «звони»). Вот и пришла к тебе... И ты интересная, не могла, что ли, ночью позвонить? Сказала бы, что они

играют в карты. И я бы пришла, посидела со всеми вместе, попила бы чаю...

Я тоже вспомнила что «не работал телефон».

— Звонила, женеше, трубку никто не поднимал... Гудки шли, но никто не поднимал.

— Ну, да... видимо, не работал. Ты, девчушка, извини. Как только попадет «трава в глаз», тут же бегу к тебе. Что бы я делала без тебя? С детства знаю, ты же мне как родная сестренка... Ты же образованная, это хорошо. Жизнь знаешь... Иногда, выйду от тебя, и думаю, интересно, все ли бабы такие же, как я?.. Извини... Спасибо, что понимаешь мои недостатки!

— Женеше, Вы бы послушали меня, если скажу что-то? — говорю я, чтобы обратить ее внимание на себя. — Вот вы все время следите за братом. Не устаете же, а,.. не устаете... И Уржан (моя родная сноха) такая, не дает покоя Жексену. Чуть опоздает, тут же начинаются допросы: «Где ты был? С кем ты был?». Вот у нас на работе одна женщина так же донимала мужа с допросами, так он взял молодую токал (вторую жену), и ушел к ней. И все. Теперь она жалеет, что донимала мужа допросами. Вы не боитесь подобного исхода? (это и придумала на ходу небылицу).

И без того большие глаза снохи чуть не вылезли из орбит.

— Да, перестань! Правда, что ли? Слушай, девчушка, ты не шутишь?

— Хоть верьте, хоть не верьте, это — самый что ни на есть, правдивый случай. Таких историй сейчас много... Потому как, в Казахстане очень много незамужних девушек.

— Ойбай, милая, тогда, получается, измена -- это еще пол беды... Да ну тебя... что ты такое говоришь, а? Наверное, это правда... да, в самом деле, правда... У нас и в больнице говорили. Одна девушка-врач, оказывается, увела семейного мужчину к себе домой. Сама в положении, говорят,

вот-вот, выйдет в декрет... Интересно, не она ли это?.. Говорят, что нынешние девушки не стыдятся быть токал...

— А Вы что говорите?.. Если же ненароком «попала в глаз травинка», так вы протрите и уберите ее, да не доставайте брата ненужными вопросами...

— А ты? Что будешь делать ты? У твоего мужа тоже ведь имеются шуры-муры,.. — пристала ко мне сноха.

— Я, что ли? Я сейчас готовлю статью в газету, которая называется: «Байбишелер (первые жены), умеете делиться счастьем». Если вдруг моего мужа полюбит какая-нибудь девушка, я согласна, чтобы он имел вторую семью, не скрывая это ни от меня, ни от других. И не возражаю, чтобы токал общалась с нашей семьей, с нашими детьми. Эта девушка, ведь тоже имеет право на счастье. В Казахстане много девушек сидят дома, не могут обзавестись семьей. А такие, как Вы, не дают мужьям и шагу ступить в сторону... А так, скажите, каковы наши Мурат и Жексен?!.. Я приглашаю всех байбише обсудить данную проблему. Завтра моя статья выйдет в газете. Сами прочитаете... Вот сами подумайте,... — продолжала я, но тут женеше прервала меня словами:

— Да ты самая настоящая дура! — и вышла, сильно хлопнув дверью. После этого Айна женеше прекратила приходить ко мне домой с жалобами. Это — раз. Во-вторых, даже если не совсем прекратила следить за братом, но прежнего рвения уже не было. Я так понимаю, чем терпеть токал, видимо, намного легче смириться с «травинкой в глазу».

«ТРУДНЫЕ» СОСЕДИ

В хадисах пророка Мухаммеда написано «живите в ладу с соседями». Я с этим согласна. Не возражаю. Однако, не знаю как ваши соседи, к несчастью моему, мои соседи люди «трудные». Вообще не хочется говорить о них. Но в этот раз придется рассказать, лопнуло мое терпение, больше не могу молчать...

Мы живем в одном из многоэтажных домов, где восемь подъездов. Наша семья живет в первом подъезде, этаж второй, квартира шестая. Рядом с домом есть школа, детский сад и магазин, одним словом, все, что необходимо для жизни. Очень удобно. Но из-за неудобств, связанных с соседями, хочется переехать хоть сейчас. Но не так-то и просто обменять квартиру. А менять соседей еще сложнее. Теперь расскажу о соседях.

Прямо напротив нашей квартиры живет полковник средних лет с семьей. В

семье у него много народу. К тому же — одни мальчики. Есть мальчики, которые учатся, есть и те, которые не учатся, кто-то работает, а кто-то — нет. Кто-то заходит в дверь, кто-то выходит... Как говорит жена полковника Разия женгей, они и на ночь дверь не закрывают. Я спрашиваю у нее:

— Все же живете в городской местности, не боитесь, что зайдут воры?

— Какие воры? Им, наверняка, тоже хочется жить. У нас ведь до самых дверей лежат люди, — говорит она.

В этой же квартире живет и мать полковника, которой около ста лет. Пухленькая светлая старушка. Из уважения к ее возрасту, когда вижу, приветливо здороваюсь, справляюсь о ее здоровье. Она не слышит. «Говори громко» просит она. Учтиво выполняю ее просьбу. Впоследствии не раз думала, наверное, это моя учтивость сослужила мне плохую службу. Потому как старушке нравилось беседовать со мной. После работы забираю двух своих детей из детского сада, и полными сумками продуктов, необходимых для ужина, только начинаю открывать замок нашей квартиры, как тут же открывается противоположная дверь, старуха высовывает голову и произносит:

— Что-то ты сегодня припозднилась?

За день так устаю, что подобные допросы выводят из себя. Но, все же проявляя вежливость, начинаю оправдываться:

— Аже (бабушка), заходила в магазин, вот детей забрала из садика.

Старуха, которая не расслышала, говорит:

— Что ты сказала, говори громко?

Теперь я близко подхожу к ней и громко повторяю те же слова. Она кивает головой, как бы давая знать «поняла».

— Что-то пить хочется, зайду к тебе на чай, — произносит она.

Будто целый день ждала меня и не пила чаю

у себя дома. Что поделать? От безысходности говорю:

— Заходите, аже. Сейчас поставлю чай.

Хотя и не слышит, о чем я говорю, она заходит вместе с детьми и садится на стул на кухне. Я сразу ставлю чай на плиту. Пока я разденусь и раздену детей, старушка, будто она моя свекровь, кричит из кухни:

— Чай твой тут вскипел уже.

— Сейчас, аже, — бегу я на кухню.

Тут поднимают шум мои детки-погодки: «мама, он забрал мой пистолет», второй кричит: «нет, это мой пистолет» и начинают плакать, призывая меня к судейству.

— Старший у тебя смирный, младший, похож — драчун, — комментирует старушка, исподлобья следя глазами за дверцей холодильника, которую я, то открываю, то закрываю.

Затем обращается ко мне командным голосом:

— Да садись же, попей чаю вместе со мной.

— Пейте, пейте... я начну готовить ужин.., — начинаю возиться.

— Что ты собираешься готовить? — спрашивает она.

Кое-как сдерживаюсь, чтобы не нагрубить. Не дожидаясь моего ответа, продолжает:

— У тебя хорошо получается плов. Если сегодня приготовишь плов, завтра вечером приду, отведаю. Я не голодна, но очень нравится твой плов...

Я задумываюсь, «а есть ли дома морковь на плов» и снова открываю холодильник.

Тут приходит с работы муж. Я радуюсь его приходу. Потому как старушка не сидит, когда муж дома. Люди старых времен, воспитаны в духе уважения к мужчинам. Она собираясь домой, встает с места. Я тоже не уговариваю остаться. Потому как знаю, что она и завтра, и послезавтра, и потом, если только будет возможность, будет приходить к нам домой в это самое время.

В один из дней Разия женгей, видимо, знающая, что свекровь часто ходит к нам, ждала меня на моем пути. И сказала мне:

— Милая, наша бабушка часто ходит к вам. Дома смотрит на часы и ждет время твоего прихода. Я говорю: «Апа, что ты потеряла у них дома», но она не слушает меня. Она потеряла меру в еде. У нее все время чувство голода. Мы стараемся кормить по возможности ее организма. Поэтому и ходит к вам. Потом болеет ночью. Рассказывает нам, что ела у вас. Милая, не давай ей все, что она просит. Она старый человек... Хозяин дома — сын ее, отругал: «Что с тобой, зачем ходишь к соседям, будто не наедаешься дома? Соседка молодая, к тому же дети у нее маленькие. Не успеет прийти с работы, тут мешаешь ей ты... Может ты просишь ее приготовить блюда на заказ?..». И меня наругал, сказал «не выпускай ее из дома». С тех пор она из дома не выходит.

Что скажешь по такому случаю.

— Ничего страшного. Взрослый человек, бывает, — ответила я. А про себя вздохнула с облегчением: «Уф, хорошо бы!»

После старушки, человеком который прилипает ко мне, является Алима татей (тетенька) из третьего подъезда. Мужа у нее, нет. Был, но развелась. Дочка учится в Караганде. Ни с кем она не общается. Гостей не приглашает, кроме как к нам, никуда в гости тоже не ходит. Работает она окулистом в больнице. Ее назойливость порядком поднадоела не только мне, но и мужу с детьми. Дети говорят:

— О чем она все время рассказывает Вам. И Вы не устаете слушать ее... Не надоело?

— Что могу поделать, даже если надоело. Она и приходит специально поделиться с тем, что в ней поднакопилось, отвести душу,... — отвечаю своим детям.

Татей постоянно приходит в субботу и воскресенье.

За пять рабочих дней, обычно, так вымотаешься, поэтому планируешь выспаться в субботу и лежишь привольно в постели. Но не тут-то было... Раздается звонок в дверь. Не сразу открываем. Звонок не прекращает свою трель. Приходится вставать и открывать дверь. Передо мной стоит Алима татей.

— Боже, как вы крепко спите. До сих пор спите, что ли? Все звоню и звоню...

— Уснули крепко... Вот, еле услышала... проходите, входите, садитесь,... — невнятно бормочу я под нос.

— А я вот не могла спать всю ночь...

И пошло, поехало... И спрашивать не нужно «Что за причина, почему не могли уснуть?» До такого вопроса дело не дойдет, сама все расскажет. Будет говорить и говорить...

Оказывается, на работе у нее есть завистники, которые следят за ней, чтобы вывести «каков моральный облик незамужней женщины?». Даже в последнее время, похоже, что подключили КНБ, и возможно, установили у нее дома прослушивающий аппарат. Этот аппарат среди ночи дает сигнал тем, кто установил, что «никто к ней не приходил». Всегда так. На работе ни с кем не конфликтую. Не конкурирую. Все равно не прекращают следить за мной...

— Почему у них такие недобрые намерения в отношении вас? — спрашиваю я, не зная что и говорить...

— Ко мне сватался один человек. Из местных. Я не приняла его предложение. Теперь вот он, таким образом, мстит мне...

— Ой, тате, если человек, который сватал, подходит Вам по-возрасту, по мировоззрению, почему же не соглашаетесь?

— Ой, не говори даже. Я больше не выйду замуж.

— Завтра дочь Ваша найдет свое счастье, выйдет замуж. Вам же будет трудно одной...

— Нет-нет, не говори так...

Вот такой у нас разговор, как застрявшая пластинка, об одном и том же.

Если вижу ее возле подъезда, когда иду на работу или обратно домой, или же в магазине, стараюсь по-возможности, не встречаться с ней. Если встретилась, считай все... Попала в капкан. Так просто от нее не отвяжешься. В ее словоизлияниях нет ни запятых, ни точек. Поневоле завязнешь возле нее. Все расскажет: что было днем в тот день, что было ночью, что тот аппарат до сих пор стоит в каком-то углу квартиры, не убрали... Наоборот, усилили наблюдение. Кажется, в последнее время есть опасность для нее лично. В тот раз какая-то машина проехала мимо, специально задев ее. Все это вызывает подозрение... В таком же духе...

С Алимой тате сложнее, чем со старушкой. Она не станет думать о твоих проблемах. Не думает: «Не вовремя пришла в этот дом. Есть же у нее муж, дети, дела по дому... Возможно, есть и другие семейные дела...». Она может несколько часов, а то и целый день рассказывать о своих проблемах. Поэтому, мой муж, который уже знает о ее привычках, как только она начинает входить в дверь, произносит, как-бы напоминая:

— Ты побыстрее, надо во время быть в том доме.

Я тоже начинаю искать повод:

— Тате, нас пригласили в гости, надо уже уходить.

— Э-э, идите, конечно. Я просто хотела рассказать, что ночью опять... — начинает рассказывать о каком-то событии, и кое-как уходит через некоторое время.

У соседа через балкон тоже хватает своих причуд. Они живут во втором подъезде на втором этаже. У нас соприкасаются гостиная и спальня. Все время

слышится стук. Это довольно шумная семья. Все время о чем-то спорят, ругаются. Мужа не всегда слышно. А жена все визжит, как голодный хорек. Беспокойная, очень сквернословная женщина. Язык — словно яд. Злоязычная.

У этих соседей трудно понять, кто из них прав, кто виноват. Муж работает в сфере обазования, он директор института повышения квалификации учителей. Намного старше жены. Характер, вроде бы, спокойный, уравновешанный. Никогда не смотрит в лицо человеку. Все время смотрит в землю, будто потерял иголку. Хотя и живет по-соседству, не всегда здороваётся. Интеллигент. Всегда чисто одет, опрятный, стрелки брюк ровные. Жена моложе мужа. Неказистая, невзрачная. К тому же бесформенные очки в толстой оправе придают еще большую непривлекательность к лицу. У них единственный сын по имени Досым.

По моему мнению, жена самая настоящая злюка. Она не любит, чтобы муж приводил домой людей. Муж с друзьями курит всегда во дворе, не приглашая их домой. Никогда не предугадаешь время их большой битвы. Иногда начинается неожиданно. Иногда ночью, или после полуночи. Потому как их громкие голоса причиняют нам беспокойство, прерывая наш сладкий сон. Иногда она ночью не открывает мужу дверь.

— Открывай! — кричит муж с той стороны двери, — убью!

— Уходи! Мерзавец! Придурок! Не открою! Иди, куда хочешь!

Жена всегда ругается на русском языке. Плачет сын «Открой дверь отцу!». Мать кричит маленькому ребенку «Замолкни!» Затем ребенок ревет в голос «Па-а-па!».

Через некоторое время раздается звонок в нашу дверь. «Кто там?» спрашиваю я, все-таки время за полночь. «Это я, сосед по балкону, жена не открывает дверь. Можно пройти через ваш балкон?»

Конечно, конечно, — говорю я, жалея человека и открываю ему дверь.

Наш балкон является небольшой кладовкой семьи. Передвигая там вещи: ведро, таз, колеса велосипеда и другое, сосед кое-как перебирается на свой балкон. Далее программа продолжается на балконе. Жена наглухо закрывает двери балкона.

— Эй! Открой, говорю тебе!

Жена визжит во все горло, не открывает дверь. Вдребезги бьются стекла. После того, как муж с трудом заходит в квартиру, видимо, достается уже жене. Раздаются грохот стен, лязг, хруст, скрип. Женщина не умолкает. Через некоторое время голос ее превращается на поскуливание, только потом постепенно прекращается.

— Самое настоящее ничтожество, а не мужчина, что терпит подобную женщину, — злится мой муж, у которого прервался сон. Затем сурово обращается ко мне:

— Слушай, сегодня я дома. А если этот сосед придет, когда я в командировке, и, допустим, переберется на свой балкон через наш... И что скажут люди, если вдруг кто увидит, что скажут обо мне, что скажут о тебе? Ты подумай, а?

Я задумываюсь. «И вправду, вдруг увидит кто-то с улицы? Кто будет поздно возвращаться с работы или из гостей и увидит?». Меня охватила дрожь. Конец этой истории, как и предупреждал мой муж, в самом деле был для меня неблагоприятным.

Через пару дней жена соседа, у которой были опухшие глаза, увидев меня у входа в подъезд (на глазах у других женщин соседей) начала на меня кричать, будто ругалась со своим мужем:

— Ты (не говорит «Вы») почему завела моего мужа к себе домой, а?! Почему открываешь ему свой балкон, а?! Почему вмешиваешься в чужую семью, а?! Из-за тебя вдребезги разбиты и окна, и двери балкона. Кто теперь их восстановит, а?!..

Другим же людям не понятно содержание этого

разговора. Если подумать, то в каждом своем слове она больше винит меня. Я, оказывается, завела к себе домой ее мужа. Вмешалась в их семью. Из-за меня вдребезги разбиты и окна, и двери балкона. Что тут поделаешь? Пришлось мне всем женщинам-соседям, удивленно слушающим этот разговор, подробно рассказать обо всем случившемся. Если я так подробно не разъясню, они же подумают, что я зачем-то завела ее мужа к себе домой.

Четвертый сосед живет под нашей квартирой. На первом этаже. Муж с женой старше нас на пять-шесть лет. Вначале я смотрела на них даже с некоторой завистью. Утром под ручку вместе уходят на работу, вечером подручку вместе возвращаются. Никогда не разлучаются. Как только наступает весна, в субботу и воскресенье супруги сажают своих детей в машину и уезжают на дачу. Оба трудолюбивые. Выращивают овощи, и уже в начале июля привозят полные мешки огурцов, помидоров, и соседей угощают. По осени собирают целые мешки картошки. Фарида женщина основательная. И огурцы засолит, и варенье сварит. Все успевает. Старшая дочь Айнур выросла красивой и серьезной девушкой. Поступила на учебу в Алматы. Сыновья, которые учились в седьмом и во втором классах, помощники Фарида, выросли дисциплинированными детьми.

Спустя время и из этого дома ушли мир и покой. Мне приходилось неоднократно слышать из своей кухни шум, раздававшийся из их квартиры. В один из дней в нашу дверь постучалась Фарида, которая была вся мокрая и обожженна с локтей до самых ног.

— Спрячь меня пожалуйста, спрячь быстро, этот дурак меня убьет сейчас. Придет, скажешь что меня нет, — сказала она. «Вроде она была женщиной, которая могла управлять мужем, и агай казался спокойным» не успела подумать я, в

нашу дверь стали тарабанить так, что казалось, она сорвется с петель.

— Кто там? — спросила я с этой стороны.

— Извини, милая. Фарида не приходила? Это я, сосед снизу.

— Нет, ага.

Фарида тряслась во внутренней комнате.

— Не открывай. Может вернуться... Видишь, кипятила воду для стирки на газе. Негодяй, взял и вылил всю воду на меня.

Как жаль... кожа покрылась волдырями. Мне стало жалко Фарида. Но не стала задавать лишних вопросов, типа: «В чем дело? Что случилось?», и она ничего не сказала. Затем, съездившись, стала навзрыд плакать во внутренней комнате. Я растерялась, не зная как успокоить, что сказать. Был воскресный день. Муж с детьми ушли на прогулку в парк. Могут и вернуться сейчас.

— Давайте, я дам Вам халат, поменяйте мокрую одежду...

— Твой халат ведь не налезет на меня...

— Чем нужно мазать ожоги?

— Гусиный жир... его у тебя, наверное, нет...

— Такого жира нет... Что же теперь делать?

— Ничего... Ты позвони к нам домой... Если трубку поднимет он, значит дома, просто клади обратно. Не поднимет, значит его нет... Тогда я пойду домой...

— Где дети?

— Дома они. Боятся отца, сидят, наверное, где-то в углу.

Я выполнила ее просьбу и позвонила к ним домой. Один из детей воскликнул:

— Мама!

Фарида вырвала трубку из моих рук.

— Папа ушел?

— Да, — сказал сын.

Фарида заспешила домой...

...В некогда дружную семью внесла разлад,

оказывается, сослуживица мужа. Она призналась ему в любви, сказала, что безумно любит его. К тому же, сама замужем. Агай работает директором в страховом учреждении. Та женщина его заместитель.

— Хоть убейте! Сделайте, что хотите, но я люблю Вас! — признавалась она.

Муж, вначале, споротивлялся, но, не устоял, попал в удочку. Они, оказывается, четыре года встречались. Два последние года — уже открыто. Фарида с сестрой выследили их, и застали в квартире, где они встречались. И убедились в истине. «С тех пор я кажусь ему чудовищем, злым духом. Особенно, когда выпьет. Может ударить тем, что попадет под руку. Такова моя жизнь» рассказала она со слезами уже потом, когда навестила меня дома.

— Когда злится, глаза его наполняются кровью, ничего не видит. Не жалеет. Если не убегу, может бить до упаду. И на детей поднимает руку. Старший-то сын уже в седьмом классе. Все понимает и начинает защищать меня. И его не жалеет. Поэтому убегаю. Когда не злится, не такой.

Поистине, «в тихом омуте черти водятся». Посмотришь на агай, и не подумаешь, что он способен на такое. После этого я возненавидела соседа. Стала не отвечать, когда он здоровался.

— Что будете делать? Разведетесь? — спрашиваю я.

— Если я подам на развод, он с большой радостью готов уйти хоть сейчас. А что я буду делать с тремя детьми? Муж той женщины оказался тюфяком. Я думала, что он повлияет на жену, пошла и рассказала, всечто видела своими глазами. А тот мне говорит: «Наша Загира не такая, не верю». Шариков у него в голове, кажется, не хватает...

В другой раз Фарида пришла к нам домой с окровавленной головой. Страшно было на нее смотреть. Муж, оказывается, стукнул топором.

Горемыка, не позволила мне даже вызвать «скорую помощь». Говорит, «они же спросят подробности, это может навредить работе мужа».

— Все что видела, держи в себе, — доверилась мне Фарида.

Я оправдала ее доверие. Никто не узнал об этих событиях. В один из вечеров Фарида пришла к нам спешно и отдала мне свою фотографию. На обороте было написано «Помни меня. Фарида».

— Вы просто даете эту фотографию? — спросила я.

— Если в один прекрасный день дойдет до тебя весть, что я погибла от рук человека, ты будешь знать, кто меня убил. Это тебе на память. Я очень благодарна тебе, спасибо за все, — сказала она. Я испугалась этих ее слов.

— Прекратите говорить подобное, зачем так пугаете?.. Он что, опять на Вас поднимал руку? Да, разведитесь уж...

— Ойбу, через пару лет, если Айнур моя выйдет замуж, скажут ведь, что «родители, оказывается, разведенные». Будут думать, что семья неблагополучная. Я не могу быть клеймом для своей Айнур... У меня есть кое-какие планы. Будет хорошо, если все сложится, как я задумала...

Спустя некоторое время, среди ночи в квартире на первом этаже были слышны громкие голоса мужчин, топот ног. Посмотрела в окно, и увидела, что люди грузят домашний скarb в большую машину. Мелькала голова соседа.

На следующий день другие соседи сказали, что они переехали в один из районов Кокшетау. Агай перевели по работе. Вот так, они молча съехали в одну ночь. С тех пор ничего о них не слышала. Фотография соседки до сих пор хранится в моем альбоме.

Через 4-5 лет мы тоже неожиданно-негаданно переехали в Астану. Таким образом, пришлось

попрощаться с соседями, с которыми бок о бок прожили двадцать лет. Люди, которые работали учителями в школах, хорошо знают, что в памяти остаются не отличники учебы, не передовики, а самые «трудные». Я тоже навсегда запомнила своих «трудных» соседей.



БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ

Сейчас общество обновилось. Видимо поэтому, мышление, мировоззрение и действия людей стали иными. Одним из них удивляешься, другим завидуешь, а некоторыми и вовсе брезгуешь. Но не возможно совсем отречься от общества, в котором живешь. Так как, по какому кругу вертится общество, ты тоже крутишься в тех же рамках. Попробуй, останови, если силен. Нет у тебя таких сил. Значит, ты тоже без всяких возражений будешь двигаться вместе с обществом.

Тема — одна единственная. Чувство любви среди молодежи. Свойства и особенности, направления этого чувства, его конечная остановка... Как я заметила (если не заметила, прошу извинить), будь то девушки или юноши, это святое чувство, именуемое любовью, упаковали и заперли в железный ящик, именуемый «расчет». Там где расчет, все сводится к словосочетаниям: твое-мое, моя доля, твоя доля, одним словом, к

собственничеству. Раз речь идет о собственничестве, за ним стоит много вопросов — необоснованных и нелогичных. Вот один из таких случаев.

Юноша по имени Нуржигит приехал в Астану. Он из многодетной семьи. Образования особого у него не было. Главное — здоров, и потому искал подходящую работу. Видимо, помыслы его были чистыми, работа нашлась быстро. Помогла служба в армии. Был принят в учреждение по чрезвычайным ситуациям постовым в чине офицера. Арендовал квартиру, вместе с парнем, как и он приехавшим из региона. Таким образом, он тоже стал вертеться по кругу, по которому вертится общество.

Сколько он вертелся только ему и известно, но однажды в одном из этих кругов встретила его луноликая девушка-красавица. Ему стало трудно без нее дышать: ни есть он не мог, ни спать. Однако возникла другая проблема: стало невозможным распределить небольшую зарплату на аренду квартиры, и на гуляния с девушкой. Кафе, рестораны, ночные клубы оказались непосильной ношей для кармана Нуржигита. Он пал духом. Страдал. Была задета его гордость, что не может повести любимую девушку, туда, куда она желает. Стал рассматривать варианты дополнительной работы. Не получилось. Девушка же за те несколько дней, что не встречалась с Нуржигитом, быстро отдалилась от него. Написала ему СМС «Нам оказалось не по пути. Прощай».

Если такое случилось бы в наше время, в так называемые времена старшего поколения, начались бы суета, разборки, выяснения отношений: Посыпались бы вопросы: «Почему девушка охладела?.. В чем она обвиняет его?.. Почему приняла такое решение?..», ломали бы головы, даже, пытались бы встретиться с девушкой, выяснить причины и прочее. Но Нуржигит — дите своего времени. Он знает его требования. Поэтому, хотя и болела душа, не стал винить девушку.

— Конечно, не смог пригласить ее достойное место. Яства дешевого кафе показали ей, что я за парень, чего я стою. Наверняка, встретились парни, у которых толстые карманы. Она и выбрала их. Если был бы девушкой, я тоже, наверное, так же поступал, — думал Нуржигит, лежа на железной койке. Целую неделю у него болело сердце. Затем душа стала излечиваться.

Опять покатилося круглое, как шар, время. Опять круговорот. Встретилась вторая девушка. По правде говоря, та девушка сама обратила на него внимание. После первого горького опыта он не стал проявлять особого рвения. Наоборот, девушка, словно приклеенная, не хотела отпускать парня. Под девушкой мчавшийся, словно ветер, автомобиль «Мерседес». Сама за рулем. Он не стал расспрашивать девушку «Учишься или работаешь?». Прошло всего несколько дней, как девушка смело пригласила его в ресторан и сказала «За мой счет». Затем предложила поехать к ней домой. Нуржигит принял предложение девушки. Отдельная квартира, они вдвоем, наедине... Девушка более пьяная, чем джигит. Она спросила:

— Ты... ты... закончил испытывать меня?

— Не было у меня такой мысли. Почему я должен тебя испытывать? Для испытания тоже, наверное, нужна цель. В самом деле, у меня не было дурных мыслей насчет тебя. И цели у меня никакой нет, — сказал он от чистого сердца.

— Ты не обижай меня, — ласково сказала девушка, обняв его за шею. — У меня тоже есть цель. Рассказать?

— Расскажи...

Девушка молчала. И через некоторое время она произнесла:

— Я хочу родить от тебя ребенка. Больше ничего! Это для себя... Можно и замуж, но... не хочу рисковать. Многие мои подруги жалеют до сих пор...

Подобное предложение девушки повлияло на Джигита так, будто на него вылили ушат холодной воды. Но он сдержался, не показал виду, что удивлен.

— И о чем же жалеют твои подруги?

— Ну, не стоит об этом говорить, так... мелочи... Все из-за того, что у них не было брачных контрактов. Общий ребенок... Состояние... Итак, как ты смотришь на мое предложение?..

— Придется тебя обидеть, я против.

— ?!..

Девушка молчала...

— Если не возражаешь, я пойду.

— Нет, не уйдешь! У меня есть второе предложение...

— Говори...

— Если я тебе нравлюсь, тогда я выйду за тебя замуж. Но мы сначала должны заключить брачный контракт.

Нуржигит не знал, что такое «брачный контракт», и не стал скрывать это.

— Извини, я не такой уж образованный. Вырос в ауле, в многодетной семье. Служил в армии. Вернулся. Много чего не знаю. И что это такое «брачный контракт»?

— В самом деле не знаешь?..

Девушка задумчиво вертела в руках рюмку.

Джигит заговорил снова:

— Мне кажется, мы не будем соответствовать в семейной жизни. Ты девушка городская... С образованием. Много знаешь... Короче говоря, ты выше меня. Я выходец из аула. Я не думаю, что можно сопоставлять нас. Найдется и для меня подходящая девушка. У казахов есть поговорка «ровня с ровней, кизяк — с мешком». Это о взаимопонимании и гармонии...

— Ой, ой... гармония... взаимопонимание... любовь — все это только теория. Кадры из фильмов. Легенды писателей... В жизни так не бывает, и не

будет. Да ты остался в прошлом веке... Ладно. Спасибо, что правдиво ответил. Но я говорю серьезно. Ты мне понравился... Если хочешь подумать, время я тебе дам. Мое предложение остается в силе. А сейчас разрешаю уходить, — девушка поднялась с места и направилась к двери. Кажется, и хмель ее прошла. У Нуржигита было намерение обнять девушку, приласкать, но так как девушка резко встала с места, не счел это возможным. Он тоже встал, так как почувствовал неловкость, и стал запахивать раскрывшиеся борта костюма. Девушка, придерживая ручку двери, посмотрела на него нежным взором и тихо сказала «пока».

Как только дверь за Нуржигитом закрылась, девушка заревела в голос. Ей было обидно, что джигит отверг ее.

— Мамбет! Южанин! — с этими словами она кинулась на кровать и обняв подушку, горько заплакала.

— Какая красивая девушка. Почему она так унижает себя? И про возраст ее не спросил... От силы, наверное, двадцать пять. Есть ли, интересно, родители? Возможно, была обманута кем-то? Или была несчастлива в замужестве? Что же я не спросил обо всем этом, а? Зачем-то встал в позу... Надо было приголубить, приласкать, побеседовать с ней хотя бы одну ночь, возможно, поделилась бы с секретами своими... Я поступил ни по-мужски... Получилось, будто я пошел с ней в ресторан покушать... Может быть, и вправду она в меня влюбилась?... Некрасиво получилось... Оставил ее одну и ушел, — думал джигит.

— Нет-нет, девушка неправильная. Почему она тут же пристает к парню, которого не знает. Говорит «Для себя хочу родить». А как же отец ребенка? Это все влияние Запада на казахских девушек. Это — чрезмерное бесстыдство. Обычно берут семя у породистого быка-производителя. Они что, и с мужчинами хотят поступать так же? Нет, я правильно сказал. И правильно поступил, что ушел...

Но... она, интересно, и других сможет позвать, так же как и меня?.. А если вдруг встретит мошенника или афериста? — была другая его мысль.

Нуржигит рассказал об этом случае парню по имени Ермек, с которым вместе арендовал квартиру. Он и не думал рассказывать специально, так вышло. Они делились мнением о нынешних девушках. Говорили, что сейчас рейтинг девушек на службе высок, и о том, что девушки уподобились мужчинам, сами стали признаваться в чувствах. Между тем Нуржигит рассказал, что был удивлен, когда услышал из уст девушки что «хочет родить ребенка для себя», и узнал о «брачном контракте», что негативно относится к подобным тенденциям. Ермек же, наоборот, расстроился, что тот так отнесся к предложению девушки:

— Ох, и глупый же ты! Золотая рыбка сама попала тебе в удочку, а ты отверг ее?! Надо же! Что с тобой сделать, а?! Дай мне ее телефон, я испытаю удачу. Ходи вот так, болтаясь из одной съемной квартиры в другую. Раз она говорит о брачном контракте, значит у нее много недвижимости. Возможно, у нее несколько квартир, ресторанов и торговых магазинов. Надо было согласиться... А там было бы видно...

На этом разговор между двумя холостыми парнями закончился. Нуржигит не стал давать телефон девушки Ермеку. Тот тоже не стал просить. Спустя шесть месяцев Ермек вручил ему пригласительный билет на свадьбу. Он, даже не взглянув на билет, стал радостно поздравлять Ермека. Ермек гордо сказал:

— Подожди, посмотри сначала на билет, на фото девушки.

Он посмотрел. Та самая девушка, у которой он был дома. Ермек улыбался во весь рот:

— Раз ты избегал ее, я поискал и нашел. Ты же знаешь, как я умею вскружить головы девушкам. Однако, она оказалась не из простаков. Не так-то

просто было ее сломить. Но я не отставал. Не даром говорят «Рой землю там, где был найден клад». Я ей не говорил, что ты живешь вместе со мной, что слышал о ней от тебя. Она поставила мне условия, я поставил свои. Я сказал ей: «Если первенец будет сыном, перепишешь мне одну квартиру, иначе не будем регистрироваться». И она не промах, говорит мне: «А если будет девочка, ничего не получишь». Я не стерпел такой наглости и говорю ей: «Подожди, подожди... ты же говорила «хочу родить для себя». А как ты сможешь родить без меня? Скажи, пожалуйста, от кого бы родила? Поэтому, если будет девочка, не станем разводиться, будем жить вместе, пока не родится мальчик. Если это тебя не устраивает, дашь мне свою машину» сказал я.

— Что сказала она?

— Куда денется? У нас был открытый торг. Согласилась.

— Скажи, пожалуйста, она тебе хоть немного нравится? Ты ей понравился?

— Уф, что ты за человек? Что за слова «нравится, не нравится»?.. У нас свой расчет. Она тоже поняла меня. Я — давно. Мне нравятся ее деньги, ее недвижимость и богатство. Поженемся, потом посмотрим. Пока она мне диктует. Пусть диктует. Придет и мой черед. Подожду,.. — довольно смеялся Еремек.

— Да, кстати, с сегодняшнего дня я не буду жить в этой квартире. Найди кого-нибудь... Обязательно приходи на свадьбу, буду ждать тебя, — спешно собрался он, и дымя сигаретой, вышел из комнаты, где жил около года.

Опять круговорот. Опять бежит, круглое, как шар, время. Нуржигит работал на той же работе, жил в той же арендованной квартире. Сослуживцы рассказали, что в частном коттедже в городе был сильный пожар, что молодая женщина из коттеджа в очень тяжелом состоянии была доставлена в больницу, однако, скончалась от сильных ожогов.

Вечером по местному телевидению был показан сюжет о данном происшествии. В экране мелькнуло знакомое изображение. Нуржигит быстро подошел к телевизору и усилил звук. Говорил Ермек, который три года назад ушел из этой квартиры.

По его словам, пожар возник среди ночи. Жена была дома одна. Сам он был в служебной командировке в Караганде. Не знает причин пожара. Никого, кроме погибшей супруги, дома, оказывается, не было. Ермек, который говорил, значительно поправился.

— Надо же! Как же так! — Нуржигит чувствовал, что за этим пожаром кроется что-то нехорошее. Он и тогда, когда жили вместе, замечал, что у Ермека нечистые помыслы... — Как-бы чего не сделал... Жаль... жалко девушку... Интересно, были ли дети у нее?... — Он то садился, то вставал. Вспоминал их разговор с девушкой.

— Что бы там ни было, всему виной «брачный контракт», — подумал он.

— Это все, наверное, из-за никчемных расчетов, связанных с богатством. Жаль! Какая досада! Хорошая была девушка. Жаль, бедняжку... Такой молодой ушла из жизни... — скорбил Нуржигит, у которого от сожаления горела душа.

Спустя некоторое время по телевидению опять передали: «Сегодня был взят под стражу Ермек Бейсенбаев, который специально устроил поджог своей жены, вина его доказана неопровержимыми фактами, в скором времени состоится суд».

— Обязательно пойду на этот судебный процесс, я должен обязательно сходить, — досадовал Нуржигит. — Плюну в лицо тому мерзавцу. Чувствовал я что-то неладное. Негодяй проклятый! Говорил же он: «Пусть диктует. Придет и мой черед». Наверное, захочет отвертеться, не будет признавать свою вину. Я заставлю его признать все!.. Заставлю!

Он все время громко повторял эти слова в своей комнате, все повторял, и повторял...

ГОД КРОЛИКА

Я никогда особенно не верила в предсказания и пророчества. Например, когда говорили, «год будет благоприятным или неблагоприятным». Теперь я уже думаю по-другому. Лично для меня, неблагоприятным оказался, год кролика. Теперь я решила хорошенько это запомнить, чтобы быть готовой когда данный год вернется через двенадцать лет(если буду жива).

Все было хорошо, я жила позитивной жизнью, ничего не предвещало беды, но как только год кролика распахнул дверь, тут же заболела. По правде говоря, по началу я старалась не придавать особого внимания болезни, решила не потакать ей, словно свекрови, и терпела несколько дней. Не вышло. Даже сон потеряла. На четвертый день терпеть уже не было сил. Совсем ослабла.

Сделав подсчет своих скромных карманных денег, пошла к врачу, оказывающему платные

услуги. Вы же знаете сферу нашей медицины. Не все бесплатно, как докладывают чиновники с высоких трибун, или как работники сферы медицины рассказывают в своих интервью представителям СМИ. Есть, конечно, государственные больницы, которые оказывают бесплатные услуги. Но лучше бы их и не было вообще. Трудно передать словами, какие там условия оказания «услуг».

Во-первых, требуется за день раньше записаться на прием к участковому врачу. А чтобы записаться, нужно стоять в длинной очереди перед регистратурой. Там в очереди, в основном, стоят старые люди, инвалиды, пенсионеры и студенты.

И пока будешь стоять в этой нескончаемой очереди, непременно добавишь еще одну болезнь к уже имеющейся. Мы же граждане, чуть не достигшие коммунизма. Однако, не каждый знает элементарные правила культуры поведения, что коль болеешь, надо носить с собой носовой платок. Захотелось кашлять, никто не станет думать, что может навредить стоящему рядом человеку. Начинается надрывной кашель «кхха! ы...ых! Кха-ках!! Ких!», сам давится своей мокротой, глотая ее. Та же картина, если кто-то хочет чихать. Шевеля носом, пуская слезы, преспокойно могут чихнуть: «Ап-чхи! А-а-ап-чхи!». И не смущаются. Стоя в очереди, с безразличностью смотришь на подобное окружение. Повозможности защищаешься, прикрыв руками лицо. Но ведь невозможно защититься от всего этого.

Кое-как добираешься до двери врача. Там тоже очередь. Видишь тех же бедняжек, которые вчера стояли в очереди в регистратуру. Бывает, что обессиленные старые люди падают там же в обморок.

После таких приключений, когда уже совсем становится неважно, будешь вынужден обратиться в платные медицинские центры. Одно хорошо, там нет очередей. Однако, и здесь есть свое но... У тебя должен быть толстый кошелек.

Думаю, раз платно, то и услуги должны быть соответственными. Ну, кто это проверяет? Чтобы попасть на прием к врачу, ты должен надеть на свою обувь бахиллы стоимостью 20 тенге. Их покупаешь при входе. Стоимость одного приема две с половиной тысячи тенге. Есть же любимое выражение у русских «то ли еще будет». Точно сказано. Это еще не все. Вот ты обессилевший, кое-как притащился к врачу, и вы думаете, он тут же начнет тебя лечить? Как бы не так... Сначала он разденет тебя догола, и начнет слушать. Затем, вручит тебе 7-8 листов заполненных каракулями бумаги:

— Сдайте эти анализы, только потом начнем лечение.

— Может быть, Вы, выпишете мне какие-нибудь таблетки сегодня? Кое-как добрался, еле стою на ногах, — говоришь ты, демонстрируя свою беспомощность и недомогание.

Но никакого сочувствия от врача не дождешься. Он внимательно посмотрит на тебя, сделает обзор твоего внешнего вида, и скажет:

— Вы же образованный человек. Наверняка, не в первые в жизни пришли к врачу. Вам не стыдно задавать подобные вопросы? Как я должен лечить Вас без анализов?!

— Что мне делать с сердцем?

— У Вас болит не сердце. Причина совершенно в другой болезни. Поэтому быстрее сдайте анализы.

Не так просто сдавать анализы по этим исписанным каракулями бумагам. Сегодня на них не хватит денег. Через два-три дня будет пенсия. Придется подождать.

В конце концов, если хочешь жить, сдашь эти анализы. И врачи это знают. Теперь уже повторное посещение врача с другими исписанным каракулями бумагами (результаты анализов) стоит не 2500, а 2000 тенге.

Посмотрев все анализы, врач произносит:

— Вам нужно лечиться у невропатолога. Он Вам выпишет свое назначение.

— Милый, с нервами у меня все в порядке. У меня нет жалоб на нервную систему. У меня болит сердце, понимаете, сердце...

— Вот что я Вам скажу, все болезни связаны с нервами. Вот сколько не говоришь, люди не понимают этого.

— Но Вы мне выпишете таблетки на сегодня?

— Вот Вас посмотрит невропатолог, он и выпишет.

Затем он опять выводит на бумаге каракули. Вручает тебе бумагу и говорит:

— С этой бумагой идите к невропатологу.

Не находя сил для дальнейшего движения, ты падаешь на скамейку в коридоре больницы.

Так и проходит неделя в обходе кабинетов врачей. Деньги текут как вода. Лечение еще не назначено. Сердце стучит как бешеное. Вот тут-то и начинают сдавать нервы, которые раньше были в порядке.

Прием этого врача опять стоит 3500 тенге. Ну что жалеть от своего здоровья. Думаю: «Ладно, коль начала, доведу до конца». Стучишь в дверь, просишь разрешения войти и тихоходишь в кабинет. Сидевшая там девушка с кем-то разговаривает по сотовому телефону. Настроение у нее хорошее. Видимо, человек на той стороне трубки приглашает куда-то, девушка говорит:

— Во сколько ты сказал? Спрашиваешь, на машине ли я?.. Какая машина? Кто купит машину на маленькую зарплату врача?

А ты про себя думаешь: «Аха, каждый день от каждого больного поступает по 3500 тенге. Народу тьма. И кто же берет эти деньги, если не вы!». От мыслей отвлекает девушка врач. В руках у нее маленький молоточек.

Стучит она тебя по коленям, по локтям. Смотрит в глаза. Вверх — вниз, влево-вправо,

наискосок. Все. Эта девушка тоже заполняет каракулями бумагу. Затем протягивает мне, со словами:

— Вам нужно показаться к окулисту...

— Милая, что это с вами со всеми. У меня вовсе не болят глаза. Что это, в платной поликлинике специально направляют от одного врача к другому, что ли? Болело сердце, отправили к невропатологу, а теперь вы, невропатолог, направляет к окулисту. Что все это значит? Хожу вторую неделю, еле тащу свои кости...

— Вы не сердитесь. Не хотите обследоваться — поступайте, как знаете. Это ваши проблемы. У Вас больные глаза. И все...

Девушка сердито стала выводить что-то на бумаге.

— Вы хоть дадите мне таблетки на сегодня?

— Дам после заключения окулиста. Это отдайте главному врачу.

Она тоже вручила мне клочок бумаги.

Когда выходишь от невропатолога, невольно думаешь, что вот-вот попадешь в дурдом. Хочется успокоиться. Не получается. По пути заходишь в аптеку, и без всяких рецептов берешь успокоительные таблетки, и тут же закидываешь одну в рот.

На следующий день начинается поход к окулисту. Опять платишь 3500 тенге за прием. В руках рулон бумаги.

Зашла. Села. Перед тобой аппарат. Врач смотрит твои глаза через аппарат. Спрашивает:

— Вы зобом не болели?

Испугавшись, что опять направит к какому-нибудь врачу, говорю:

— Не-нет! Боже упаси! Что это за болезнь?

Она молчит. Но тоже начинает писать каракули.

— Есть у вас зоб или нет, Вам все равно нужно провериться. Аппарата у нас нет. Есть в таком-то диагностическом центре. Принимают два

раза в неделю. Заранее запишитесь и придете с результатами обследования...

Эх, навряд ли человек с моим темпераментом выдержит подобную волокиту! Несмотря, что я женщина, хотелось ударить эту девушку по щекам. Ничего не подделаешь. Надо как-то успокоиться. Если бы употребляла спиртное, опорожнила целую бутылку. Вздрагивая от злости, выхожу на улицу. «Надо же, а! Вот что с ними сделаешь?! Что же это мне не сиделось дома? Хожу ведь три недели без никакого лечения...»

Хочешь жить, будешь двигаться дальше.

Сходила в Диагностический центр, снялась в аппарат. На услуги ушло 2000 тенге.

Затем начался обратный поход к окулисту, после него к невропатологу, к кардиологу. Обратный прием у каждого стоил по 1500 тенге. Назначивший заключительное лечение кардиолог говорит:

— Я же сказал вам, что у вас здоровое сердце. Все болезни в нервах. У Вас остеохондроз. Нарушено зрение. Есть начальный зоб. Пока в течение месяца примете данное назначение, второе назначение полмесяца, третье — тоже полмесяца. Придете повторно через полгода.

«Ух!» — вздохнула я с облегчением.

А теперь поход по поиску лекарств для лечения, их приобретение через знакомых, внутривенные инъекции, причинение мук медсестрами, пока найдут твои вены — как с эти быть, а? Не спрашивай. Жить хочешь? Хочешь. Значит, нет смысла в лишних словах. Но как подумаю о всей этой волоките, нервы болят. Ну ладно, в конце концов, результаты положительные. Одним словом, год кролика — неудачный год. Все беды валятся на голову в этом году. А нынешний год Дракона, слава богу, пока начался хорошо.

ДОВЕРЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Природа людей разная. Кто-то бывает общительным и коммуникабельным. Любит быть с группой, с людьми, с обществом. Есть ли у него возможность, нет ли возможности, всегда открытый, приветливый и радушный, готов творить добро. Всегда придет на помощь. Так как у такого человека открытая душа и чистые помыслы, никого не боится. Даже если придет в дом вор, посадит на почетное место. Люди с открытой и щедрой душой всегда такие. Из-за своей чистосердечности они иногда и проигрывают. Но видимо, Всевышний поддерживает таких людей, не обездоливает их, всегда дает им приумноженную долю.

Некоторые же люди — наоборот. Нелюдимы. Сторонятся людей. Думают только о собственной выгоде, мелочные. Такие люди холодны даже к родственникам и друзьям. Помощи от него ждать не приходится, и сам старается не просить ни

у кого помощи. Трудно адаптируются в обществе. Поэтому такие люди могут общаться только с узким кругом самых близких родственников. Даже если кто-то тянется к ним, они близко не подпускают, считают чужим. Излишне подозрительны. Для таких каждый день может наступать «конец света».

Мамытбек Жузбайулы относился к категории таких людей. Он с особым трепетом относился к любой мелочи жизни. К примеру, вдруг если зазвонит звонок в дверь, он тут же впадает в панику. Даже уши у него приподнимаются, словно пришли давние враги.

— Посторонитесь, а ну-ка, посторонитесь,.. — не подпуская детей, он смотрит в глазок двери. Затем нарочито грубым голосом, хотя обычный его голос тонкий, спрашивает:

— Кто там?

— Извините, это из «Энергонадзора», хотели проверить счетчики, — вежливо произносит голос за дверью.

— Не открою!... Больно подозрительный вид у вас... Что же это они не приходят днем, а? Кто знает, что за люди пришли. Сейчас и женщины ходят с оружием. Не откроем... Смотри-ка, строит из себя вежливого, а? Недавно писали в газете, что такие же пришли, ограбили и убили целую семью, забрали все имущество, деньги, золотые изделия жены... Я вам говорю,.. — произносит он, затем обращается к жене и детям, — чтобы в вечернее время никому не открывали дверь!

Снова раздается звонок в дверь. Все равно Мамытбек не открывает и другим не позволяет.

Сейчас в городской местности в каждом доме есть домофон. Стоит человек на улице, и как по телефону может говорить с тобой. Для этого, конечно, надо поднимать трубку домофона в квартире.

Звонят в домофон.

— Агай, откройте, пожалуйста, я из 5-ой квартиры. Не могу попасть домой.

— Ну и что, если не можешь попасть домой, надо быть аккуратным и носить ключ с собой. Все!

Он не открывает дверь и кладет трубку домофона на место.

— Боже ты мой, что с тобой стряслось бы, если открыл. На улице холодно, замерзнет же, — говорит из внутренней комнаты жена мужу.

— Будет уроком в дальнейшем...

Так Мамытбек проводит воспитательный урок.

Как-то в другой раз опять стучат в дверь.

— Мы из избирательного участка. Собираем списки избирателей. Сколько человек будут участвовать в вашей семье?

Мамытбек кричит из этой стороны двери:

— Напиши, будут участвовать два человека.

— Извините, откройте, пожалуйста, нам дверь. Нам нужно писать по удостоверениям личности. Нужны полные сведения. Кто вы, где работаете? Все нужно заполнять в соответствии с графами...

— Девушка, — говорит Мамытбек с этой стороны, — не морочь мне голову. Зачем для выборов нужны удостоверения, и кто где работает? Надо будет, сам пойду на участок. Слушай, почему вы ходите среди ночи, а? Откуда мне знать, не вор ли ты?

— Агай, днем ведь все на работе. Если не верите, давайте, покажем удостоверения, — говорит девушка с той стороны двери.

— Нет, не пойдет! Смотри-ка, как сладко поет... Неспроста это... Я слышал, что в последнее время сформирована банда из женщин. За ними, я чувствую, с оружием в руках стоят их мужчины.

Мамытбек всеравно не открывает дверь.

Бывает так, что судьба иногда бумерангом возвращает человеку его же поступки.

Недавно президент АО «Компания «Заман курылыс» Каржаубай Нурболулы (в коллективе его зовут Нурболович) зарегистрировался кандидатом

в депутаты городского маслихата. А Мамытбек Жузбайулы работает в этой компании начальником управления.

Вызывает президент Мамытбека Жузбайулы к себе и говорит:

— Вы зарегистрированы моим доверенным лицом — представителем. В городской маслихат я буду избираться с избирательного участка № 5, что в микрорайоне «Жастар». Я думаю, эта работа не будет сложной для Вас. Потому как Вы живете в том районе. Учащиеся школы № 53, находящейся рядом, будут дополнительно привлечены к избирательной работе. Одним словом, Маке, мое избрание депутатом, сбор необходимых голосов — все это будет зависеть от Вашей предвыборной работы, которую Вы проведете с избирателями, от того как Вы активизируете их, как будет построена работа по пропаганде и агитации, как будет организована работа в день выборов.

Боже упаси, конечно, от такой чести, это ведь очень большая ответственность и сложная работа — быть доверенным представителем кандидата в депутаты. У Мамытбека Жузбайулы чуть не остановилось сердце, когда услышал подобное предложение. В голову тут же полезли всякие мысли: «Может быть, шеф специально дал мне такое поручение. Если завтра, вдруг результаты выборов не будут положительными, хочет, наверное, освободить меня от занимаемой должности...».

Мамытбек, конечно, знает что у доверенного представителя много работы. Работа с общественностью, пропаганда и агитация избирателей, их списочная проверка, утверждение необходимых документов и многое другое. Одним словом, работы непочатый край. Нынешние избиратели тоже непросты, это тебе не подчиненные по работе. Если с ними не будешь работать корректно, пиши «пропало». В приказном тоне тоже нельзя говорить. Все же это всенародная

избирательная компания. С избирателями нужно говорить мягко и ласково. Боже упаси, в день выборов избиратели не придут на участок. Считаю, что шеф лишит тебя головы.

Что там говорить, у Мамытбека Жузбайулы не было времени даже оборачиваться по сторонам. Началась напряженная работа. Чем ближе день выборов, тем более лишался он сна и покоя. Каждый день проходили заседания. К тому же, как доверенному представителю, приходилось выступать с речью. Он усердно заучивал тексты, типа: «Наш уважаемый Нурболович не самовыдвиженец, как некоторые кандидаты. Его кандидатуру в депутаты городского маслихата выдвинула известная партия «Нур казах». Это гарантия того, что вся его предвыборная программа будет реализована... Ваше доверие будет оправдано... и т.д., и т.п.»

Таким образом, куда бы не ходил, перед какой-бы аудиторией не выступал, Мамытбек не уставал красноречиво повторять подобного содержания заученные тексты. К счастью, ему не задавали неожиданных каверзных вопросов. Хорошо, что у нас народ благожелательный. Хорошо аплодируют и одобряют.

Помимо всего этого, вечерами нужно было обходить дома, относящиеся к избирательному участку, от которого выдвигался его начальник. Для этого приходилось стучаться в каждую квартиру, нажимать на кнопки каждого домофона у подъездов. В руках у него бумаги с биографией Каржаубая Нурболовича и его предвыборной программой. А главное, их надо довести до каждого избирателя. И не так просто вручать, а вручить под роспись.

Вот, стучится Мамытбек Жузбайулы в дверь очередных избирателей. Нет проблем. Дверь открыла светлолицая приятная женщина и сказала, словно старому знакомому:

— Проходите, проходите, пойдите в комнату.

Мамытбек смутился, стало очень неловко. Подумал, как бы поступил он. Скольких людей не запускал он к себе домой?.. Эти люди совсем иные... И в следующей квартире был оказан такой же прием. Радушные люди. В третьей квартире мужчина примерного его возраста, поздоровавшись за руку, не выпуская его руки, повел его к дастархану.

— Садитесь к столу, отведайте мясо согым, мы же все казахи, как уйдете, не отведав кушанье? — уговаривал хозяин дома. — Знаем, что такое выборы. Много беготни, поэтому нужна сила... Подкрепитесь...

Такие понятливые люди. Какие они все добродушные?! Так приятно сердцу. Не встретил никого, кто бы боялся. Домой он вернулся в хорошем настроении. Будто даже усталость, накопившаяся за день, прошла. Только вошел и стал снимать верхнюю одежду, раздался звонок в домофон.

— Это из КСК. В 23-ей квартире прорвало трубу, откройте, пожалуйста...

Мамытбек без единого слова, тут же нажал на кнопку трубки. Не возмущался, как раньше, не опасался. Доверенный представитель был доволен собой, будто сделал нужное для кого-то важное дело. С тех пор он перестал сомневаться в людях, научился им доверять.



ЖЕНЩИНА, ИМЕЮЩАЯ ДВУХ МУЖЕЙ

В этом городе, расположенном под Алматы, много торговых центров. Люди особенно часто посещают новый четырехэтажный, с большими сияющими витринными окнами. В народе этот торговый центр прозвали «зеркальным магазином». Нахваливают, что там есть все, что нужно, кроме души человека. Вот перед этим самым «зеркальным магазином» остановился большой черный «Мерседес». Из машины вышла женщина средних лет, в черных очках и в модной одежде. Высокого роста усатый мужчина лет за пятьдесят вышел и поддерживая, вывел из машины другого мужчину среднего роста, в белой кепке, сидевшего на заднем сидении, и они подошли к симпатичной женщине.

— Смотри-ка, как жарко, такой зной, — произнесла женщина, — и шляпу оставила дома.

— Не знаю, мне с детства нравятся такие знойные дни. К тому же, чем больше загораю,

тем более блаженствую, — сказал мужчина в белой кепке.

— Давай, сразу здесь же определимся, на какой этаж и в какой бутик пойдем. Иначе, Сакупжамал, если будем следовать за тобой, то устанем, — сказал Заид жене, которая обмахивалась руками.

— Сегодня вы не устанете. Сейчас купим Тлеку костюм для праздника, потом вы оба свободны. Все остальное сделаю сама. Послезавтра день рождения у Аиды. Буду искать подарок для дочки, — ответила она Заиду.

— А-а, вот как? Я и забыл вовсе.

Двое молодых женщин, проходившие мимо них, увидев эту тройцу, остановились.

— Ты видишь вон ту женщину? Говорят, оба мужчины, которые стоят с ней рядом, ее мужья.

— Да ты что? Правда, что ли? Мы тут и одного мужа не можем себе найти... Хи-хи-хи...

— Да, да... Они и в прошлый раз все трое ходили вместе...

— То что ходят вместе, не значит же, что они мужья...

— Так говорят люди, которые хорошо с ними общаются. Посмотри на того светлолицого мужчину в белой кепке, милый и симпатичный, а?

— Высокий — вообще класс. Видно, что в молодости о нем грезил ни одна девушка...

— Да ладно тебе, что ты стала проявлять интерес к седым старым мужчинам?

— Знаешь, он такой статный... Сразу видно, что он при деньгах.

Не известно откуда и от кого пошла подобная молва в этом маленьком городе, но в последнее время только и было разговоров о женщине, у которой два мужа. Стоит Сакупжамал выйти на улицу, в магазин или в другие общественные места, тут же люди шушукаются, и показывают на нее пальцами: «Вон она, вон та женщина...». Откуда им знать ее сокровенные тайны.

Сакыпжамал в свое время была самой настоящей красавицей. Никто не мог пройти мимо, не остановив на ней свой взор. Она была миловидной круглолицей девушкой с точеным носом, бровями вразлет, ясными черными очами, длинными стреловидными ресницами. Ей очень шло и то, как она заплелатала свои длинные косы, разделив их на прямой пробор, открыв красивый лоб. Еще большую привлекательность придавала ей маленькая родинка, расположенная выше подбородка, с левой стороны губ. Стройные, высокие ноги, словно белые березы, дополняли образ Сакыпжамал и невозможно было найти недостатка в ее сложении. Бабушка Сакыпжамал, незабвенная, всегда говорила: «Красота женщины, если она умна — ее счастье, если глупа — ее горе. Пусть Аллах дарует красивой женщине, в первую очередь — ум». Видимо, говорила в воспитательных целях. Конечно, в молодости Сакыпжамал не понимала, на что она намекает. Но впоследствии, повзрослев, пережила и счастье, и несчастье, о которых говорила ее бабушка.

Замуж она вышла рано, в неполные семнадцать лет. А мужу, Тлеку, не было еще и двадцати. Был он студентом первого курса Сельскохозяйственного института в Алматы, когда познакомился с Сакыпжамал во время производственной практики в Акмолинской области. Они влюбились друг в друга с первого взгляда, и встреча их завершилась свадьбой.

Это были хорошие, добрые времена. Четыре с половиной года молодая семья жила в Алматы. Они были очень счастливы. Не задумывались о том, что у них нет детей, и ни о чем не жалели. Весело и радостно проводили время, и не замечали как быстро проходит жизнь. Сакыпжамал закончила годичные бухгалтерские курсы и работала кассиром в одном из отделении «Казпочты». Поэтому они не нуждались в средствах, как другие студенты.

Тлек получил диплом, и устроился на работу, в родном Кокшетау, инженером - механиком районного

учреждения «Казсельхозтехника». Спустя некоторое время, удалось устроить и Сакыпжамал бухгалтером одного подведомственного учреждения районного управления сельского хозяйства. Сакыпжамал до сих пор содрогается, когда слышит название Кокше, которое принесло разлад ее семейному счастью и благополучию.

Начальник учреждения, куда Сакыпжамал устроилась бухгалтером, Есенжол Танатаров, мужчина лет за сорок, с первых дней поедал глазами молодую красивую женщину, и думал про себя «вот упала мне прямо в руки ангелочек небесный». А Сакыпжамал вовсе не нравился подобный взгляд начальника. Неказистый, курносый, большеглазый, плосколобый, с густыми бровями — этот человек походил на героя фильмов, которые играют шпионов и предателей. Так как на работу приходил под хмельком, от него всегда несло водкой. Смеялся неприятно, гортанным хохотом. «Настоящая черепаха» прозвала его про себя Сакыпжамал. Но так как на эту работу ее устроил муж Тлек, ей приходилось молчать.

Спустя 4-5 месяцев Есенжол стал открыто домогаться Сакыпжамал. «Впервые в жизни вижу такую женщину, как ты. С твоим приходом я потерял сон и покой. Как только вижу тебя, не знаю куда себя деть...» доставал он подобными речами.

Муж Сакыпжамал Тлек от природы человек добродушный, отзывчивый, никому не желает зла даже в помыслах. Он про всех людей думает только хорошее. Он с особым уважением и почитанием, как к старшему брату относился к Есенжолу, который был старше него лет на пятнадцать. Пару раз и домой приводил.

— Говорят, что дадут хорошее жилье молодым специалистам. Вот ждем. Как только получим, пригласим вас с женгей домой в гости,— говорил Тлек искренне.

— Какой вкусный чай у Сакыпжамал, идет — будто мед. Никогда не пил столько чая, — слащаво

улыбался Есенжол и часто подавал Сакыпжамал свою пиалу.

Не прошло и двух лет, Тлек и Сакыпжамал получили коттедж в районном центре и справили новоселье. На этот той был приглашен и Есенжол. Он пришел с женой. «Все не дает мне прохода, какая же, интересно, у него жена» думала Сакыпжамал и краем глаз взглянула на его жену. Очень даже пригожая. Плотная, полные груди. И одежда подобрана со вкусом. Красавица, одним словом. К тому же видно, что она образованная, благовоспитанная, общительная. Оказывается, работает заместителем директора школы в районном центре. Не из тех, кто выказывает искусственную скромность. Добродушно поддерживала разговор с присутствующими, очень притягательная женщина. Разница между ней и мужем, как между небом и землей. Как говорят, она из категории: «и швец, и жнец». Может дать фору любому мужчине по деловым качествам. «Какой же он подлец, что пристаёт к другим женщинам, имея такую жену. Значит, он бабник. Чтобы добиться своего, такие пойдут на любую подлость» подумала Сакыпжамал.

В одно утро Тлек сказал Сакыпжамал:

— Сегодня, мы группой состоящей из представителей района, поедem в областной центр. Говорят, будут распределять технику прибывшую из Украины по районам. Впереди уборочная. И нам выделили технику. Нам надо ее привезти. Если я задержусь, не переживай, будь дома. — предупредил он. и уехал.

В тот день в обеденное время Есенжол пригласил ее в свой кабинет. Как обычно — под градусом. Посмотрев на него, Сакыпжамал подумала «Как такого пьяницу назначили начальником». Он как обычно расспрашивал про квартальный отчет и вдруг сказал:

— Наверное твой муж сегодня не приедет. Целая делегация уехала в область. Я знаю. Тебе ночью.

наверное, будет одиноко... Как это такая красивая женщина как ты, одна будет ночевать в огромном доме... одна., — он подошел к ней близко. — Сакуп, если я приду, ты же не оттолкнешь меня., — он хотел взять ее за локоть, и стал своим воняющим водкой ртом искать ее губы...

— Агай, какой же Выбессовестный! — Сакупжамал кое-как освободилась из его крепких объятий. Затем дала крепкую пощечину ухмылявшемуся начальнику. Возмущенная Сакупжамал не давала отчета своим действиям. Схватила сумку, и хлопнув дверью, выбежала из кабинета.

— Пусть только Тлек в добром здравии вернется домой, все ему расскажу. Не буду больше здесь работать. Негодяй бессовестный, — бормотала она. И дома не могла спокойно усидеть. Сегодняшний поступок начальника сильно возмутил ее.

Есенжола пощечина не смутила. Его возмущало другое, то, что за два года Сакупжамал не приняла его пламенных чувств. Было у него много красивых женщин. Это впервые, чтобы женщина не принимала его предложения, пренебрегла им, отвергла его. «Смотри-ка на нее. Строит из себя. Бесплодная баба. Пренебрегает начальником своим, да еще бьет по лицу! Я тебе покажу!» думал он в ярости.

Хотя и включила свет во всех комнатах двухэтажного коттеджа, Сакупжамал вздрагивала от каждого шороха, и не спала до полуночи. На второй этаж вовсе не поднималась. И спальная комната тоже нагоняла страх. Не стала заходить и в огромный зал на первом этаже. Раньше такого не бывало. Ею овладело какое-то беспокойство. Вооружилась маленьким топором из кухни, которым рубили мясо. Затем скрючившись, прилегла на маленький диван в прихожей, предназначенный для гостей, чтобы было им удобно обуваться. Звук с улицы можно хорошо услышать с этого места. «Да и если приедет Тлек, сразу смогу проснуться» подумала она.

Если суждено случится беде, то ее, видимо, нельзя избежать. Есенжол тоже заупрямился. «Сегодня же посмотрю, как ты, презренная баба, будешь отвергать меня» точил он зубы. С работы пришел без настроения. Уставился в телевизор. Хотя и смотрел, но мысли были далеко. Ужинать тоже не было желания. С наступлением темноты, вышел из дома и направился в сторону дома Тлека. Стал снаружи следить за домом. Заметил, что во всех комнатах горит свет. Новых коттеджей было всего 5-6 домов. Дом Тлека по середине. Построенные напротив дома еще не сданы в эксплуатацию. Есенжол прошел в переднюю сторону дома. Сначала он думал проникнуть через окно. Затем решил «Нет, почему я должен поступать так. Сразу постучу в дверь. Если не откроет, то заставлю». Такие у него были мысли.

Раздался звонок в дверь. Сакупжамал только вздремнула. Она не услышала этот звук. Теперь звонили длительно. К тому же, одновременно стучали. Напуганная Сакупжамал, крепко сжав топор, который держала в руке, произнесла:

— Кто там?!

— Я, Есенжол... Сакуп, откроешь, наверное, дверь...

— Не открою... Уходите, агай! Я же сказала Вам. Уходите, не подходите ко мне близко.

— Скажу одно только слово и уйду. Если не откроешь, буду стоять здесь до утра, пока твой муж не придет.

— Я знаю, о чем Вы будете говорить. Уходите!

Так как дом был новым, телефон еще не был проведен. Мобильной связи в то время еще не было. Сакупжамал растерялась, не зная как быть. Что будет, вдруг если придет Тлек, пока он там стоит? Нельзя открывать. Пусть стоит.

Звонок в дверь не прекращался.

Разгневанная Сакупжамал резко открыла дверь и сказала:

— Так давайте, скажите что хотели, прямо здесь...

— Сначала я верну тебе долг, не люблю ходить в должниках, — произнес Есенжол, и со всей силой ударил Сакыпжамал кулаком в лицо. Легко ли выдержать удар мужчины, у женщины искры посыпались из глаз, и она упала боком в землю.

Словно этого было недостаточно, теперь Есенжол стал ее пинать.

— Такие как ты, валялись у меня в ногах и плакали. Проси у меня прощение за свой поступок, обнимая меня за ноги, я тебе говорю, обними меня за ноги, проси прощение...

Когда падала, Сакыпжамал выпустила из рук рукоятку топора. Теперь катаясь по полу от пинков, снова нашла топор. Схватив его, ударила им по ноге, которая наносила ей пинки.

— Ойбай...

Есенжол вскачнулся и держась за икру ноги, ударился об стену. Сакыпжамал, которая была в ярости от боли и обид, не сдержалась и ударила топором в голову упавшего спиной к стене Есенжола. У него из виска хлынула кровь и он успел только вскрикнуть:

— Убила! Умираю!

Вот такое происшествие произошло в мгновение ока.

Хотя в средствах массовой информации не было общественного резонанса как в нынешнее время, и для советских времен, когда убийство совершено женщиной, это было событием из ряда выходящих. Была взбудоражена вся общественность районного центра. Люди не знающие всех подробностей, осуждали юную Сакыпжамал.

В те времена никто специально не пользовался услугами адвоката. Но к счастью для Сакыпжамал, в районном центре проходила преддипломную практику студентка Московского государственного университета Екатерина Павловна Степанова.

Молодая девушка взялась защищать Сакыпжамал и оказала ей большую помощь. Изначально она изучила личность самого Е. Танатарова. Побывала в учреждениях, где он работал, беседовала с женщинами, выявляла среди них подвергшихся насилию и домоганиям с его стороны. Число подобных женщин достигло шести.

Когда на суде выступала адвокат Е.П. Степанова, в зале стояла мертвая тишина. «В первую очередь, в данном деле нужно ставить вопрос о работе районного партийного комитета, который назначил на руководящую должность человека, который злоупотребляя своими служебными полномочиями, оказывал психологическое воздействие на подчиненных, принуждая их к интимной связи. Это показывает идеологическую слепоту советских коммунистов, которые требуют только выполнения производственных планов, ценят людей только по производительности труда, но не уделяют должного внимания их личностным качествам, таким как честь и совесть». Такими словами она возложила часть вины и на руководство района. И заключила свое выступление словами: «То, что молодая женщина Сакыпжамал Райымбекова восстала против произвола и насилия, и защитила себя, это — подвиг. Это урок для насильников. С. Райымбекова не совершала убийство намеренно, это была самооборона. Поэтому она не может быть наказана».

Суд учитывая молодой возраст (23 года) С. Райымбековой, и то, что ранее она не совершала преступных деяний, и смерть человека наступила в ходе самообороны, вынес обвинительный приговор в отношении нее о заключении в исправительной колонии общего режима на четыре года условно.

Несмотря на то, что наказание было не суровым, Сакыпжамал пришлось отведать горечь заключения. В местах не столь отдаленных, где пересекаются разные судьбы, есть свои правила. Ей тоже пришлось

принять их, и она стала постепенно привыкать к ним. В один из дней ее пригласил в свой кабинет начальник колонии. Когда Сакупжамал робко вошла в кабинет, Заид Шакуров как раз вставал с места с намерением затушить сигарету и открыть форточку для проветривания комнаты. Он оказался широкоплечим высоким человеком. Мужчина средних лет, внешне походивший на людей горных местностей — на горцев, глаза острые с черными зрачками, волосы были густыми и волнистыми, с черными изогнутыми усами. Встретив Сакупжамал стоя, указал ей на стул, чтобы она села. Затем пролистав лежащую перед ним толстую папку, произнес, не поднимая глаз от бумаги:

— Сакупжамал, Вы знаете, что Вы здесь самая молодая и сама красивая женщина.

Сакупжамал промолчала. Однако, подумала: «Начинается... «красивая», «миловидная», «неотразимая»... сыта по горло такими словами. Как они меня бесят... Из-за красоты, похоже, и сию здесь. Как бы не встретить еще одного Есенжола. Вроде женщины-сокамерницы говорили, что «начальник тюрьмы хороший человек». Что же он хочет сказать, интересно?»

— Вы задумались о чем-то? — опять задал вопрос начальник.

— Кто находясь здесь, не думает о чем-либо? Что хотели сказать, говорите уж прямо...

— Хочу сделать Вам предложение. Хотел бы, чтобы Вы приняли его, для Вашей же безопасности.

— Говорите, что за предложение и какая опасность грозит мне.

— Меня хотят перевести в другую колонию. На следующей неделе меня здесь уже не будет.

Он вновь хотел закурить, и теребя в руках папиросу, продолжил:

— Человек, который придет на мое место, очень жестокий и коварный. Как Вам объяснить? Напротив него Есенжол покажется ангелом.. Если

останетесь здесь, он Вам непременно навредит... Вы, с приходом сюда, еще не видели, какими люди могут быть коварными... Потому как я недопускаю такое... Если останетесь здесь, Вам будет трудно в мое отсутствие...

Сакыпжамал напугали слова «Напротив него Есенжол покажется ангелом».

— И что же я должна сделать?

— Доверьтесь мне. Я Вас увезу под предлогом, что «Женюсь на Вас». В самом деле, у меня нет жены. Дома у меня трое сыновей и две дочери. До конца срока Вы будете ухаживать за ними. Если дадите согласие, сам оформлю официальные бумаги.

— Я Вам должна ответить сейчас?

— Если желаете, можете ответить сейчас. А если хотите подумать, то на раздумье всего два часа. Я же сказал Вам, что необходимо оформлять все официальные бумаги. Чем быстрее, тем лучше...

— Ладно, давайте я подумаю.

— Спасибо! Я Вас еще приглашу...

Сакыпжамал хотела поделиться с женщинами из комнаты. Внутренний голос сказал «не говори». Женщины, как только она вернулась, стали расспрашивать:

— Зачем он приглашал, что-то случилось?

— Не смогли поговорить. Сказал, что обратно пригласит. Он разговаривал с другими людьми, — соврала она.

Время неумолимо бежало. «Как быть? Соглашаться?.. А если не соглашусь?.. Вроде как говорит искренно. Может быть, хочет мне помочь... Тогда, еще перед судом, приходила подруга в СИЗО и сказала: «Что же ты такая глупая. Если начальник хотел тебя, зачем противилась? Согласилась бы... Кто тебе даст награду за то, что ты сберегла честь? Сидишь вот, без вины виноватая. Кому нужен был твой подобный поступок? Тлек не станет тебя ждать. Это истина. Женится на ком-либо. Он же мужчина. К тому же, детей от тебя тоже нет.

Думаешь, кто-то ему не родит? Теперь у вас будут разные дороги. Нынче женщины не могут добиться благосклонности своих начальников. А ты....» Два часа прошли, как один миг.

Ровно через два часа начальник снова вызвал.

Как только вошла, Сакыпжамал сказала сразу:

— Я согласна. Только я не спросила, что сказать женщинам рядом. Они сразу стали расспрашивать, зачем Вы вызывали. Что я должна была сказать? Сейчас опять спросят. Или я не должна говорить?

— Ой, я же забыл Вас предупредить. Да, да. Я знаю, что они спросят. Говорите так. «Спросил, кто из женщин заносит анашу извне? Я сказала «Не знаю»».

Через четыре дня после этого разговора охранник кривокнул через железное окошко:

— Сакыпжамал Райымбекова! Быстро на выход со всеми вещами!

Сакыпжамал, которая заранее приготовила все вещи, собралась за три минуты и сказала удивленно взиравшим женщинам:

— Всем желаю скорейшего освобождения! Досвидания! — и не оборачиваясь назад, быстро вышла и последовала за охранником.

Неизвестно, сколько ехала машина, в которую они сели. Но когда они выехали из колонии на шоссе, был уже поздний вечер. Затем по пути машина остановилась. Заид с водителем отошли на некоторое расстояние, и о чем-то поговорили. Затем они попрощались. Заид Шакуров сел в другую легковую машину, пригласил Сакыпжамал, и открыв ей дверь, произнес:

— Садитесь.

Когда выехали на широкое шоссе, Заид сказал Сакыпжамал:

— Вот теперь началась для Вас новая, широкая дорога. Возможно, этот путь и для меня будет

хорошим. Послушайте, что я Вам скажу. Это очень хорошо, что Вы согласились на мое предложение. Теперь я буду заботиться о Вас. Вышестоящему руководству доложил, что вы теперь моя жена. До окончания срока будете у меня дома. Сейчас поедem к нам домой. Дома самая маленькая дочка встретит Вас со словами «Мама». Прошу Вас, не теряйтесь и не стесняйтесь. Обнимите ее, как родная мать, поцелуйте, и скажите, что «только вышли из больницы и скучали». Ей всего два года, должна поверить. Старшему сыну тринадцать, зовут Марат. Второму сыну двенадцать, его зовут Канат. Третьему сыну девять. Зовут Самат. Четвертая дочь – Аида. Самую младшую, про которую только что говорил, зовут Саида. Сыновья, конечно, знают, что Вы приедете. Я им объяснил. Но они не знают, откуда Вы приедете, то есть, откуда только что вышли.

Я единственный сын своих родителей. По национальности карачай. Но в Казахстане родители успели стать казахами. Уроженцы Алматинского района. Жена Фатима была хорошим человеком. Вот уже полгода, как ушла в мир иной от рака почек. Остался один с пятерьмя детьми. Работа у меня, сами знаете, очень ответственная. Я Верю Аллаху. День и ночь молил Всевышнего: «Не дай пропасть мне с малолетними детьми».

Недавно приснился отец. Вы не поверите, он сказал мне: «Сынок, знаю, что тебе тяжело, что ты страдаешь... Под твоим началом находится женщина. Она сумеет заботиться и о тебе, и о твоих детях. И ты не жалея своей помощи для нее». И я ознакомился с документами всех женщин, находящихся в тюрьме. Посмотрел на всех издалека. Изучил автобиографии, статьи, по которым все осуждены. Посмотрел возраст. Все не подходило для воспитания детей. Ты мне показалась близкой. Оказывается, пострадала из-за одного негодяя... Но видимо, судьбой тебе было уготовано такое...

Пока я так думал, вышел приказ о моем назначении в другую колонию. Дали неделю времени для передачи дел. Я же говорил, что человек, который придет на мое место, непорядочный. В каждой колонии своя специфика. Не хочу всем этим забивать тебе голову. Он не улучшит жизнь и без того несчастных женщин. А ты, безусловно, сразу попала бы в поле его зрения. Захотелось вмешаться в твою судьбу. Сказал вышестоящему руководству «Я влюбился в Райымбекову. Женюсь на ней. Сам отвечу за оставшийся срок отбывания. Хочу выписать к себе домой». Написал ходатайство. Они знают, что у меня нет жены. Вот такая у меня судьба, жаным, милая... Я не буду требовать от тебя исполнения супружеских обязанностей. Только позаботься, пожалуйста, о моих детях, рано лишившихся материнской ласки. Особенно, хотя бы двум маленьким дочкам удели свое внимание и любовь. Я тоже не молод. Перевалило за сорок. Точнее, уже сорок два. Вот и все, что я могу рассказать.

Пока слушала этот рассказ, у Сакыпжамал текли слезы. Когда он сказал «Вот так, жаным», она расплакалась еще пуще, и чуть не захлебнулась слезами. Но все же стараясь быть сдержанной, сказала, стараясь подбодрить его:

— Не думала, что Вам столько лет. Выглядите очень молодо, — и украдкой вытерла слезы.

Машина остановилась перед высоким забором. Во дворе тут же ярко зажглось электрическое освещение. Заид, протянув руку, помог ей выйти из машины. Ладони у мужчины оказались на удивление мягкими. Сакыпжамал засмущалась своих огрубевших пальцев, попавших в такие мягкие ладони.

— Вот и приехали домой, — сказал он, толкнув во внутрь ручку двери забора. В этот момент из дома с шумом выбежали дети со словами: «Папа-папа, мама-мама!». Старший сын Марат, который на руках вынес двухлетнюю Саиду, произнес:

— Сказали же тебе, что приедет мама, вон, мама наша прехала.

Сакыпжамал по сценарию поцеловала всех детей в лоб и в щеки, затем обратилась к Саиде:

— Жаным, душа моя, Саида. Я очень по тебе соскучилась. Сильно... Иди ко мне, жеребеночек мой, — и прижала ее к груди. Старшие, видимо, вспомнив мать, со слезами на глазах, обернулись назад. Двухлетняя Саида обняв Сакыпжамал, все твердила «ты мама, ты мама». Даже пятилетняя Аида кинулась ей на шею, приговаривая:

— Мама, ты же больше никуда не уйдешь? Не уходи, пожалуйста!

Пока все они во дворе обнимались и целовались, из дома вышла девушка и произнесла:

— Тате, с приездом! — и обняла Сакыпжамал, как старую знакомую. Затем сказала:

— Проходите в дом. Еда готова, остынет.

— Сакыпжамал, познакомься, это моя самая младшая сестренка. Даже можно сказать, что старшая дочь. Студентка мединститута. Будущий врач Ашира, — сказал Заид Шакуров.

В тот день не было человека, счастливее маленьких Аиды и Саиды. Они с двух сторон обнимали Сакыпжамал, клали ей головы на грудь. Младшая так и норовила схватить ее за грудь, открыв лиф платья. Ласкалась, нюхала ее за щеки, за шею.

На завтра Сакыпжамал встала вместе с Аидой и Саидой. Чем больше девочки липли к ней, со словами «мама, мамочка», тем больше умилялась Сакыпжамал, сердце ее все больше наполнялось нежностью. Через два дня Заид посадил Сакыпжамал в машину и повез в магазины. Они вместе ходили по отделам, подбирали одежду и другие необходимые вещи. Новая одежда еще больше подчеркнула красоту Сакыпжамал. Даже третий сын Самат сказал стоящим рядом Марату и Канату «Какая красивая!»

Приход Сакыпжамал в этот дом принес особую теплоту и уют. Как только придут со школы, все трое мальчиков дружно садятся за широкий стол и трапезничают в теплой беседе. Сакыпжамал контролирует их домашние задания. Вечером приходит отец. Опять все дружно садятся за богатый стол. Видя радостные лица своих детей, и Заид стал более спокойным, стал с аппетитом кушать.

Все эти дни Сакыпжамал ждала весточку от Тлека. Думала, если позвонит в колонию или навестит, уже узнал подробности заключения Сакыпжамал Райымбековой. А если узнал, разве не нашел бы он время, чтобы определить, где истина и где вымысел. Уже больше года нет от него никаких вестей. Это раз.

Во-вторых, Заид Шакуров знает, что у меня есть муж. Тогда Тлек должен же был знать о «ложном сценарии». С такими мыслями, чтобы узнать что-либо о Тлеке, в один из дней она спросила у Заида:

— Заид ага, мой муж был оповещен, что я нахожусь у Вас дома, что знаете об этом?

— Такие дела сохраняются в строгой тайне между руководителями. Даже женщины, которые содержались с тобой в одной комнате, ничего не знают. Но я дал задание своим людям, в случае, если Ваш муж придет справляться о Вас, чтобы они оповестили его, и сказали как обстоят дела. Они бы дали мне знать. Значит, он еще не справлялся, — ответил Заид. Затем продолжил:

— Давайте сделаем так, Сакыпжамал. Я через другие каналы попробую взять полную информацию о Тлеке. Не переживай. Есть надежные люди, — похлопал ее по плечу.

Тот факт, что Сакыпжамал нежданно-негаданно оказалась осужденной, был большим ударом и для Тлека, чуть ли до нервного срыва не довел. Как мужчине, приходилось всетерпеть, и не показывать виду людям. Как только ложится в постель, тут же

перед глазами возникает облик Сакыпжамал. Горит нутро, болит сердце. «Зачем же я только устроил ее туда на работу. Кто знал, что негодяй является насильником. Все относился с уважением, как к старшему, не зная его злых умыслов... И моя вина есть во всем этом», — корил он себя.

Лучше чувствовал себя на работе, нежели дома. Хоть отвлечется от тяжких дум. Коттедж, выделенный «Казсельхозтехникой» отдали многодетной семье, глава которой работал вместе с ним, Тлеку же вручили ключи от двухкомнатной квартиры. Все лето он находился на поле, рядом с хлеборобами. Раньше не курил. Теперь же у него вошло в привычку, подолгу сидеть уставившись в одну точку и вдыхать густой дым сигареты. Никого из родных, кто разделил бы с ним его думы, не было. Родители скончались еще в студенческие годы. Когда Тлек женился в неполные двадцать лет, он думал, что родители будут недовольны, что так рано женится, не окончив учебу. Нет, не так. Наоборот, и отец, и мать радовались, приговаривая: «Вот и хорошо, пораньше увидим внуков». Внуков они не дождались. Когда он учился на четвертом курсе, они, один за другим, будто соревнуясь, ушли в мир иной. Есть единственная сестра, но и она вдалеке, вышла замуж в южный регион. Детей у нее много. Когда у Сакыпжамал случилась беда, приезжала, проливая слезы. Остальные родственники дальние.

В тот год, как назло, и зима в Кокше наступила рано, в октябре уже выпал снег. Урожай остался необранным под снегом. Это стало большой проблемой. Было время, когда компартия вовсю гремела. Районный комитет партии нагонял страху на коммунистов, что те не смогут сдать государству плановый урожай. Секретари первичных партийных организаций получили выговоры, что не сумели организовать должным образом уборочную страду. Получившие выговора секретари парткомов, в

свою очередь, не пожалели и других. Хлеборобам и механизаторам была дана инструкция «хоть ночуйте под снегом, но не возвращайтесь, пока не уберете весь урожай».

Тлек был механиком - инженером «Казсельхозтехники» и ему приходилось доставлять необходимые детали то одному хозяйству, то другому, и работать, не покладая рук. Узнал, что после приговора Сакыпжамал направили в исправительную колонию № ЕТ-2 Алматинской области. Очень корил себя, что не может даже съездить за женой. Просился у руководства «Освободите, пожалуйста, хотя бы на три дня, ни разу еще не навестил жену». На что его начальник разбушевался:

— Твоя жена убила целого кадрового коммуниста района. Была бы другая причина, мог бы понять. Как ты можешь даже думать о таком, когда секретарь района Жанабергенов трясет из нас всю душу?! Хочешь, чтобы всех нас исключили из партии?! Не показывайся мне на глаза! Хочешь уходить, пиши заявление, и уходи туда насовсем, будешь рядом со своей женой! — кричал он. Тлек молодой специалист. Еще нет больших заслуг. От безысходности с опущенными плечами вышел из кабинета. Вот с тех пор, руки так и не дошли.

Снежная вьюга Сарыарки не прекращалась. Поле замело белым снегом. Механизаторам приходилось чистить снег вручную. Таким образом, они прокладывали путь к комбайнам. Хлеборобы и механизаторы самоотверженно боролись со стихией. Но с каждым днем становилось еще тяжелее. Однако, согласно поручению верхов, поле никто не покидал.

Тлек наряду со всеми находился на поле, оставшимся под снегом. В один из дней он выехал в районный центр за необходимыми запасными частями для техники. Машина все время застревала на заснеженной дороге и вконец встала. Ночью он

остался один во власти бушующей стихии. Снег все валил, не утихая, что не стало видно очертания машины. Тлек весь продрог от пронизывающего холода. Стало невозможным стоять на одном месте. Решил, как бы там ни было, двигаться вперед. Думал «Оставлю машину и выйду на большую трассу, а там, возможно, удастся сесть на транспорт». Он все шел и шел, еле-еле передвигаясь по снежному сугробу. Потерял ориентир. Совсем обессилели ноги. Думал «Если останусь здесь под снегом, никто ведь меня не найдет» и старался двигаться дальше. Однако, силы иссякли совсем и он упал. Вроде, как хотелось спать... «Наверное, под снегом тепло, вздремну немного, потом буду двигаться дальше», — подумал он.

Тлека нашли только через двое суток. Сердце еще билось, еле теплилась жизнь. Оказывается, упал, не дойдя всего 200 метров до трассы. Когда затих буран и прояснилась погода, водитель случайной машины, проезжающей мимо, увидел темнеющие очертания человека, остановился, подобрал и довез до больницы.

Врачи отрезали отмороженную ногу молодого джигита по колено и все пальцы правой руки. Вот так, судьба не пожалела и Тлека. К тому же, получил воспаление легких. Более полутора лет лежал в больнице и вернулся в свою двухкомнатную квартиру инвалидом на костылях. Конечно, после подобных происшествий у него не было ни возможностей, ни желания искать Сакыпжамал в исправительной колонии. У него вошло в привычку все чаще прикладываться к бутылке с водкой и меньше одной бутылки он не пил.

— Бездетный горемыка я! О Аллах, почему же ты не сжалился надо мной! Ни жены нет рядом, ни детей, — ревел он в голос.

Через два дня Заид Шакиров оповестил Сакыпжамал:

— Сакыпжамал, Ваш супруг Тлек не навещал колонию. Так сказали мои люди. Я пробовал найти его через другие каналы. Позвонил в районную «Казсельхозтехнику», про которую говорили Вы, там секретарша сказала «Этот человек у нас уже не работает». Возможно, он сильно занят делами. Не переживай, будем надеяться, что даст весточку.

Подобное сообщение стала ударом для Сакыпжамал. Вспомнились слова подруги: «Тлек не станет тебя ждать. Это истина. Женится на ком-нибудь. Он же мужчина. К тому же, детей от тебя тоже нет. Думаешь, кто-то ему не родит? Теперь у вас будут разные дороги». К тому же в первый день, когда она прибыла в колонию, семь русских женщин, находящиеся в комнате, окружив ее, расспрашивали, за какое преступление она попала сюда. Когда она рассказала, все расхохотались.

— Ах ты, дура, дура! Ой, какая же ты честная! Ой, какая совестливая! Гордая! Будешь жить теперь со своей совестью и гордостью! Ох, какая же ты дура! Вот и сиди теперь гордая совестливая красавица! — смеялись они над ней. И сразу же дали Сакыпжамал прозвище «совестливая». Затем, видя что Сакыпжамал еще совсем молодая, стали учить ее уму-разуму. «Никогда женщина совестливой не будет. Такими создал нас Бог: бессовестными и несчастными. Мы — бабы. Б-а-б-ы-ы! Поняла? Ох и дура!», — возмущались они. — «И где же теперь твой муж? В объятиях одной красавицы! А ты здесь... ха-ха-ха...».

Сакыпжамал задумалась: «Неужели все мужчины вероломные предатели? Почему же он ни разу не пришел за полтора года? Он же так бегал, старался, чтобы мне дали более легкое наказание... Говорил ведь: «Сакып, 4 года пройдут быстро. Возможно,

уже через два года вернешься домой. Куда бы тебя не отправили, всегда буду навещать тебя, жаным», утешал меня и крепко обнимая, прижимал к груди... Почему же он так поступает? Я стала не нужной ему, что ли?», — с такими горькими мыслями заплакала она навзрыд. Все повторяла: «Почему же он так поступил?» и качала головой. Затем уже в голову пришли другие темные мысли.

«А почему я должна верить Заиду Шакирову? Возможно, он обманывает меня? Не может быть, чтобы Тлек ни разу не пришел ко мне? Скорее всего, приходил. А ему сказали: «Она вышла замуж за начальника колонии». Конечно, он не будет искать после таких слов. Кто знает, на что способны эти люди из органов? И вообще, о чем думает, интересно, этот человек?...». С такими мыслями она вышла из своей комнаты в веранду, и увидела, что Заид читает какой-то журнал. Увидев Сакупжамал, поднял голову и сказал:

— И так, ты винишь Тлека, да?.. Затем и меня обвинила... Так ведь, да?.. Плакала горючими слезами... Я правильно угадал, Сакупжан?

Сакупжамал растерялась.

— Агай... да... Я и вправду так подумала... И про Вас, и про него...

— Потерпи немного, жаным, милая. Все будет хорошо. Не переживай. Спокойных снов, жаным, — сказал Заид и прошел в свою комнату.

Это слово «жаным», которое изредка произносил Заид, всегда приходилось по душе Сакупжамал, окутывая ее в сладкую негу. «Очень умный человек. Сдержанный. Все решает по уму. Даже чувствует, о чем ты думаешь. Он не может говорить неправду», — подумала она. «Значит, причина в Тлеке. В самом деле, зачем ему женщина, убившая человека? К тому же у нас и общих детей нет... Ладно, пусть женится. Безусловно, он женился, иначе он бы приехал», — подытожила Сакупжамал свои мысли.

Сакупжамал провела в этом доме три года. По «сценарию» она жена Заида, мать детей. А в действительности все как и говорил Заид: «У меня дома трое сыновей и две дочки. Если согласитесь, будете за ними ухаживать», готовка еды для семьи, уход за детьми, уборка дома и другие свойственные для женщины домашние дела. Отношения с мальчиками наладились давно. Сейчас старшему мальчику 16, второму 14. Недавно только оставил позади мушел — двенадцатилетний цикл. Третьему мальчику исполнилось двенадцать лет. Мальчики помогают Сакупжамал по дому. То ли отец так наставляет, то ли сами такие отзывчивые от природы, все время стараются помочь ей во всем, называя ее «мама», хотя и знают, что она не родная мать. Младшая из двух девочек Саида носилась по дому, нацепив на волосы банты. Аида же в этом году пойдет в школу. Однажды, Аида смотрелась в зеркало и спросила:

— Мама, когда я вырасту, тоже буду красивой, как ты?

— Конечно, милая, будешь. Как же не быть, коли я тебя родила? Но я думаю, что ты еще будешь умной. Девочкам необходимо быть умными.

— А Саида не похожа на тебя. Она похожа на отца. Не светлая, а черная. А я светлая как ты, да, мама?..

— Папа не черный, а смуглый, красивый. Сильный. Добрый, — начала она перечислять, и тут проходивший мимо двери Заид произнес:

— Все это хорошо, что Вы говорите... Добавьте туда еще... папа уже старый...

— Нет, нет... Я не могу сказать так о Вас, — засмеялась Сакупжамал. Но отчего-то щеки у нее покраснели.

Они всегда разговаривали на «Вы». За все это время Заид держал себя ровно, очень сдержанно.

Он не домогался Сакыпжамал как женщину, не проявлял иных желаний и намерений. Не выражал чувств. Сегодня его лицо выражало особую радость.

— Я хочу порадовать Вас. Значит, С Вас суйинши, за добрую весть, — начал он говорить, но тут же перебила его с нетерпением Сакыпжамал:

— Говорите же побыстрее...

— С сегодняшнего дня Вы свобод-ны-ы...

Освобождены досрочно... Райымбекова

Сакыпжамал свободна-а-а! Ура-а-а! — громко сказал он, как тут Сакыпжамал кинулась ему на шею и обняла. Он тоже крепко зажал ее в объятиях и не выпуская, держал долго, впервые поцеловал ее в щеку и в лоб.

Следующий день был выходной. Они все семьей выехали на природу в горы. Мальчики были очень довольны. Гоняли футбольный мяч, который привезли из дома. Девочки тоже счастливы, гоняясь за бабочками. И Сакыпжамал была бесконечно счастлива, на лоне природы встретив свою свободу. Сегодня она была естественной и искренней, какой была прежде, гоняла вместе с мальчками мяч, боролась с ними, бегала за бабочками вместе с девочками. Только Заид был в смятении, в некотором замешательстве, казалось, он был чем-то обеспокоен. Вид у него был растерянный, в душе у него бушевал ураган. Он думал: «Что я скажу теперь своим счастливым детям? Как сказать им, что Сакыпжамал уедет к себе в аул, домой? Что будет с девочками моими? Если я скажу ей, что нравится мне, предложу выйти замуж, согласится ли она? И разница в возрасте большая... Посмотрит ли на меня с пятерьмя детьми?... К тому же не ясно, что там у них с мужем... Женился ли он? Или там что-то другое?... Что за мужчина такой этот муж, до сих пор нет ни единой весточки?..» Тут он услышал голос Сакыпжамал:

— Быстро идите к столу... а ну-ка, помыли руки...

Сегодня на столе был даже коньяк. Дети, наигравшиеся на чистом воздухе, с аппетитом набросились на еду.

— Я прихватила и вот это... Как быть? — спросила Сакупжамал.

Заид думал: «Она забыла, что я за рулем. Вдоль дороги полно инспекторов ГАИ. Если не отведаю, может быть, обижу Сакупжамал, подумает, что я не рад ее освобождению... Ладно, будь что будет, отведаю», — решил он и сказал:

— Правильно, что прихватила. Я и не подумал. Конечно, выпьем по рюмочке... За тебя... За твое светлое будущее...

Они выпили по рюмке коньяку.

— Уже четыре года, как не пью, — сказал Заид.

— Я тоже, — сказала раскрасневшая Сакупжамал.

— Сегодня мы за твою радость отведали напиток, который давно уже не пили. Эх, будут ли еще более вкусные напитки.., — сказал Заид загадочно, а в глазах его горел огонек.

Сакупжамал рассмеялась от души. Она и сама не знала причины своего смеха. Думала, так, ради уважения. Затем задумалась и замолчала. Когда поняла смысл загадки Заида, еще пуще засмеялась и покраснев, произнесла:

— Если Вы желаете, то все возможно.

Заид подумал, «она поняла мою мысль» и вновь наполнив рюмки, сказал:

— Тогда, давай выпьем по рюмке, чтобы отведать тех вкусных напитков.

С гор вернулись очень поздно. По пути Сакупжамал запела красивым голосом.

— Вы так красиво поете, — не сдержался старший сын Марат.

— Когда я училась в школе, участвовала в кружке художественной самодеятельности, пела и танцевала, — сказала повеселевшая Сакупжамал.

— А почему раньше не пели, когда были дома? — спросил второй сын.

— Потому как твой папа не вывозил на природу, как сегодня.

— Папа, пап, давай теперь каждую субботу будем выезжать в горы, — сказали сыновья хором.

— Это будет зависеть от вашей мамы, — Заид переложил ответственность на Сакыпжамал.

— Мама, как Вы смотрите на данное предложение? — наперегонки спросили все трое мальчиков и сами засмеялись этому.

Девочки, набегавшись, уснули от усталости. Старшую взял на руки Заид, младшую — Сакыпжамал и пришли в спальную комнату, предназначенную для Сакыпжамал. Уставшие девочки даже не чувствовали, как их раздевают.

Только Сакыпжамал высвободила руку, как ее сзади обнял Заид, притянул к себе и прижав к широкой груди, стал страстно целовать... В этот момент прорвался вулкан чувств, которые они долгие годы сдерживали в себе и прятали. Теперь они были готовы сокрушать любые преграды. Они, словно путники, испытывающие сильную жажду, прильнули к друг другу, и не было сил, которые бы смогли противостоять внутреннему притяжению...

Сакыпжамал и Заид до утра не сомкнули глаз, все никак не могли насытиться друг другом, шептали и бормотали нежные слова. И под утро приняли одно единственное решение: «Сочетаться законным браком, и всю оставшуюся жизнь провести вместе».

С зарей независимости в стране, началась и счастливая совместная жизнь Сакыпжамал и Заида. Сыновья Марат, Канат, Самат окончили школу и продолжили учебу в высших учебных заведениях. На следующий год окончит школу Аида. Саида в девятом классе. Заид вышел в отставку из органов и устроился на другую работу. Как один миг, пролетели десять лет. В один прекрасный день

Заид взял путевку в санаторий «Окжетпес», что в Кокшетау и сказал Сакыпжамал:

— Собирайся быстро. Достал путевки, которые горели. Полетим на самолете.

Так они собравшись наспех, приехали в Кокше. Когда говорили про Кокшетау, Сакыпжамал всегда охватывала дрожь. Причина, конечно, была ей известна. В этот раз у нее мелькнула мысль «Вдруг встречу кого-либо, кто знает Тлека».

На третий день пребывания в Окжетпесе в столовой мужчина пенсионного возраста, с медалями и орденами на груди, все время озирался на Сакыпжамал. Затем, кажется не выдержал, подошел к их столу и спросил:

— Если я не ошибся, Вы, кажется, Сакыпжамал?

— Да, — ответила Сакыпжамал.

— Ой-й, айналайын, милая моя... А рядом муж?

— Да, ага.

Заид встал с места и почтительно поздоровался с взрослым мужчиной. Взяв его за руку, посадил на стул рядом. Старик удобно уселся и сказал:

— Э-э, милая, я же твой давний сосед... Забыла, наверное... Я работал в военном комиссариате... Вы же с Тлеком называли меня «полковник ага»...

— Ой, агай, — Сакыпжамал вскочив с места, обняла старика, — извините, что не сразу узнала... Как тате, живая, здоровая?...

— Тате твоя ушла в мир иной...

— Он указал пальцем наверх. — Я вот остался... Живу вместе с сыном... Там же, в том же доме. Дом уже стал ветхим...

Сакыпжамал вспомнила, в доме до коттеджа, семья полковника жила в соседней квартире. Сам полковник был статным человеком, теперь вот, оказывается, состарился. Это хорошо, что еще не забыл, помнит. Жена была татаркой. Красивая была женщина.

— Ага, что Вам известно о Тлеке? — спросила Сакыпжамал.

Старик некоторое время молчал. Затем покачал головой... Только потом произнес:

— Видимо, ты не слышала... Он сейчас инвалид... Уже более десяти лет... Одну ногу отрезали по колено. Одна рука повреждена... Оставался на улице под снегом... Ой, в свое время об этом писали в газетах... Расхваливали Тлека... Но похвала разве заменит рук и ног?.. Стал инвалидом... Говорили, что потом сожительствовал с русской женщиной... Рая (говорит про жену) когда еще была, она так говорила. Сейчас уже никто и не скажет ничего... Сноха его не знает... говорят, пьет... вот так... главное, живой...

Это известие выбило Сакупжамал из колеи... Сразу резануло по сердцу. Заид тоже заметил ее состояние.

Когда вернулись в комнату, Сакупжамал вытирая слезы, произнесла «Бедняжка, у него же нет никого из родных, совсем наверное, потрясла его эта беда, выбила из колеи... ».

Она выплеснула Заиду, все что нахлынуло: «Когда окончили учебу, Тлек сказал мне: «Как не просился в южные края, не дали туда направление, сказали: «Ты что, когда в целинном крае не могут настругать кадров из дерева, стремишься на юг? Ты же там родился, а просишься в чужие места». Веришь ли, хоть и родился там, совсем не тянет. Хотя бы дали направление в твою Акмолу...». Видишь ли, как получилось... Ни ему, ни мне те места не принесли ничего хорошего... Как же он стал инвалидом, знать бы?»

«Ладно, собирай вещи. Возьмем машину, поедем туда, увидим все своими глазами. Если будет нужна финансовая помощь, поможем, жаным. Договорились?» — сказал Заид, успокаивая жену.

Они не знали, где живет Тлек. Сходили в «Казсельхозтехнику». Те спрашивали друг у друга. В конце концов, нашли одного из старых кадров,

взяли у него домашний телефон, и пришли по указанному адресу. Трехэтажный жилой дом из трех подъездов. Когда поднялись на второй этаж, у Сакупжамал сильно застучало сердце. Дверь оказалось открытой.

— Тлек! — крикнула Сакупжамал, не успев переступить через порог. Никто не ответил.

— Тлек, ты где? — снова крикнула она. Снова нет ответа. Прошла во внутреннюю комнату. На старом диване посреди комнаты спал Тлек. Одна нога висела, другая — которая до колен, торчала из-под одеяла. Сакупжамал было очень больно и тяжело видеть такую картину. Борода и усы были обросшими. Вокруг лежала разбросанная бумага. На маленьком грязном журнальном столике остатки еды. Банка с водой. Возле дивана лежали рваные тапочки. Заид сказал Сакупжамал:

— Я подожду на улице. Ты его разбуди. Поговори. Он, наверное, будет стесняться меня. Потом мне все расскажешь.

После того как вышел Заид, Сакупжамал погладила Тлека по лицу, по волосам, прижалась лицом к его лицу и произнесла мягким голосом:

— Тлек, душа моя, проснись... Я пришла, твоя Сакуп, Тлек...

Он открыл глаза и снова закрыл. Снова открыл. Сакупжамал вновь мягко повторила:

— Тлек, проснись, пожалуйста, я ведь пришла...

Глаза ее были полны слез. Тлек резко поднял голову, и убедившись, что это не сон, стал подниматься с места.

— Моя Сакупш, я же не смог дойти до тебя, не сумел. Я знаю, ты не простила меня... конечно не простила... а я, вот.., случилась со мной подобная беда, и не смог дойти до тебя... Каждый день вижу тебя во сне. Каждый день... И сейчас ты снилась мне...

У него затряслись плечи, он, закрыв лицо

руками, горько зарыдал. И Сакупжамал не могла остановить слез. «Заид снова показал свою мудрость. Хорошо, что он вышел», — думала Сакупжамал, глядя руки Тлека, — иначе я не смогла бы говорить непринужденно, без стеснений».

Тлек спешно стал рассказывать обо всем случившемся. Между словами все повторял «ты прости меня, что я не смог приехать». Слово взяла Сакупжамал:

— Это ты меня прости, — сказала она. И коротко рассказала свою историю. О том, что думала, когда от него не было вестей, что пришлось пережить — рассказала обо всем. Также сказала, что на улице ждет муж.

— А я не женился, — сказал Тлек. — Мне никто не нужен. Иногда хотелось наложить на себя руку. Не хотелось жить. Пил... Приходит одна женщина, пьем вместе, возможно, придет и сейчас... Но не на ком не женился. Когда не пьет, это женщина готовит еду, стирает. Я даю ей деньги. Как поругается с мужем, приходит ко мне.., и мы пьем водку... Ты, Сакуш, позови мужа. Хочу выразить ему свою благодарность. Он тебя защитил от многих бед. И моими поисками, оказывается, занимался. Настоящий мужчина! Я должен сказать ему спасибо. Иди, зови!

Сакупжамал привела Заида. Тлек встретил его, встав с места, опираясь на костыль и сказал, будто старшему брату:

— Ассаламагалекум, Заид ага! — Правая рука у меня вот такая... Нет пальцев... Он показал круглую руку без пальцев и снова спрятал ее в рукав. — Поэтому не могу подать руку. Проходите, пожалуйста.

— Аликсалам, братец Тлек! — ответил Заид, и будто родной брат, обнял его и прижал к груди. — Как дела, как поживаешь?

— Как видите, ага. Я прошу прощения у Вас и у

Сакыпжамал... Хочу выразить Вам свою искреннюю благодарность за заботу о Сакыпжамал... И за то, что специально приехали провести меня...

Заид подумал «Большое у Тлека сердце. Не плохой джигит» и произнес:

— Тлек, как мне сказали, ты одинок, у тебя нет родственников. Я тоже один. Нет родных. Будь мне младшим братом. Я буду твоим старшим братом — ага... Вместе проведем оставшуюся жизнь. У меня есть сыновья. Они могут быть и твоими. Есть дочери, будут тебе дочерьми. Вижу твое положение, все прекрасно понимаю. В течение десяти дней, от силы, месяца, если не будешь против, увезу тебя в Алматы. Соглашайся. Найдется там место и для тебя. Покажем врачам... Поправишь здоровье. Будем вместе радоваться успехам детей. Прошу тебя принять мое предложение.

Сакыпжамал не ожидала, что Заид примет подобное решение, предложит такое. Она была очень удивлена. Была благодарна. «Какой же ты добрый человек, какое у тебя большое сердце», — подумала она.

— Ага, я не хочу быть обузой для Вас. Я могу остаться и здесь. Я все время переживал за Сакыш, все думал о ней, что не смог ее осчастливить. Теперь я спокоен за нее. То, что вы переживали за меня, проводили — одно это стоит дорогого. Спасибо, ага! — заревел он, и отвернулся. Все это тронуло и Сакыпжамал, она тоже не могла остановить слез.

— Нет, так не пойдет. Как я смогу жить спокойно, если вы двое будете плакать в разных местах. Я принял свое решение. Все. Через десять дней заберу тебя, Тлек! Жди брата! — сказал Заид.

Сразу же после того как вернулся, Заид стал искать дом по той же улице, на которой живет сам. Недаром говорят «Аллах дает каждому по

его намерениям». Оказалось, что семья корейцев, живущая недалеко, собиралась переезжать, и выставила на продажу трехкомнатный жилой дом. Между домом Заида и этим было всего семь домов. Он купил этот дом, отремонтировал, и как обещал Тлеку, перевез его в течение месяца. Показал врачам. Тлеку протезировали ногу. Тлек, который многие годы страдал от душевных и телесных ран, воспрял духом и даже внешне похорошел. У него вновь появилась жажда жизни.

В один из вечеров Заид пришел к Тлеку и сказал:

— Здесь рядом есть автобаза. Работает и мастерская по ремонту машин и тракторов. Если я узнаю там, нет ли не сложной работы, подходящей тебе, как ты на это посмотришь? Чем сидеть все время дома, будешь чем-то занят. Отвлечешься от мыслей...

Тлек обрадовался:

— Ой, ага! Об этом я тоже думал. Только, времена ведь сейчас другие. Все автобазы находятся в частной собственности. Я и сам думал, как это я буду сидеть дома, имея диплом и опыт. Очень даже хорошо. Поговорите.

Что там говорить, бывают всякие ситуации. Бывает так, что иногда и село, и город принимают отдельных людей или не принимают. Это неизведанная, непонятная тайна. Жетысуский край принял и Сакыпжамал, и Тлека. Если в родном Кокше им обоим не повезло, то кто мог поверить, что им повезет в этом крае.

Через день Тлек пошел на прием директора автобазы, с которым Заид предварительно переговорил. И увидел, что директор одного с ним возраста. Тут они узнали друг друга. Это был его однокурсник Максут Кудайбергенов, с которым он учился вместе в Алматинском сельскохозяйственном институте. Они кинулись обниматься.

Максут, который в студенческие годы, не раз бывал у них дома, и отведал хлеб-соль Сакыпжамал, сразу спросил о ней. Тлек коротко рассказал их историю.

— Да.., будто история из фильма... И герои славные. Положительных образов много, — сказал Максут после его рассказа. — Правильно сделал, что переехал сюда... Непременно решу вопрос о подходящей для тебя должности... Сегодня вечером пойдешь к нам. Посмотришь на мою семью. Обо всем остальном поговорим дома.

Воодушевив Тлека этими словами, он продолжил:

— Я дома покажу тебе вот такую девушку, — показал большой палец. — Моя родная свояченица. Старая дева. Долго выбирала себе достойного мужа, так и не вышла замуж. Она главный врач в районной больнице. Ей Богу, я вас поженю. Кто знает, может быть и детей родите...

— Эй, прекращай ты, — бормотал растерявшийся Тлек. — Мне бы себя для начала прокормить.

— Ты не поверишь, такое случается волею судьбы. В молодые годы мы с завистью наблюдали за вашей с Сакыпжамал любовью. Видишь, как судьба объединила их с Заидом? Иначе как судьбой это не назовешь. Заид очень хороший человек. У него большое сердце. То, что тебя перевез сюда, чтобы ты находился рядом с ней... В этом есть глубокая философия. Он сильно любит Сакыпжамал, потому и перевез тебя. Он знал, что Сакыпжамал будет беспокоится о тебе, и для ее душевного покоя привез тебя. Понял? Теперь слушай меня. Работа будет, сделаю все для тебя, пока есть у меня такая возможность. Приказ будет издан с сегодняшнего дня. Это в моих руках. Главное, это — семья. Сколько, по-твоему Сакыпжамал будет бегать с кастрюлями между двумя домами? Не думай, что это легко для нее. И для Заида это не

совсем удобно. Поэтому, считай правильным, то что я говорю. Теперь моя очередь. Я возьмусь за тебя. Только соглашайся с тем, что я говорю, — похлопал он Тлека по спине.

Хотя в начале Максут говорил в шутку, через полгода после того, как Тлек устроился на работу, решил жениться на свояченице Максута.

С этой целью эти трое навестили сегодня торговый центр, чтобы выбрать обручальное кольцо для невесты и одежду для свадьбы.

Впереди их ждала не только эта свадьба, но и много других праздников.



ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ

Этот джигит всегда был готов прийти на помощь к любому человеку и сделать для него добро. Будь у него возможность, он бы осчастливил всех окружающих людей.

В начале трудовой деятельности у него хорошо пошел карьерный рост. С должности директора средней школы был переведен заместителем акима района, спустя несколько лет был назначен акимом района.

Работая в этой должности, он сделал много добрых дел и для людей, и для района. Укрупнил средние животноводческие хозяйства района, улучшил благосостояние народа. Перемены к лучшему были во всех сферах: и в образовании, и в культуре и в искусстве.

Повезло талантливой молодежи, которая не могла выехать за пределы района. Творческие коллективы района несколько раз побывали с гастролями

зарубежом. Посмотрели страны и города. Прославились далеко за пределами области, их знали в Республике.

Он взялся и за сферу спорта и физической культуры. Восстановил полуразрушенные с советских времен спортивные комплексы, оборудовал их современным инвентарем. В район были приглашены тренеры, окончившие специализированные учебные заведения, которые обучали молодежь современным видам спорта, тренировали и готовили их соревнованиям разных уровней. Итоги тоже были положительными. Многие спортсмены стали победителями крупных соревнований, прославляя свой родной край.

Когда район под его руководством стал одним из лучших по всем показателям, и стал передовым в области, его назначили заместителем акима области, и спустя некоторое время он стал акимом области. Таким образом, Курмаш Кабдолович Санбиев стал одним из почитаемых и уважаемых людей области.

Вокруг К. Санбиева, который по доброте душевной, всегда находился в центре друзей и близких и был открыт для народа, теперь стало еще больше людей. Нет конца и края землякам: родственники, родичи жены, родичи матери, одноклассники, однокурсники — все оказались возле него.

Там где аким — каждый день восхваление, каждый день превознесение. У него были высокие полномочия, Курмаш Кабдолович не жалел помощи от тех, кто рядом. Кому-то помог с должностью, кому-то — с жильем, одному поспособствовал повышению в должности ребенка в Астане, тем, кто окончил учебу, помог с трудоустройством.

Кое-кому помог получить высокие государственные награды. Когда он был на этой должности, многие в наших краях удостоились орденов и медалей.

Повезло людям, которые пользовались великодушием и добротой Курмаша, который был готов прийти на помощь к другу. Они старались всячески воспользоваться всеми преимуществами и благами, которые можно было иметь, пока Курмаш был акимом. И во многом успешно реализовывали свои замыслы.

Трудно было найти недостатки в личности Курмаша Кабдоловича, который был патриотом своего края, порядочным и добродушным человеком. Единственным его слабым местом была излишняя доверчивость. Он никогда и ни о ком не думал плохо, для него все люди были хорошими. Приспешники, находившиеся рядом, умело пользовались этим его качеством. Они могли правдоподобно вставить по случаю:

— Ой, Курмаш Кабдолович, Вы до сих пор не знаете этого человека. В тот раз он отозвался о Вас не очень лестно. Сказал «то-то, и то-то», — и он верил всему сказанному.

Вот так могли его подставить заместители и помощники. А в другой раз они же могли вернуть:

— Все чего я достиг — это благодаря Вам. Вы наша опора. Ну.., там допустил оплошность, дал слабинку, все из-за того, что знаю, Вы всегда поддержите, извините.., — и он прощал.

И сослуживцы-женщины знали, как можно воспользоваться его добротой. Потому как, он особо мягко относился к женщинам, к тому же — сердобольный.

То, что из-за этой его мягкости и сердобольности жена его Гультаж, давно села ему на голову, знали все, еще со времен, когда он был директором школы. Когда же стал акимом, естественно, их приглашали в гости в разную среду. Чуть ли не через день приходилось ходить в гости, выслушивать лестные пожелания. Иногда, видимо, все это утомляет его жену. В таких случаях Гультаж говорит приказным тоном:

— Все, уходим!

Ей нипочем, что муж аким, что есть этикет и прочее. Курмаш Кабдолович будучи человеком интеллигентным и культурным, не станет пререкаться с женой, начинает собираться.

Чтобы предотвратить такое поведение Гультаж, обычно к приходу Акимом приглашают артистов, юмористов и других представителей искусства. Они показывают свое искусство — поют, танцуют, ставят юмористические сценки. Если Гультаж перестает улыбаться, это предвещает опасность, может сказать «Уходим!». Если почетные гости уйдут, когда посиделки только дошли до самого разгара, то неудобно для хозяев дома. Поэтому все начинают заискивать перед Гультаж, подстраиваться под ее настроение.

Гультаж была женщиной недальновидной, к тому же ревнивой. Не ценила то счастье, которое имела. Стоит только Курмашу Кабдоловичу сделать комплимент какой-либо женщине, сказать добрые слова или пригласить на танец, считай, что нарушены порядок и строй данного мероприятия. Она тут же гаркнет, словно баба из аула. И не подумает, что поступает неправильно и некрасиво. Чтобы не было подобного казуса, муж всегда старался не обращать внимания на женщин, даже не улыбаться кому-либо из них. Хотя ему везло с карьерным ростом, но не повезло с женой, он был таким вот несчастливым человеком в семейной жизни.

Возможно, он устал от всего этого или была другая какая причина, но по области поползли слухи что «Аким завел любовную интрижку с такой-то женщиной — диктором из телевидения». Слухи с каждым днем все больше нарастали, как снежный ком, уже по всему городу говорили об этом. Те, кто близко общались, говорили «Будет правильно, если Курмаш Кабдолович уйдет от

жены. Кому нужна женщина, которая ни о ком, кроме себя не думает». В один прекрасный день слухи дошли и до Гультаж.

Она ли станет разумно взвешивать «Я же жена акима, узнаю сначала, насколько все это верно»? Она тут же идет на телевидение, и открывает самую настоящую «войну». Та женщина тоже оказалась не промах, тоже восстала против Гультаж и упрямо сказала:

— Зачем Вы пришли сюда? Разве Курмаш Кабдолович не достоин внимания женщин? Не только я, но все незамужние женщины, даже и замужние влюблены в него. Я готова жизнь отдать за него. Люблю. Сказал бы умри, умерла бы, сказал бы воскресни, воскресла бы...

Гультаж с тем же напором, запыхавшись, прибегает домой, и пишет заявление в вышестоящие органы о подобном поведении мужа. То ли вследствие этого заявления, то ли по другой причине, через полгода Курмаша Кабдоловича освободили от занимаемой должности. Вот так он стал постепенно двигаться вниз от тех высот, которых достиг своим трудом.

Но оказывается, люди не забывают добрые дела человека. Один высокопоставленный человек из соседнего города, которому Курмаш в свое время оказывал свое содействие в делах, назначил его руководителем одного учреждения. Он успешно работал в этой должности, как его опять настигла «бомба».

То ли это случайность, то ли по какой другой причине, та женщина-диктор тоже устраивается на работу в этом же городе. Об этом слышит Гультаж. Она, не зная как отомстить женщине, записывается на прием к акиму города. Через несколько дней ей удается попасть на прием.

— У меня трое детей, — говорит она акиму,
— Двое студенты. Не знаю, как их прокормить.

Начальник такого-то учреждения, негодник Курмаш Санбиев мой муж. Он всю зарплату отдает не мне, а любовнице, — и плачет навзрыд.

Акиму не понравилась такая жалоба. И он снимает с должности Курмаша Кабдоловича, обосновывая свое-

решение словами: «Как такой человек сможет управлять целым коллективом, когда не может справляться с собственной женой?».

Курмаш Кабдолович решает больше не связывать судьбу с женщиной, которая оказалась ненадежной спутницей жизни, и уходит к женщине-диктору и начинает жить с ней гражданским браком. Друзья его по-разному восприняли данное событие.

Некоторые лживые друзья, которые донимали Курмаша Кабдоловича просьбами и все время вертелись возле него, когда у него была власть, теперь отдалились и не показывались на глаза. Гультаж старалась запретить детям общаться с отцом. Но уже подросшие дети, которые сами могли определить, где ложь и где правда, поддерживали связь с ним, старались подбодрить его морально. Люди продолжали судачить об этой семье.

Спустя время стало известно, что он попал с давлением в республиканскую клинику. В Астане были друзья, которые раньше работали под его началом руководителями различных учреждений и хозяйств, люди, с которыми он тесно общался. Однако, кроме некоторых, не все они удосужились проведать его в больнице. Кое-кто звонил по мобильному телефону:

— Ой, Куреке (не Курмаш Кабдолович, как ранее), как Вы? Недавно услышал от того-то... Ну и как у Вас со здоровьем?... Сколько еще будете (будто он приехал погостить)? Заеду как-нибудь... Сами знаете, работа... — такими уклончивыми словами, сделали вид, что справились о его здоровье.

А как бы поступили они? Время нашлось бы, даже если его не было. Это все конечно, Курмаш Кабдолович знает. Он давно уже успел взвесить и понять, кто есть кто. «Когда удача отворачивается, и ты теряешь счастье, тех кто рядом, терять не надо — сами уйдут». Это мудрое изречение предков, оставленное потомкам в назидание из своего прошлого опыта. Он все повторял его. Повторяя, по доброте своей душевной, никого не обвинял. «Нельзя обижаться, — утешал он себя, — времена нынче такие».



СИДЕЛКА

В комнате было душно. Тускло. Сын, взглянув через дверь, увидел, что отец сидя на кровати, смотрит вчерашние газеты.

— Пап, может быть открою окно и проветрю комнату? Наверное, будет лучше, если я включу свет, — только он начал говорить, как отец заупрямился:

— Не трогай, ничего не трогай. И с воздухом все в порядке. И все я вижу, — с этими словами, он не позволил открыть окно и включить свет...

— Пап, я вот поставил на стол еду. Рядом с тарелкой пирожки, которые ты любишь. Покушайте, пока не остыло... Я пошел... На улице пробки, надо успеть на работу...

— Иди... Можешь идти... — холодно сказал отец.

Сын закрыл дверь, и спускаясь по лестнице, подумал «не спрашивает, как сноха, как дети, как внуки, не выражает чувств, будто и не отец. Как такому человеку найду сиделку? Наверяд ли найдется? И с сиделкой, наверное,

будет капризничать, не даст покоя? Видимо, из объявлений не нашел подходящего человека, не в настроении... Как бы чего не испортил, разговаривая с желающими работать...» с такими тревожными мыслями он сел в машину.

Отец его в ранге генерала. Всю жизнь служил военным. Ему перевалило за семьдесят. Уже десять лет, как живет один. Бауыржан его единственный сын. Бауыржан со своей семьей живет отдельно. И жена, и сам он в бизнесе. Воспитывают двух сыновей и одну дочь. Когда была жива мать, они не замечали, что у отца скверный характер. Узнали только после кончины матери. Упрямый, несговорчивый, своевольный человек. Все делает по-своему. Себялюбивый и эгоистичный.

— Папа, давайте, мы будем жить с Вами, или же Вы с нами. За Вами, ведь, нужен уход, — сказал ему Бауыржан после похорон матери.

— Подальше от меня!.. — крикнул отец.

Бауыржану стало неловко перед женой, которая была рядом.

Не прошло и года, как скончалась мать, как он заявил в один прекрасный день:

— Я женюсь.

Никто не смел сказать слово против. Сын и сноха согласились. Избранницей отца оказалась молодая женщина, бывшая сослуживица по имени Сания. Свадьбу отметили в небольшом кафе. «Раз вместе работали, знает, наверное, характер отца. Лишь бы жили сами по себе» подумал Бауыржан.

Не прошло и трех месяцев, пришел как-то проведать отца, смотрит, сидит он один-одинешенек.

— Пап, где Сания? Почему Вы одни? — спросил Бауыржан.

— Ушла... Пусть катится!.. У нее в голове, оказывается, совсем иные помыслы. Ей нужен был этот дом, а не я. Заморочила мне голову, каждый день говорила «давай, официально регистрируем наш брак». И кушать варить толком не умеет... Пусть катится. Сказал, «иди своей дорогой!»

Одиночество отца стало головной болью Бауыржана.

— Пойдемте к нам домой, тогда... Покушаете горячее, побудете с внуками...

— Нет! Мне нужен покой!

С тех пор прошло пять лет. Отец сам ходит в столовую или же жена Бауыржана приходит к нему домой, варит еду, убирает. Иногда Бауыржан привозит приготовленную пищу. Четыре раза в год отдыхает в санаториях, которые выбирает сам. В последнее время сутулился в плечах, уменьшился в объеме, стал часто болеть, пропало и желание выезжать куда-либо, реже стал выходить из дома. И аппетит стал не важным, плохо кушает. Участковые врачи проводывали дома и проводили необходимые процедуры. Недавно жена Бауыржана Гульшат сказала «Может быть папе возьмем сиделку, чтобы ухаживала за ним. В газетах же много объявлений. Если найдется подходящая женщина...». Бауыржан поделился этой идеей с отцом. Он не стал возражать, только сказал:

— Если нужно искать в газетах, то сам займусь этим. Вы не вмешивайтесь. У меня много свободного времени, принеси мне газеты, сам буду смотреть. И об оплате тоже сам договорюсь.

Эти газеты и лежали рядом с ним.

Оказалось, что не так то и легко найти сиделку по объявлениям. В один прекрасный день старый генерал выходит на прогулку и видит женщину, которая кричала: «Берите газеты, новый номер...». Генерал подходит и посмотрев на новые газеты говорит «Мне нужна газета, где много объявлений». Та женщина отвечает:

— Тут есть все. Дом, квартира, мебель для дома, работа... все есть, — и протягивает газету.

— Я ищу женщину, как ты, — пошутил генерал.

— По газетам?

— Ну говорят же, что в газетах есть все. И женщины для ухода за такими мужчинами, как я...

— Ой-ой, как неловко-то, ага? Разве у такого взрослого мужчины как Вы, нет детей, снох, которые ухаживали бы за Вами?

— Бывают же люди, которые не хотят грузить их своими проблемами, такие, как я.

— Много заплатите?

— Как договоримся. Это женщина должна будет жить у меня дома. Квартплату брать не буду. Будет питаться за мой счет... Ее обязанность ухаживать за мной, своевременно давать лекарства, одним словом, опекать меня, чтобы не окошел без присмотра.

— Агай! Ко мне приехала родная сноха — женге моя. Из Алматы в Астану перебралась. Жила у единственной своей дочки. Мужа нет, умер... Зять оказывается, поставил в залог ее трехкомнатную квартиру, чтобы получить кредит. Не смог выплатить, и они все — женге моя, дочь и зять остались на улице. Из-за всего этого дочь с зятем стали каждый день ссориться и она приехала ко мне погостить... Может быть, я скажу ей... Возможно, женге моя подойдет Вам, если она согласится. Раньше работала в больнице медсестрой.

— Тогда пусть придет в этот дом и спросит Турсына Ботабаева, квартира шестая, на втором этаже. Я буду дома. Поговорю с твоей женге...

На следующий день раздался стук в дверь. Когда Турсын Ботабаев открыл дверь, то увидел перед собой высокую, светлолицую женщину в легкой куртке, с шелковым платочком на шее.

— Зайдите, проходите, — сказал старик Турсын. По правде говоря, внешность женщины не очень понравилась генералу. Но он все-же решил поговорить из вежливости.

Женщина сняла туфли, взяла куртку в руки и всмотревшись в зеркало, висевшее в коридоре, поправила платок. «Наверное, эта обычная простая женщина — выходец из колхоза» подумал старик Турсын, рассматривая ее недорогую одежду. Затем сказал, указывая в сторону кухни:

— Пройдем туда, там и поговорим.

Женщина опустил взор, села на указанный стул. Бывают утомившиеся люди, которые не отдыхали всю жизнь. По виду женщины можно было отнести ее к такой категории. Или она провела бессонную ночь, она была в каком-то замешательстве.

— Вчера про Вас говорила, кто она Вам, золовка, кажется?.. Которая продавала газеты. Она немного рассказала о Вас.

— Мне она тоже немного рассказала. Я долго думала, приходить или нет, и в конце концов, решила поговорить. Раньше не приходилось работать в службе...

— Я тоже раньше не пользовался услугами сиделки. Сын и сноха предложили такое. Решил, надо посмотреть, что выйдет из этого. Они готовы забрать к себе, говорят «живи с нами, сами будем ухаживать». С этой стороны, они молодцы. Но я никогда в жизни никому не был обузой. Поэтому, хочу до конца жизни придерживаться этого принципа, не хочу грузить их своими проблемами. У меня давление...старость дает знать о себе. И сердце барахлит немножко. Вдруг ночью заболел, поэтому, было бы хорошо иметь рядом человека. Даже если вызовешь «скорую помощь», они иногда добираются часа полтора. Вот в таких случаях, когда тяжело в душе, хорошо, если рядом будет человек... Жена рано ушла из жизни...

Женщина все еще молчала. Турсын подумал «Сейчас спросит, сколько будете платить?». Турсын опять заговорил:

— Вас как зовут?

— Анеля.

Генералу стало смешно, но он сдержался. Кто же нарек таким именем простую казахскую женщину...

— Да, Анеля, необычное у Вас имя. Скажите, как Вы относитесь к тому, чтобы ухаживать за стариком, сидящим перед Вами?.. Уход не означает массаж, как там,... мять мое тело...

— Вы сами сделайте выбор. Если Вы посчитаете, что подойду Вам в сиделки, договоримся пока на месяц с испытательным сроком. Ведь на работу сейчас так принимают. У людей бывают разные характеры, трудно ведь будет, если не уживутся...

— Да, да... в этом ты права... Я человек прямолинейный... не всем это нравится...

Женщина улыбнулась этим словам. Будто говорила «Мне и не надо, чтобы ты нравился».

— Извини, сколько тебе лет? Хотя и говорят, что не спрашивают у женщины про возраст, я это к тому, не трудно ли будет тебе ухаживать за мной, — спросил старик.

— На пенсию еще не вышла. Скоро будет сорок восемь... С работы увольнялась, чтобы ухаживать за маленьким ребенком дочери,.. обратно уже не принимают. Работаю, где придется. Есть постоянные клиенты, обслуживаю их. Ставлю уколы, систему... Платят, кто как пожелает... Так и живу...

— А-а... тогда правильно, да... Еще молодая. Имеешь с собой удостоверение личности? Военные люди любят точность, ты не обижайся. В жизни всякие люди встречаются...

Женщина достала из сумки удостоверение и протянула ему.

Турсын долго смотрел на удостоверение... То смотрит на женщину, то на удостоверение, будто сранивает.

— Ты, оказывается, родилась в Грузии. Здесь написано, что национальность русская. Отец твой кто, казах?.. Здесь на фотографии ты совсем другая, совсем не похожа на себя...

— Так на этой фотографии-то мне двадцать пять лет... В этом году истекает срок документа. Осенью поменяю...

— Эта фотография мне кажется знакомой, — сказал старик, не выпуская удостоверение, — будто знакомый мне человек... Где я мог видеть... и когда...

— Я не видела Вас в молодости, — сказала Анеля.

— Ладно, Анеля, не видела, так не видела. Давай, мы с тобой посмотрим, что нам даст месячный испытательный срок. Иди сюда, — сказал он.

— Будешь жить в этой комнате. Чистое белье в шкафу. Вот отдельный телевизор... Там, в холодильнике есть все. Можешь кушать все, что желаешь.. Можешь приходить завтра, — подытожил Турсын Ботабаев.

— Как мне обращаться к Вам?

— Вообще-то я Турсын Ботабаев. У казахов ведь раньше по отчеству не обращались. Можешь говорить Ботабаевич.

— Спасибо, Турсын Ботабаевич, до завтра.

После ухода женщины старый генерал задумался: «Интересно, эта женщина даже не спросила, сколько я буду платить. Или хочет показать, что доверяет мне. Обычно так поступают люди, которые раньше не нуждались ни в чем. А те кто, из бедных, только открыв рот, спрашивают про деньги. Возможно, она из благородных. А то, что выглядит изможденной, может быть от усталости. А так ... еще молодая...».

На следующий день Анеля пришла рано утом. Когда Турсын открыл дверь, то увидел Анелю, которая была одета в брюки, в рубашку с короткими рукавами, и без головного убора. То ли от одежды, она сегодня показалась более молодой. В руках у нее были две небольшие сумки. Одну из них она занесла в спальную комнату, вторую — в кухню.

Анеля сразу приступила к готовке еды. Сначала она приготовила салат из зеленых овощей. У грузинов и болгаров есть национальное блюдо, которое подается к чаю и называется хычин. Это легкое блюдо, полезное для желудка. Но его приготовление требует мастерства. Хорошо осваивается организмом. Это излюбленное блюдо маленьких детей и людей в возрасте. Если нет выработанных навыков, то не каждый берется за его приготовление. Через мясорубку пропускается

картофель и соленая брынза и размешивается. Затем тонко раскатывается тесто как на бешбармак, все накладывается на тесто, сворачивается рулетом и запекается в сковороде. Для Анели приготовление данного блюда не составляло труда. Не прошло и полутора часа, как она приготовила хычин и зеленый салат, накрыла на стол и пригласила к столу Турсына Ботабаева, постучав к нему в дверь.

— Турсын Ботабаевич, приготовила для Вас завтрак, идите к столу, — сказала она, стоя за дверью.

— А, вот как... Анеля ханум... да-да, давайте посмотрим, что там... — поднялся он с места и прошел на кухню.

Запах блюд на столе был очень приятным для обоняния. Взрослый мужчина не смог скрыть своей радости:

— О-хо,.. о-хо... так это же самый настоящий праздничный стол!

— Вы раньше пробовали это блюдо грузинов и болгаров, которое называется хычин?.. Оно очень полезно для желудка, попробуйте, пожалуйста,.. — сказала Анеля.

Турсын резко обернулся к Анеле.

— Откуда ты знаешь это блюдо? Бог ты мой, так это же мое самое любимое блюдо...

Он даже не взяв в руки вилку, схватил еду руками, и с удовольствием стал кушать. Ел и качал головой, что означало «очень вкусно». Анеле тоже понравилось, что он кушает с таким удовольствием.

— Чай Вам налить с молоком или без молока?

— Конечно, с молоком, — ответил старик.

Анеля принесла с собой молоко высокой жирности. Генерал с удовольствием выпил и крепкий чай с молоком.

— Давно я не ел с таким удовольствием. Особенно, много времени прошло, с тех пор, как я не ел это блюдо хычин или хачен, как же оно называется,.. — сказал он, очередной раз подавая

пиалу. Очень давно в Грузии ел из рук одной женщины, то есть, девушки. С тех пор не забывал его вкус. Вот только теперь довелось попробовать еще раз...

Старик задумался, как бы подсчитывая в уме что-то и сказал:

— Да, почти 48 лет, оказывается, прошло с тех пор, — глубоко вздохнул он.

— Как мой возраст, — сказала Анеля.

— Да... целая человеческая жизнь, — произнес Турсын. Затем продолжил:

— Боюсь обидеть тебя, если задам кое-какие вопросы. Может быть, расскажешь о себе, как это ты родилась в Грузии?

— Мама моя болгарка. Отца не знаю, то ли татарин, то ли казах. Меня воспитывала сестра моей матери... Моя мама скончалась при родах, когда рожала меня.

— Они с отцом не жили, что ли?

— Какое там «жили», даже не были зарегистрированы. Тот парень служил там в армии, они с моей матерью, говорят, были как Ромео с Джульеттой...

Старик Турсын нетерпеливо перебил:

— И куда же делся Ромео, оставив твою мать?

— Он, говорят, уехал к себе на родину... Тот парень, будто и не знал, что моя мама беременна мной... мама не говорила, что ли...

Турсын опять перебил:

— Что потом...

— Мой дед, оказывается, был очень строгим человеком. Мать побоялась сказать... В те времена девушки не рожали вне брака...

— А там старшая сестра мамы, которая жила в Москве, оказывается, долгие годы не могла родить ребенка, и уже собиралась развестись с мужем. Моя мама от безысходности едет к сестре, и рассказывает о своем положении. Та услышав это, наоборот безмерно радуется. «Вот и хорошо.

Ребенка, которого ты носишь, возьму я. Сегодня же я сообщу мужу, что я беременна. Буду изображать беременность, прикладывая к животу подушку. Потом скажу ему, что «в Тбилиси хороший климат, поеду рожать домой к родным. Как только ты родишь, ребенка сразу забираю себе» договорились они. Моя мама, видимо, тяжело переносила беременность, возможно, переживала, что рождает внебрачного ребенка, или по какой другой причине, то ли от потери крови, но через неделю, оказывается, скончалась.

— Потом что...?

— Ой, что это я Вам рассказываю всю свою биографию...

— Я же спрашиваю, говори дальше.

Старик Турсын отчего-то возбужденно слушал ее рассказ, у него даже глаза загорелись от рассказа женщины.

— Да, кстати, у меня есть единственное фото моей матери. На той фотографии человек в военной форме обнимает маму. Перед смертью моя приемная мама отдала мне эту фотографию со словами: «Кто знает, ты ведь живешь в Казахстане, может быть в один прекрасный день встретишь этого человека, который запечатлен на фотографии вместе с твоей матерью, может быть найдешь своего отца». На обороте фотографии написаны слова «Милая, я тебя люблю». Есть роспись и дата.

Старик Турсын отчего-то задрожал и поднялся с места.

— Что с Вами, Турсын Ботабаевич? — произнесла Анеля.

— Пошли, — сказал он надломленным голосом, — пойдем туда. Они прошли в его комнату и он указал на черный чемодан на шифонере. — Поставь стул и достань тот чемодан.

Анеля ничего не понимала. Но выполнила его просьбу и спустила черный чемодан.

— Сюда иди. Поставь. Открой чемодан.

Анеля открыла черный чемодан.

— Смотри дальше, дальше...

Анеля вытащила много бумаг и достала со дна чемодана старый альбом.

— Дай мне его.

У старика Турсына еще больше задрожали руки. Он пролистывая альбом, достал пожелтевший конверт и вытащил из него фотографию и сказал:

— У тебя не это фотография?

От удивления Анеля стала заикаться:

— Д-да... она самая... Откуда она у Вас?..

На фото девушка в коротком платье выше колен с короткими рукавами. Улыбается. Ее обнимает за плечи молодой парень в гимнастерке с пробивающимися только усами. Фото на фоне природы. На обороте фотографии надпись «Милый, я тебя люблю». Роспись и дата...

— Выходит, я твой отец!

У генерала глаза чуть не выскочили из орбит. Не понятно, то ли он радуется, то ли удивлен, то ли напуган. Он тяжело задышал, участилось дыхание. Только что бывший в добром здравии старик сказал Анеле:

— Принеси мне лекарства.

Анеля быстро принесла его лекарства и дала ему, измерила давление. Оказалось, сразу подскочило, шкала показывала 230.

— У Вас подскочило давление. Давайте, я сделаю укол, — произнесла Анеля и стала вытаскивать лекарства для инъекции из коробки, которую принесла с собой. Зря я Вам дала крепкий чай, это наверное, из-за чая... — винила она себя.

— Теперь ложитесь и отдохните. Зачем надо было расспрашивать о чем попало... Вам нужен покой...

В руках старик все еще держал фотографию. Но не стал рассматривать снова.

— Что было потом... Расскажи, что было потом?

— Турсын Ботабаевич, Вы отдохните немного...

– Нет, ничего страшного... Это для меня очень важно. Я должен услышать сейчас же... Что было потом...

– Когда сестра моей мамы вернулась в Москву со мной в руках, мужа не оказалось дома. Ее ждала записка на столе. «Я уехал на БАМ (Всесоюзная Байкало-Амурская магистраль, речь о ней). Не один. С твоей подружкой Тамарой. Мы давно любим друг друга. У нас есть сын Егор. Прости, Сакила». Таким образом, моя приемная мама, потерявшая сестру, теперь еще теряет мужа, и остается одна с новорожденным ребенком на руках. Она по специальности геолог. Как только исполнится мне один год, она уезжает со мной в Казахстан в Жезказганскую область. Позже мать выходит замуж за парня казаха. Когда мне исполнилось тридцать семь лет, она ушла из жизни. Похоронена она там же.

– Что было дальше? Рассказывай, что потом?

– Я окончила медицинское училище. Я тоже вышла замуж за казаха.

– Кому досталась Московская квартира? Они не поделили ее?

– Сами знаете, в те времена не было подобной практики. Квартира, оказывается, была записана на мужа матери, который уехал на БАМ. Мать не стала тягаться с ним из-за квартиры. Говорила «У него же есть ребенок. Я не смогла родить ему ребенка, а Тамара смогла. Пусть будут счастливы».

Анеля вновь замолчала. Старик закрыв глаза, тоже молча сидел на диване, было не понятно, то ли он дремал, то ли задумался.

«Пусть отдыхает» подумала Анеля и ушла в свою комнату, которую показал ей вчера старик.

Перевалило за полдень.

Старик, оказывается, не уснул. Как только Анеля вышла из комнаты, он тут же позвонил кому-то. Долго разговаривал. И до самого вечера не выходил

из своей комнаты. Так как взрослый человек сам не обращался, Анеле было неудобно тревожить его вопросами. Прошла на кухню, вскипятила чай и попила в одиночестве. Не знала, как пригласить Турсына, и неловко чувствовала себя, будто украдкой пьет чай. Затем прошла в свою комнату и включила телевизор.

До утра еще было очень много времени. Она задавалась вопросом «Что же обычно делают сиделки? Какие у них правила?» и мучалась, что не знает об этом ничего. В конце концов решила узнать, как обстоят дела у старика, подошла к его двери и постучала:

— Турсын Ботабаевич, как Вы? Вам не нужно принести что-нибудь? — громко произнесла через дверь.

— Входи, — сказал старик по другую сторону двери.

Она вошла в комнату. Старик сидел в том же положении на диване, как она оставила его давеча. Даже не прилег на кровать.

— Завтра пятница. А послезавтра суббота. Вот в субботу пойдем в один из красивых ресторанов Астаны, где я сам обычно бываю. Торжественно. Посмотришь на моего сына, сноху и внуков. В Алматы живет сестра отца. Мы зовем ее Алима апке — сестра Алима. Она тоже приедет. В Петропавловске живет мой одноклассник и сослуживец, с которым работал 50 лет Павел Петрович Вожаков. И он приедет. Ты будешь самой почетной гостьей вечера... Будет еще пара-тройка людей. Еще не дозвонился... Возьми вот этот портмоне. Купи себе красивую одежду на эти деньги. Это приказ, не обсуждается. Выбери самый лучший элитный торговый центр. Сделай красивую прическу. И макияж. Так нельзя одеваться... Теперь ты моя дочь, ты дочь вот этого генерала Турсына Ботабаева.

Послезавтра приедет Вожаков. Он засвидетельствует, что ты моя дочь, и я перед всеми официально

признаю тебя дочерью. А Вожаков подтвердит это. Вожаков знает как свои пять пальцев, сколько я встречался с твоей матерью. А на эту фотографию нас снимал Вожаков. Это фото имеется и в архиве Вожакова. Когда проявили фотографии, я сделал надпись для нее «Милая, я тебя люблю», а она для меня «Милый, я тебя люблю». Я думал, если она живая, помнит меня. Я очень тяжело пережил известие, что ее нет в этой жизни. Я никого и никогда не любил сильно, как твою мать. Она была настоящим ангелом...

У старого генерала задрожал голос, но он продолжил:

— Только что разговаривал со своим другом Вожаковым. Сказал ему «У меня, оказывается есть дочь. Нашлась...» Твоя застенчивость, сдержанность, степенность в разговоре — во всем этом ты в мать. И кушать ты варишь как она. Она неоднократно приносила нам с Вожаковым приготовленные дома подобные блюда. У нее была кристально чистая, словно родник, душа. Мы по-настоящему любили друг-друга. Ты в своем рассказе сделала правильное сравнение, сказав «Ромео и Джульетта». Много вечеров провели мы вместе. Я намеревался сделать ей предложение. Но не смог. Хотел сделать предложение в торжественной обстановке и пригласил ее на специальное свидание. Не знаю причину, но она не пришла. Следующее свидание не сложилось... Нас в одну ночь перевезли из Тбилиси в другой город. В те времена мобильной связи как сейчас, не было. Одним словом, мы потеряли друг друга. София моя... Каким она была удивительным человеком. Она ведь и не сказала, что у нее будет ребенок от меня... Если сказала, то все бы вышло по-другому.

Из глаз старика выступили слезы. Он вытер их тыльной стороной руки.

Анеле все это показалось сном. Она не стала брать портмоне, поставила рядом. Увидев это, старик встрепенулся:

— Я что тебе сказал, возьми это. Если хочешь, вызову завтра сына, чтобы он свозил тебя на машине. Но я не хочу, чтобы они видели тебя преждевременно. Сделаю сюрприз. Пусть увидят сразу в ресторане. Поэтому два дня в твоём распоряжении. Купи одежду. Будь настоящей генеральской дочкой. Сделай как я говорю, не обижай меня.

— Турсын Ботабаевич, у меня есть просьба. Я ни сном, ни духом не ведала, что у меня есть отец и встречу его. Отвечая между словами на все Ваши вопросы, неожиданно рассказала все свои тайны. Кто знал, что будет так, когда мне уже почти пятьдесят... Мне очень неудобно. Я не знаю как реагировать на Ваши слова и планы. Что подумают собравшиеся люди про меня?

— Да плевать я хотел, что будут говорить люди. Я мало говорю, а раз сказал, то это выполняется... Все, не зли уже меня... — резко завершил старик.

Анеля больше не могла перечить старику Турсыну и решила выполнить его задание...

... В тот день мероприятие в ресторане началось торжественно, как и задумал старец Турсын. Все кто были за столом, отнеслись к Анеле с большим почётом и вниманием. Не зря говорят, что «Человека красит одежда», все наряды Анели были ей к лицу. Старик смотрел на нее с гордостью. Когда приглашенные гости все уже были в сборе, старик с большим волнением рассказал присутствующим о причине сегодняшнего застолья.

— Эта фотография всю жизнь грела мне душу, — сказал он, показывая присутствующим фото. Сидевшие за столом, все поочередно просмотрели фото, на котором Турсын в военной форме обнимал за плечи Софию.

— Я был безумно влюблен в эту болгарскую девушку Софию. Но видимо, судьбою было предначертано так, что мы не воссоединились. За

то судьба свела меня с Анелей, с дитем нашей с Софией любви. Сегодня нет человека счастливее меня, — произнес он, затем объявил, что считает Анелю своей родной дочерью.

Друг генерала Павел Петрович Вожаков красочно и интересно рассказал о том, что когда служили в армии, был свидетелем большой любви Турсына и Софии.

— Пап, если бы мы не сказали Вам о сиделке, Вы бы никогда не встретились с сестрой Анелей. Значит, Вам нужно сказать о нашем с Гульшат большом вкладе, внесенном в эту встречу, — вставил радостно Бауыржан.

— Вам двоим объявляю благодарность!

На эти слова все дружно зааплодировали.

С этого дня для Анели началась совсем иная жизнь в Астане. Она беззаветно и с любовью ухаживала за своим отцом. До неузнаваемости изменился характер' своенравного строптивого старика. От него веяло отцовской любовью и добротой. Теперь с ним часто бывали и дети Бауыржана, которых он одаривал своей любовью и лаской.

— Наш папа с приходом сестры Анели изменился на сто процентов, — делился Бауыржан своим мнением с супругой Гульшат.

— А что в этом удивительного? Удивляться можешь большой любви, которую отец хранил в глубине своей души. Теперь каждый день перед его взором находится Анеля, как память о любимой Софии, потому и изменился отец, исчезли безвозвратно его строгость и упрямство. Его отношения к нам тоже изменились, стал добрее и ласковее. Любовь творит чудеса, делает сурового и строгого человека мягким и добрым, — сказала Гульшат самодовольно. — И самое главное, ты обрати внимание на радость наших детей.

У Анели были свои мысли: «Лишившись жилья, рассорившись с дочкой и зятем, в слезах приехала в этот город, не зная куда приткнуться. Разве думала, что я открываю дверь счастья, когда постучалась в этот дом, чтобы честным трудом, хотя бы ухаживая за кем-нибудь, будучи сиделкой, заработать на жизнь. Нашелся родной отец, есть брат, племянники... О Всевышний, Ты, оказывается, видишь все, Ты Воистину Велик», — плакала она, преклоняя голову в молитве перед Всевышним.



КАЗАН В МУСОРЕ

Убирая посуду, Бинур не знала куда деть черный казан, который зря занимал место в шкафу. Этот казан им дала свекровь, когда они с мужем поехали жить отдельным домом в Астану. В казан свободно вмещается 5 литров воды. В нем варили мясо, пекли баурсаки и томили картофель. Когда впоследствии купили кухонный гарнитур, посудные наборы и сервизы, места для этого казана среди красивой утвари не нашлось. То туда подвинут, то сюда... Никак не складывается. И кушать в этом казане перестали варить. Потому как в доме, в котором они жили не было газопровода. Все подключено к электричеству. Плитка на кухне работает на электричестве. Дугообразное дно казана также не подходит к этой печке. Будь воля Бинур, она давно бы выкинула этот казан. Свекровь живая. Когда навещает их, она не сидит спокойно. Тут же ищет тот самый

казан. Ищет тоже своеобразно. Она может сказать:

— Оу, ведь подгорит дно этой вашей блестящей посуды. Где тот самый казан, который я вам дала, в нем же можно приготовить быстрее.

А иной раз произнесет:

— Из-за того что приготовлено не в казане, мне вкус еды кажется какой-то другой. Завтра же приготовлю вам в казане вкусный плов. Скажи мне, где он стоит, в каком месте этого шкафа?

— Здесь стоит, апа, вот он, — отвечает Бинур и показывает казан, и место, где он стоит. — Эта блестящая посуда сделана в соответствии с этой плиткой. Мы как-то привыкли к ней, и даже баурсаки печем, в ней кажется, все быстрее готовится, — как бы объясняет Бибинур свекрови.

Теперь свекровь начинает превозносить и восхвалять сноху, видимо, страшется, чтобы она не выкинула казан.

— Бинур, милая моя, ты же умница. Я старшей снохе отдала большой казан по старшинству, а вам как хозяевам шанырака — отчего дома, как память о коке (говорит о своем свекре), специально выделила этот казан. Это правда, в соответствии с вашим временем, все нынче стало другим. Но все же, солнышко мое, хочу предупредить, чтобы не выбрасывала этот казан. Это удачливый казан, принесет удачу и изобилие. Пусть стоит, даже если не будешь пользоваться. Хоть изредка, пеки в нем баурсаки. Чтобы не иссох. Я тоже в свои года много знаю и слышала. Нельзя, чтобы казан и кубы — бочка для взбивания масла, пустовали, иссохнут. Говорят, что в казане находятся удача и добро. Если долго не пользоваться, шайтан — черт заплует его. Тогда удача и добро могут испугаться и покинуть его, улететь в другие места, говорили наши мудрые старцы. Они говорят только правду.

До сих пор помню, как коке (опять говорит о своем свекре) специально купил для меня в подарок в своей поездке в Бухару этот казан и вручил мне

его словами благословения «да приумножится ваш род, не оскудеет ваш дом, будет полной чашой удачи и добра. Чтобы жизнь ваша была светлой, все плохое миновало вас». Затем заставил меня в первую очередь сварить в казане молоко, и сам первым попробовал его. Затем коке рассказал, как он купил этот казан. «Иду, и вижу в тени одного дома сидит бородатый старик, то ли узбек, то ли таджик. Он и говорит: «Кто купит этот казан, сноха его родит сына. Дом его будет богатым, достатка хватит вдоволь до седьмого поколения. Потому как казан изготовлен с таким поверьем из семи примесей: чугуна, железа, меди, латуни, алюминия, из грамма серебра и золы золота. Человек купивший его, никогда не пожалеет об этом. Это благодатный казан, который будет унаследован семью поколениями, не пожалеешь, что купил». Как не купишь, услышав подобные слова. Развернулся к этому старику, специально купил, чтобы покупка предзнаменовала рождение сына от моей снохи Аксырги. Старик оказался непростым человеком. Получив деньги, не стал уходить. Он удерживая меня, заставил меня развернуть ладони и от всей души дал богатое благословение и сказал: «Это последний казан изготовленный моими руками из семи примесей, про которые я говорил и последнее мое добро. Мои ученики, которых учил ремеслу, ушли на завод за большими деньгами. Мою мастерскую, которая более семидесяти лет передавалась от поколения к поколению, мой дом, построенный продолжением мастерской, загон и другие надворные постройки правительство хочет снести. Говорят, будут строить птицеферму на этом месте. Возможно потому, что это мой последний казан, он для меня как дите, рожденное мной». — прослезился он. Я хотел вытащить из кармана еще денег, чтобы дать старику, но он не позволял. «Ты и так дал больше его стоимости, больше никак нельзя», — сказал он. Я подумал, пусть будет

доброй приметой и привез Аксырге, чтобы слова старика исполнились».

Как только мы стали пользоваться эти казаном, отец Есболсына стал начальником управления. Боже мой, что там говорить, каждый день резали дома барана, каждый день бывали гости. В этот казан вмещалось мясо целого барана, моя свекровь не снимала его с очага. И поголовье скота приумножилось. Жили хорошо. Ставили по два десятилитровых самовара. Руководство колхоза, представители района — все постоянно бывали у нас дома. Я не уставала. И папа Есболсына тоже не уставал. Все мы были гостеприимными и приветливыми. Коке — отец всегда был доволен мною.

— Сноха моя Аксыргаш вся в мою женушку (говорит про свекровь), у нее широкая душа, лицо открытое, и потому у нас постоянно гости. Айналайын (милая), оставайся такой всегда. У каждого гостя есть своя предначертанная богом доля, — говорил он в каждый свой приезд. Я не давала угаснуть углям саксаула, закрывла их золой, думая «Вдруг придут гости». В осеннюю и весеннюю пору заблаговременно готовила растопку для печи, подсушив дрова. Муку привозили мешками и держали в сарае. Под треногой все время поддерживали огонь. Я ведь была молодая, не знала, что такое усталость. В тот год я забеременела и родился старший брат Елболсына Копболсын. Той за тоем. В начале корова с тремя теленками приумножилась, и телят стало пять. Сварить молоко коров, заквасить айран, изготовить курт — все успевала. Ставила тесто и быстро пекла в этом же казане баурсаки. Кто не приходил домой, все были довольны.

Как-то к нам в аул в командировку приехал представитель из района корейской национальности. Был он маленького роста и очень худым. На глазах очки. Руководство сказала ему, оказывается, и в шутку, и в серьез:

— Ты остановись дома у начальника управления Майлыбаева Бекбосына. Его жена Аксырга за месяц откормит тебя.

Так и получилось, что тот самый представитель района, кореец, за месяц проживания в нашем доме поправился и побелел, у него даже появился живот. Когда уезжал, он благодарность свою выражал тем, что показывая большой палец, сказал мне: «Ты вот такая женщина!». Когда вспоминаю все это, сейчас самой не верится, что так и было. Ты вот слушаешь и тоже не веришь, а? — сказала свекровь глядя на Бинур.

— Да нет же, апа, что Вы такое говорите? Конечно, я верю. Я слышала о Вас много хороших отзывов. Вы были женой начальника. Были, оказывается, очень красивой. Девушка, которая училась в одном классе с Есболсыном, она работает учительницей в ауле, Жанерке. Вот она мне и рассказывала «знаем твою свекровь с детства, она была красавицей, которая до обеда выходила в одном платье, после обеда — в другом».

— А-а, Жанерке, значит, говорила? Мы же были соседями. Ну как же иначе? Приходило много людей. Утром и вечером, когда доила коров, одевала одно платье. Ведь подол-то его марался, пачкавшись о землю. Об этом и говорят односельчане. Потом становится жарко. Тогда я одеваю тонкое крепдешиновое платье. Была у меня швейная машинка. Запросто шила любые платья. Товары тогда привозили к нам на автолавке. Брала, то, что нравилось.

— Вы, оказывается, и для одеял шили белые шелковые пододеяльники. Тогда не все же люди в ауле пользовались такими пододеяльниками...

— А почему бы не делать так. Так как это был дом начальника, хотелось, чтобы люди, которые ночевали, не брезговали. Приезжали начальники колхозов. День переночуют, я все стираю, и заново надеваю на одеяла.

Вот такой разговор, по душам, получился у свекрови с Бинур в тот ее приезд. В подаренном еюказане она на следующий день приготовила очень вкусный плов. Вышло так, что это оказался последним ее приездом к сыну в Астану перед своей кончиной. Последнее кушанье, приготовленное ее руками сыну, снохе и внукам. По приезду в свой аул через месяц, свекровь ее— Аксырга, ушла в мир иной в доме старшего сына Копболсына.

Бинур долго вспоминала слова, сказанные свекровью.

В один прекрасный день Есболсын получил трехкомнатную квартиру, и они собрались переехать на левый берег Ишима. Сбор вещей, упаковка — все это, конечно, предназначенная для Бинур доля. Двухкомнатную квартиру, в которой жили, оставили со всей мебелью и оборудованием покупателям. Бинур собрала дорогой набор посуды «Цептер», чтобы забрать с собой в новую квартиру. И взгляда ее упал на казан, который стоял в углу шкафа. Что теперь делать с ним? Свекрови, которая бы спросила, «Где казан?» уже не было. Не долго думая, завернула в целофан, вышла на улицу и поставила возле железного бачка для мусора. «Комунибудь пригодится, да возьмут» подумала она.

Прямо в тот день подошла к мусорному бачку Айзада, которая недавно только вышла замуж. Взгляд ее упал на круглый казан. Семья-то молодая, все нужно в хозяйстве. В тот раз она хотела купить казан, но не сумела выделить денег и отложила покупку до следующей зарплаты. И молодая женщина подумала «Что случится, если возьму этот казан. Какие-то богачи, наверное, и выкинули. Хорошо протру и почищу. Буду им пользоваться», и забрала казан домой. К тому же повеселела, что сумела сэкономить денег. Обычно, когда начинают распределять зарплату: столько-

то за квартплату, столько на еду, столько — на проездные билеты, ничего и не остается. Она и радовалась «Вот теперь у нас есть казан, а другая посуда пока подождет».

На следующий день она не поленившись, хорошенько протерла казан. Раньше, как оказалось, его чистили не очень хорошо. Почистив и снаружи, и изнутри, Айзада сделала казан будто новым. Бабушка Айзады всегда говорила «Перед тем пользоваться любой новой посудой, нужно говорить хорошее пожелание, только потом пользоваться ею». Вспомнив это, наливая воду в казан, она произнесла пожелание «Казан мой, сделай пищу мою обильной, сытной, вкусной. Пусть дом наш будет благодатным, пусть не убывает пища в казане, аминь!». Произнося все эти слова, сама удивилась «Откуда взялись эти слова, которых я раньше не говорила, уподобилась настоящим бабушкам».

Спустя некоторое время, муж Жакан принес добрую весть.

— Из нашего учреждения один человек на два года уезжает на учебу с семьей в Японию. На эти два года оставляет свою квартиру мне. Арендную плату не будем платить. Сказал «Платите только коммунальные услуги», — сказал муж Айзаде. — Завтра переезжаем.

Оба они очень радовались, что теперь не придется платить по 90 тысяч за аренду квартиры. Как переехали в новую квартиру, они накрыли большой дастархан и пригласили всех коллег. В казане, найденном в мусоре, булькая, варилась конина.

Затем пришла в дом еще одна добрая весть, Айзада забеременела и они отметили и эту радость. Родился мальчик. Праздновали и это событие. Из черного казана не уходила еда. Жакан получил повышение по работе. Праздновали. Жакан встал на очередь для получения квартиры по

государственной программе. Праздновали. Не прошло много времени, как они получили квартиру. Праздновали. Вот так, молодая семья все время отмечала счастливые события. Айзада, хоть и молодая, но была внимательной. Она все время говорила мужу «В этом моем казане, найденном в мусоре, есть достаток и богатство, я верю, что это правда!»

А новая квартира Бинур и Есболсына, которые оставили казан, не принесла им блага. На Есболсына, работавшего в Комитете таможни, было заведено дело по наущению недругов. Трехкомнатную квартиру пришлось продать. Продали и дорогую машину. Так как нужны были средства для судьи и адвоката, Бинур пришлось продать все дорогие вещи, имеющиеся в доме. Дорогую посуду «Цептер» тоже пришлось дешево продать. Все свои драгоценности и жемчуга, тоже без жалости сдала в Ломбард. Кое-как в течение двух лет удалось доказать невиновность Есболсына и его оправдали. Но теперь он был безработным.

Когда на младшего брата завели дело, старший его брат собрал в ауле родственников и сделал жертвоприношение, организовал молебное мероприятие — кудайы ас. Во дворе в большом черном казане варилось мясо целого барана. Женщины усевшись в круг, готовили тесто для мяса. Бибинур, которая кормила грудью ребенка в тени дома, подбежала к очагу, где был установлен казан.

— Женеше, — сказала она старшей снохе, — этот большой казан, тот самый, который вам дала свекровь, да?

— Да, он самый. Почему спросила об этом? Она говорила мне «живешь в ауле, среди родственников, этот казан будет тебе в самый раз» и отдала мне. Говорила, что тебе дала свой казан, которым сама пользовалась ежедневно.

— Да, дала. Но я поступила неправильно. Тот

казан был благословенным. Я его уничтожила... Я прогнала из дома достаток этого казана, женеше... Бедняжка апа, когда перед смертью приезжала к нам, все мягко объясняла мне, а я не поняла ее. Какая же я глупая... — зарыдала она.

Тут же собрались родственник жены, находившиеся там, все стали расспрашивать «Что случилось?». Бинур выплакавшись, поведала всем историю казана, о котором рассказывала ей свекровь. И про ее наставление, о том, чтобы она почитала этот казан, и о том, как она в последний раз приготовила своими руками вкусный плов. Все женщины, слушавшие ее рассказ, всплакнули вместе с ней.

— Эх, каким золотым человеком была наша свекровь Аксырга! До сих пор всем аулом восхищаемся ее делами и поступками, — каждая из женщин вспоминала ее.

— Когда мы переезжали в трехкомнатную квартиру, я же собственными руками вынесла казан на улицу и отнесла его к мусорному баку. И вот, смотрите теперь сами, тот дом стал разве для нас счастливым? Нет, не стал. Только сегодня все это дошло до меня, когда увидела сегодня этот большой казан... Очень сожалею обо всем... о том, что не выполнила заветов свекрови... Я не сумела понять, где корень благоденствия и достатка..., — все бормотала Бинур.



КРАСНЫЙ ДИПЛОМ

Сын Бодена Кобен был особенным ребенком. Не понятно на кого он был похож, то ли на Бодена, то ли на его жену Асем, но мальчик был шустрым и проворным. Дети его возраста даже кушать из ложки сами не могут. А он наизусть рассказывает разные стихи. Его увлеченность и желание познать все вокруг, узнать все новости, понять их — это отдельный разговор. Не успело ему исполниться и пяти лет, как он стал хныкать, что «пойдет в школу в месте с соседским мальчиком по имени Кали», который учился во втором классе. Трудно было и объяснить, что «тебе нельзя в школу».

— Я умею и писать, и читать, и считать, почему я не должен ходить в школу, — стоял он на своем. — Ну, что я поделаю с этим ребенком, мозги мои вынес, сходи в школу, поговори. Пусть походит вместе с Кали. Попроси разрешения у учителя, чтобы он сидел рядом с ним за партой, — сказала

Асем мужу и отправила ребенка с ним в школу.

Боден взяв за руку сына привел в школу, и спросил, где находится класс, в котором учится Кали. Классной руководительницей оказалась миловидная девушка казашка. После того, как Боден объяснил ситуацию, она сказала:

— Агай, в нынешние времена не допускается подобное тому, что Вы говорите «посадить рядом за парту, чтобы пятилетний мальчик поучился». Раз мальчику не исполнилось положенных лет, он не будет принят в школу. Такие вещи в больших городах проводятся путем проведения тестирования для проверки знаний ребенка. Да и то в редких случаях. В нашей школе пока нет такой практики. Поэтому объясните все ребенку. Он еще маленький, учеба может навредить его нервной системе.

Отец всю дорогу ругал Кобена:

— Все, хватит, не морочь голову. Сиди дома. Что тебе только что сказала учительница. Тебе еще рано в школу.

Кобен все равно продолжал учить то, чему обучался соседский мальчик во втором классе. Если Кали говорил, что «Апай дала выучить такое-то стихотворение», Кобен выучивал раньше него и рассказывал наизусть. Он и задачи, которые не умел решать Кали, решал легко. Одним словом, когда Кобен пошел в первый класс, он пришел освоившим программу второго класса. Но в сельской местности никто не обратил особого внимания на уникальный дар ребенка, никто не сказал, что «сын Бодена Кобен, оказывается, такой-то». Он, как один из многих, учился, свободно переходя из одного класса в другой. Даже не перевели в класс Кали, учитывая, что у него знаний было больше на целый класс.

Речь, даже, была в другом, в школе были своеобразные порядки родственных и приятельских отношений. Кобен был единственным ребенком, который подходил по всем параметрам к окончанию

школы золотой медалью. Однако, золотой знак дали дочке большого предпринимателя, директора заправочной станции Жаркынбека Жанар. Что же теперь, интересно, будет с дальнейшей учебой. Если исходить из желаний Кобена, он готов хоть сейчас учиться дальше. Но у родителей нет финансовых возможностей.

— Здесь и в Шымкенте есть разные виды учебы, учись здесь, к тому же будешь рядом, — уговаривали его родители.

— Здесь все решают связи. Как бы там ни было, я поеду в одно из высших учебных заведений Астаны, — стоял на своем Кобен.

Отец поддержал его и сказал:

— Давайте продадим одного из телят, будут ему деньги на дорогу, пусть едет. Испытает свою удачу.

К счастью, Кобену повезло, и он с высокими баллами поступил в ВУЗ. Университет окончил с красным дипломом.

— Как же теперь быть с работой? Куда бы не шел, везде требуют стаж работы.

Кобен огорчился:

— Откуда у меня возьмется стаж. Все работодатели требуют стаж, но чтобы он был, мне же сначала надо работать.

— Это Ваши проблемы, — отвечали ему.

— Вы только примите, я проявлю себя, покажу, на что способен, — настаивал Кобен.

— Дорогоймой, это сколько времени понадобится, пока ты себя проявишь. Таких как ты, с красным дипломом, пруд пуди... Извини, нет мест, — отвечали ему руководители учреждений, куда он обращался.

Понурившись, Кобен стал обдумывать сложившуюся ситуацию.

— Стыдно говорить родителям, что не смог устроиться на работу, имея красный диплом. Ладно, не буду смущаться, возьмусь за любую

работу, которая подвернется, — решил он.

В тот раз он был в парикмахерской. Молодой парень примерно его лет, взял с него приличную сумму, за то, что чуть-чуть подправил волосы в висках.

— Это же дорого, — говорил Кобен.

— Знаем. Но мы берем место в аренду. Оплата дорогая.

— Скажи, если не секрет. Можно прожить, имея вашу работу?

— Было бы нельзя, не работали бы. Например, у меня красный диплом. Но с этим самым дипломом не смог устроиться на работу. Что делать, пришлось взяться за данную профессию, — ответил парикмахер.

Кобен задумался. «Не я один, оказывается, хожу без работы, имея красный диплом» подумал он.

— А где обучался на парикмахера?

— Здесь. Есть обучающие курсы. Месячные, трехмесячные... Их много. Выдают сертификаты.

Кобен обучился на двухмесячных курсах и получил специальность парикмахера. Кобен с детства знал, что при желании все возможно. У него все спорилось в руках: стрижка волос, моделирование, обработка, скобление.

Вначале Кобен думал, поработаю год, поднакоплю денег, и буду искать работу по специальности. Недавно один его клиент сказал:

— Накопи две тысячи долларов. Столько денег хватит для устройства на работу. Можно решить вопрос.

В данное время он часть заработанных денег отправляет к родителям в аул, часть платит за аренду жилья, часть на свои расходы. У него есть цель — накопить необходимые деньги. Красный диплом лежит кармане. Жгет и карман, и душу.

СЫН

Как только переехали в город, эта смуглая старуха потеряла сон. Настроения никакого. Если настает утро, то вечера никак не дожждаться. Коль наступает вечер, то трудно дожждаться утра. К тому же, дом, в котором живет, оказался расположенным прямо вдоль дороги. От мчащихся машин не трудно и оглохнуть. Не утихают ни на миг. Окно своей комнаты тоже не может открыть. Если откроет, то, во-первых, войдет пыль, во-вторых, достает грохот колес и гул несущихся по улице машин. Поэтому, она занавесила шторы и плотно их закрыла. В комнате полумрак. Вот теперь попробуй усиди, словно сычь.

Старуха выходит во двор. И во дворе не лучше. Разве можно сравнить его с просторным жайляу. Тесный двор. К тому же сыновья дочери, которые учатся в школе, не знают ни минуты покоя. Играют во дворе в мяч, переворачивая все вверх дном. Вот.

— Эй, будьте вы не ладны! Идите, играйте подальше. Вы так мне голову продырявите, беспутные!

Смуглая старуха начинает кричать. Сама не знает почему, но она не любит детей дочери. Первенец сына, за которым она ухаживала со всем усердием, умер в четырех-пятимесячном возрасте. Целый год она горевала, что «рука ее оказалась несчастливой». С тех пор сноха еще не понесла. Хотя дети дочери ластятся к ней, называя «аже», у нее не лежит к ним душа.

— Дау аже (в смысловом значении — старшая бабушка), мама сказала. чтобы мы никуда не уходили. Если мы уйдем, она будет ругать, — в два голоса стали говорить ей мальчики.

— Идите! Скажете, что я разрешила. Посмотрю я потом, кого она будет ругать...

Старуха, размахивая руками, указывает в сторону улицы.

Стоило ей только так поступить, как мальчики, и без того еле стоявшие на одном месте, тут же спешно стали открывать ключами ворота.

С другого конца двора старшая девочка этой семьи, которая только что вывесила стиранное белье и шла к дому, стала кричать на младших братьев.

— Еркош, Нуркош, куда вы пошли? Мама же говорила, чтобы вы не выходили...

Братья и слушать ее не стали. Им было на руку, что смуглая старуха сказал им «Идите!». В один миг их словно ветром сдуло, тут же умчались за ворота. И до самого вечера не показывались дома. Во дворе стало значительно тише. Уборка большого семикомнатного дома досталась на долю той маленькой девочки.

Не успела девочка начать выговаривать старухе:

— Фу-у, Дау аже, зачем же Вы их отпустили? Надо еще сходить за хлебом, помыть полы во внутренней комнате... Теперь же они не придут до

самого вечера., — как смуглая старуха крикнула на девочку.

— Прекрати! Знаешь, сколько времени они уже стучали мячом? Раньше надо было отправлять в магазин...

— Дау аже, Вы же не знаете город. Магазины открываются только в девять. Вот только подошло время...

Смуглая старуха промолчала. «Как же долго в городе наступает день. Давно-о-о уже поднялось солнце... То-то, сноха так долго возилась. Все делают только по часам. Это мы — люди из аула, оказывается, такие безмозглые, все трудимся, и днем, и ночью, не считаясь со временем» подумала про себя.

Этот семикомнатный дом принадлежит ее дочери Зауреш. Старуха Калия, которую прозвали «Дау аже», переехала из аула в две комнаты этого дома. В одной комнате расположились Сын и сноха, в другой — она сама. Весь ее скarb состоит из двух сундуков, одеял и подушек. Посуда вместилась в один мешок. Шестикрылую юрту со всем ее убранством расположила в сарае. Это все ее имущество. Приехала не потому, что хотела, а от безысходности. Младшего сына, который находился с ней рядом в ауле, забрали в армию. Она бы и сидела там все эти три года рядом с привычными ей людьми. Эти доставали.

— Апа, ну что ты потеряла в ауле? Переезжай в город. Что ты будешь там делать одна? Через пару лет нам, наверное, дадут квартиру, а пока проживем в двух комнатах Зауреш, — сказал старший сын.

В городе у старухи Калии было еще три дочери. И они подливали масла в огонь. И зятя нудили:

— Апа, у сына Вашего хорошая работа, и сноха работает. Вам только и надо смотреть за внуками. Никого же не осталось в ауле, переезжай в город, будешь рядом.

Старуха поддалась уговорам, за бесценник продала имеющиеся две коровы с телятами, около

двадцати овец и коз, и переехала в этот самый город.

Раньше сама была хозяйкой в целом доме. В ауле и двери не закрывали на замок. Никто и не спит до обеда, как в городе. Так как скот надо было рано выгонять на пастбище, коров доили с предутренней зарей. Люди аула, управляясь скотом, успевали и пообщаться, и порасспрашивать друг у друга о том, о сем. Тут и общение по-родственному, и шутки-прибаутки, которые обычно плавно переходили на чаепитие у кого-либо из присутствующих. Если у кого-то дело, которое надо быстро завершить, все дружно берутся за него и тут же доделывают. Старуха Калия в своем ауле пользовалась авторитетом. Для всех были примером порядок и чистота в ее доме. Девери ее даже стихи сочинили: «Сливки и айран у нее как мед, тут же все тает, как положишь в рот». Когда они в сумерках начали собирать весь домашний скarb и грузить в машину зятя, все соседи и знакомые прослезились:

— Ой-бу, как же нам теперь не будет хватать тебя, опустеет твое место, — говорили они, прощаясь.

Хотя и болело сердце старухи Калии, она старалась шутить:

— Да ладно уж, прекратите, город же вот, под боком, будете приезжать. Даст Бог, сын получит квартиру от Правительства. Приедете ко мне и увидите, как я хожу в туфлях, скинув эти ичиги.

И теперь вот, старухе, переехавшей в город, городская жизнь не нравилась. К тому же жилье дочери, куда переехала, она не считала своим домом. Запах туалета, расположенного рядом с домом, бьет в нос. Сами они привычные. Старуха брезговала даже закрывать его дверь. Она заставила занавесить дверь материалом, говоря, что «мухи, со стороны туалета залетают в дом и садятся на пищу». Дети, которые целыми днями носятся взад-вперед, иногда оставляют двери открытыми

настежь. Это раздражало старуху Калию. До полуночи не прекращается гомон детей.

С приездом в город ей не приходилось даже покушать с удовольствием. Здесь и у хлеба вкус другой. Невозможно взять в рот. Иногда липнет к губам, как клей. Иногда пахнет отрубями. В ауле каждый сам ставит тесто и печет пышный хлеб или в сковороде или в печи. Такой получался мягкий, хочешь ешь, намазав масло, хочешь, ешь, запивая чаем или остудив, ешь с айраном. Здешний хлеб, который пекли на заводе, смуглая старуха иногда скатывала пальцами в шарики. Затем произносила «Его, наверное, и курицы не будут клевать». Так она проявляла свое недовольство, что переехала в город.

Эх, сейчас бы айран из кубы — деревянного сосуда для взбалтывания айрана. Только мечтать и остается. Сноха принесла ей катык — процеженное кислое молоко в стеклянной посуде. Попробовала и чуть не вырвала. Цвет молока для чая и то синеватый. Он не придает чаю вкуса.

— Такие молоко и катык мы не давали даже телятам, — закапризничала старуха и закинула стеклянную посуду на край стола.

Она понимала, что сноха не виновата в ее переезде в город, но захотелось кому-то досадить. Тут в городе и еду готовят на день раньше, затем кладут ее вон в тот белый ящик (холодильник), разогревают когда надо и кушают. Сноха Калии хотела сделать так же. Но старуха сразу же воспротивилась.

— Семье, которая состоит всего из трех человек, следовало бы готовить еду своевременно. Если у тебя нет времени, я свободна. Сама буду готовить и обед, и ужин ко времени. Не клади еду в тот дурно пахнущий ящик. Отравимся еще, заболеем.

И вправду от холодильника дочери всегда исходил какой-то запах. Сноха, так как у них не было холодильника, приготовленную еду ставила туда.

Хотя сноха и старалась всячески ей угодить, говоря:

— Апа, как мы все усидим, заставив вас варить еду. Я успею все приготовить после работы, — старуха Калия не поддавалась. Она готовила вкусный плов, суп из баранины, иногда бешбармак. Ставила самовар на саксауле, и когда сноха приходила на обед, у нее всегда был накрыт дастархан.

К тому же у нее была привычка торопить сноху, пока она мыла руки, стоя за спиной:

— Быстрее иди к столу, поешь, пока не остыло.

— Айналайын, милая, — говорит она сидящей за столом снохе, — я люблю людей, которые работают. Не смущайся. Наоборот, пока я живая, воспользуйся моей помощью. Если завтра умру, будешь вспоминать добрым словом, скажешь «Свекровь всегда готовила еду к моему приходу». За внуком не усмотрела, ушел в мир иной. Теперь и ухаживать не за кем. Хоть кушать вам буду варить.

Сноха понимает ее намеки. Это она хочет сказать «Почему бы тебе не понести еще ребенка».

Приходила соседка старуха, услышав, что переехала мать Зауреш. Расспрашивала о том, о сем, видимо, соседке хотелось поговорить. Старуха Калия, не любившая пустые разговоры, не стала поддерживать разговор с незнакомой женщиной. После той встречи они больше не виделись.

Навестила вторая дочка, которая тоже жила в городе.

— Апа, не сиди дома, приходи и к нам в гости,

— сказала она. Калия не приняла приглашения.

— Нет! — отклонила сразу.

Третья дочь жила неподалеку. Муж ее любил прикладываться к бутылке. Эта дочь тоже сказала:

— Апа, приходи и к нам, — на что Калия тут же ее отругала.

— Что, хочешь чтобы я слышала пьяные разговоры твоего мужа?

Хоть и наругала ее, дочь не стала обижаться на мать, продолжила окольными словами:

— Апа, будешь все время так сидеть, заболеешь. Я к тому, чтобы вы выходили куда-либо, общались с людьми, занимали мысли чем-нибудь другим...

— Надо же, какая умная, а? Вот придет сын, я спущу на него всех собак. Учился, встал на ноги. Нет городов, где бы он ни был. Теперь вот привязал меня к порогу этой девочки. Нет у него ни грамма мозгов. Где квартира, которую должно дать Правительство? Так и будем сидеть в чужом углу?

— Ну, апа, наберитесь же терпения. Дадут квартиру. Их же ставят в очередь. Возможно, выделяют участок как другим людям, тогда все поможем со строительством дома... Не у чужих ведь живете... Дом собственной дочери. Зять слова не говорит плохого. Не знает, как угодить...

— Хватит... хватит...

Старуха Калия остановила дочь.

— Может быть, съездишь в аул, погостишь... Пообщаешься с людьми, которых знаешь..., — опять вставила дочь.

— С какой же радости я поеду. Скажу людям, что два года сижу в углу керей (зять из рода керей, она говорит об этом)? Сколько лет била себя в грудь, что сын закончил такую-то высокую учебу, сноха на высокой должности... И что теперь, должна поехать бедной родственницей, ютившейся у чужих?..

Дочь знает характер матери. Поняв, что когда она такая злая, ее ничем не сможет утихомирить, направилась к двери. Выходя, произнесла:

— Апа, не беспокоила бы людей всякими разговорами...

Вечером пришел сын. Он не зашел к матери, которая приготовив ужин, сидела за столом возле дымящегося самовара в передней комнате, ожидая его, а сразу прошел в свою комнату. Что же это он так, целый день не был дома, и вернувшись вечером, даже не зашел к матери, не спросил «апа,

как твои дела?». Старуха Калия замечает, сын относится к ней холодно. Наоборот дочери покладистые, все обхаживают ее, терпят капризы. Сын не такой. По сравнению с ним, сноха все сносит. Хотя что скажет свекровь, строго ли, мягко ли, всегда проявляет деликатность. Все таки видно ее образованность. С тех пор как стала снохой, чтит все традиции, почтительна и учтива. Ни в чем ее не попрекнешь. Чего не скажешь о своем родном сыне.

Сына, которого родила после четырех дочерей, Калия растила баловнем, ни в чем ему не отказывая и не ущемляя. Несмотря, что муж рано ушел из жизни, шестерых своих детей она растила в довольствии, трудясь в колхозе в поте лица, чтобы поднять их на ноги. Этот самый сын с малолетства учился в интернате. Когда вырос, несмотря на просьбу матери не уезжать далеко, учиться в одном из вузов наших городов, он поехал в Россию. Пока он учился там четыре года, все время снабжала его деньгами, скопив все, что получала на трудодни в колхозе и вырученные от продажи скота, чтобы было не хуже чем у других. Жил не хуже царских сыновей, окончил учебу успешно. Сказал «женюсь». Женился. Постепенно мать стала замечать, что у сына совсем иные отношения к матери, чем у дочерей. Стоит ей, к примеру, сказать ему:

— Сынок, сделал бы так..., — как он тут же дает отпор.

— Фуф, сказал же, не вмешивайся! Не вмешивайся!

Теперь когда размышляет обо всем, старуха Калия убеждается, что сын не раз огорчал и обижал ее. Вот и сегодня так же. Не то что отведать приготовленный матерью ужин, он даже не справился о ней. Разозлившись, старуха тут же направилась в комнату сына. Сын, оказывается, сидит уткнувшись в телевизор. Весь в телевизоре:

и головой, и шеей, и глазами. Старуха вошла и выдернула провод голубого ящика.

— Апа, что же случилось такого?

— Это я тебе скажу сейчас, что случилось такого. Что, умер бы, если не было бы этого телевизора? Почему бы тебе не узнать «как там мать, сидит там целыми днями взаперти», а?! Чтобы провалилась такая твоя учеба! И пусть провалится твоя работа, похожая на игры в куклы! Ничтожный раззява без гордости и чести! Эй, мне, бабе, стыдно, что сижу приживалой в доме керея, а почему это не унизительно для тебя?! Вон, сын шестиглового Абдрамана из нашего аула, хоть и не учился, живет не хуже других. Построил своей матери, которая мне в подметки не годится, огромный особняк в этом городе, сидит там, в ус не дует. Это ты — сын, на которого я надеялась?! Зачем ты учился, где Правительство не дает жилье, а?!

Вот так старуха вылила на сына все, что накопилось в душе за день. Сын, как и предполагала мать, буркнул в ответ.

— Как в этом доме можно жить человеку? Когда бы ни было, сразу начинаешь разговор со ссоры. Что, может быть заболела, ну и болела бы себе?.. Все должны плясать вокруг тебя, что ли? Когда ты прекратишь шуметь? Здесь же не твой аул?

Сын поднялся с места и демонстративно ушел к себе в спальню. И чай, и еда остались не притронутыми. Что теперь делать старухе Калие. Теперь она берется за сноху.

— Мальчик мой раньше не был таким. Как только женился на тебе, стал повышать на меня голос. Не даром говорят «в тихом омуте черти водятся». Все беды от тебя. Это ты, наверное, подстрекаешь его, говоришь «давай уйдем отдельно от твоей скандальной матери», а?! Заруби на носу! Я никуда от вас не уйду. Тебе не избавиться от меня! Не подстрекай моего сына!

— Ойбай, апа, мысли такой даже не было!

Если Вы злитесь и кричите, сын Ваш еще больше злится... Вы же сами замечаете это... Это Вы его так разбаловали, что он СЫН, вот он и привык, наверное. Если бы он делал как я говорю? О-о-о..., это большой вопрос..., — стала сноха оправдываться.

— Скажи своему мужу, чтобы завтра же переехал в другой дом, пока живой. Я не собираюсь сидеть приживалой у керя.

Услышав громкий голос матери пришла и хозяйка дома Зауреш.

— Ой, апа, чем опять не угодили? Что ты так разбушевалась?..

— Не болтай, выйди вон!

— Не злись, заболеешь... Будет дом... Что ты все время ведешь себя так, словно этот дом чужой?

— Если приедут люди из аула, они не будут говорить, что были у Калии, а скажут «были дома ее дочери Зауреш». У вас не хватит мозгов подумать об этом...

Весь корень зла заключалась в том, что у сына не было своего дома.

Старуха Калия и на следующий день была в таком же состоянии. Ничего не кушает. Ни с кем не разговаривает по душам. Глубоко задумавшись, сидит в комнате.

Тут подкачало здоровье. Появилась изжога в желудке и попала в больницу.

Через две недели врачи выписали домой, напутствуя напоследок:

— Нынче у каждого второго подобная болезнь. Есть незначительный изъян в желудке. Все это пройдет в ходе лечения. Самое главное лекарство от этой болезни — не нервничать, много не думать, гулять на свежем воздухе и поддерживать бодрость духа.

Дочери старухи Калии потеряли покой. Чуть ли не каждый день бегают к ней, носят все, что могут:

— Апа, что желаешь кушать? Вот как отнесешься к этому? — предлагают ей овощи и

фрукты, молочные продукты и другую легкую пищу.

Сын все время занят на работе. Приходит поздно. Уходит рано. Через день переступает порог ее комнаты и спрашивает:

— Апа, как ты?

Когда приходит сын, старуха Калия злится еще больше.

«Кто справляется о здоровье через порог? Ой-бай, зашел бы как девочки мои, сел бы рядом, и потом уже спрашивал бы? Как русский... Даже русские, наверное, не поступают так с родной матерью... В кого он превратился, обучаясь среди русских...» подумала она про себя.

Разладившиеся между матерью и сыном отношения с каждым днем все больше осложнялись. И сноха потеряла покой, не находя способы их примерения.

— Когда апа ругает, ты потерпи. Промолчи. Не пререкайся. Кушай вместе с ней. По-моему, она хочет этого, — говорит жена сыну матери.

— Эй, не морочь мне голову, тоже мне... В тот раз заходил. Посидел. Увидела меня и отвернулась к стене. Как разговаривать с таким человеком? — говорит сын.

Старуха Калия ожидавшая от сына особого почитания, не дождавшись, с каждым днем стала болеть еще больше. К весне совсем слегла потеряв аппетит. В один из дней она пригласила к себе зятя.

— Моя шестикрылая юрта, наверное, не поместится во дворе, но четыре крыла поместятся. Установите завтра перед домом юрту. Я теперь буду лежать там. Если помру, тело мое будете выносить из моей юрты. Если приедут проводить из аула, будет лучше, если они будут навещать меня там. Выполните эту мою просьбу, — сказала она.

Просьба старухи Калии была исполнена. На месте, где обычно мальчишки играли в мяч, была

установлена юрта старухи. Калия заставила застелить ей там постель. Подняли кошму, которой была прикрыта нижняя часть кереге. Старуха утешилась.

До аула, где раньше она жила, дошла весть, что «Старуха Калия с приезда в город, оказывается, болеет. Говорят, слегла». Люди стали навещать ее, чтобы справиться о ее здоровье. Люди, отведывая кушанье в юрте старухи, старались подбодрить ее:

— Эй, ты приехав в город, совсем изнежилась. Вставай, нечего разлеживаться... Сын и дочери совсем тебя разбаловали.., — говорили они. Но сами они видели, что Калия больна неизлечима, и жалея ее, уходили со слезами на глазах. Старуха Калия скончалась через два месяца, после того, как была установлена юрта.

Сын был удивлен тем, что мать так быстро угасла и ушла в мир иной. Ему казалось, что так не должно было быть. Они ведь даже не успели посидеть за одним дастарханом за теплой беседой. Почему мать поступила подобным образом? Ему казалось, что она назло сыну ушла из жизни. Будто хотела сказать «Найди теперь мать, которая не будет говорить и ругать...».

Такие мысли одолевали сына. Мать ушла, не поговорив с ним. Это было для него тяжелым ударом. Он сожалел обо всем. Но было уже слишком поздно.

Сын не знал, как избавиться от горького сожаления. Все лето искал строительные материалы, и возвел над могилой матери сооружение с узорчатым куполом. Все равно сердце не успокаивалось. Что он может сделать для матери? Как сможет избавиться от чувства сожаления, которое гложет изнутри? Наедине горько рыдал, бившись головой об землю. Горечь не уходила. Кого винить, кого?

«Почему не бывал часто с ней рядом, когда она болела? Почему не ценила свою мать,

почему? Когда теперь размышляет, все что говорила мать, было, оказывается, правильно. Какой же была мудрой его мать. Почему он пререкался с матерью? Почему не слушал молча? Все из самовлюбленности. От избалованности. От того, что никто слова против не говорил. От того, что говорили «ты прав». А я и вовсе не был прав. Каким же я был глупым».

Лишившись матери, сын не знал, что он может сделать для нее. Если бы она воскресла, все сделал бы по-другому. Что поделаться, но матери не было рядом. Прошло время, сыну исполнилось тридцать. Образ матери все время был перед глазами. Сожаление огнем жгло нутро. Исполнилось сорок лет. Образ матери все время перед глазами. Сожаление ядом жгло душу. Даже если уничтожить все свое тело, никак не избавиться. Сам бил себя в голову. Исполнилось пятьдесят. Мать перед глазами. Сожаление иглами кололо и душу, и сердце. Исполнилось шестьдесят. Слезы сожаления льются по груди. Что бы не делал, не мог избавиться ни от себя, ни от своего раскаяния.

Как-то сыну приснилась мать, которую он никогда раньше не видел во сне. И то не ясно. Но будто бы это была мать, несомненно она, ее голос. «Как ты устал, мой сыночек...» только начала она говорить. Кажется, еще хотела что-то сказать. Но он, перебивая ее слова, кинулся к ней с распростертыми объятиями. «А-п-а! А-п-а! Прости меня, прости...» начал он, хотел кинуться ей в ноги. Но проснулся. Поседевший в шестьдесят лет человек проснулся от своего хрипящего голоса. Открыв глаза, опять жалел, что не смог даже во сне сказать матери одно сокровенное слово. Опять заревел в голос. Жена, которая знала все тайны его души, в этот раз разозлившись, сорвалась на него.

— Эй, хватит наверное уже, хватит! Не реви!... При жизни надо уважать человека, при жизни... Что это никак не дойдет до твоих мозгов... После

смерти, хоть мавзолеей построй, все одно... Хватит лить слезы, — сказала она мужу.

За сорок лет совместной жизни она впервые высказала ему все в глаза.

— Все возвышала тебя, чуть ли на голову сажала, все говорила «Сын. Сын». Я единственный свидетель тому, что ты при жизни не сумел сказать ей ни одного теплого слова. От себя не убежишь, перед своей совестью не оправдаешься. Вот поэтому и казнишь себя живьем все время. За столько лет совместной жизни и для меня не сделал ничего хорошего. Знаю, что если я умру, и обо мне будешь точно также жалеть. Но я бы не простила, даже если похоронил меня в мавзолее Тадж-Махал. Уважай при жизни.

Сын, который обычно не давал жене говорить слово против себя, промолчал. Всклипывая, уткнулся в подушку и еще пуще заплакал...



ДОЧЬ

Н азым вечером встречала дома старшего брата мужа, приехавшего из соседнего аула, сварила мясо, заварила свежий чай, накрыла стол вкусными угощениями, а под утро стала будить мужа, приговаривая: «Мне кажется, уже пора везти меня туда.. (имела в виду роддом)». Ночью младший брат со словами «разве можно такое прекрасное блюдо, приготовленное Вашей невесткой, запивать только бульоном, может немного запьем кое-чем другим», — вытащил пол литровую бутылку горячительного. Старший брат, которому хоть и было уже за 60, возражать не стал. Видимо, был уверен в своем здоровье. После первой бутылки выпили еще половину пол литровой. Спать легли поздно, и вот теперь, муж не просыпался.

— Вставай, Жарас, вставай.. Я же говорю, болит, — пыталась жена разбудить мужа, перевернувшегося на другой бок.

Из соседней комнаты вышел брат мужа.

— Невестка, что пора уже?.. В больницу

надо?.. Ненаглядная ты наша. Да хранит тебя Всевышний... Как будет здорово, если мой приезд к вам ознаменуется легкими родами и рождением сына, я же всегда в этом доме почетным гостем буду, — заволновался дядя. Разбудить младшего брата, даже вытирая ему лицо мокрым полотенцем, он не смог, и долго не раздумывая, облил его ледяной водой.

— Ну-ка, вставай и вези ее в больницу. Если пить не умеешь, не пей, — отчитал он брата и усадил за руль мотоцикла.

Назым схватила заранее приготовленные вещи и сказала своей девятилетней старшей дочери Гульсум:

— Ты присмотри за ними (имея в виду трех остальных дочерей), разбуди их и накорми, ну, до встречи, доченька, — и произнеся «Биссимилия», уселась на заднее сидение тарахтевшего мотоцикла. Все это происходило в середине лета. Было жарко еще засветло.

— О Аллах, помоги ей удачно разродиться. О Аллах, ты дал моему младшему брату четырех дочерей, подари же ему пятым сына, — напутствовал их в дорогу брат мужа и остался дома присматривать за девочками.

Расстояние от аула до больницы, расположенной в районном центре, составляло 10 километров. Мотоцикл летел на всех парах, несмотря на кочки и выбоины. Назым приходилось нелегко от всей этой тряски и она чувствовала приближение родов. Так и получилось.

— О боже, кажется я не смогу дотерпеть, пока мы туда доедем. Жарас, остановись, умираю, — просила она мужа. На самом деле ей было не просто в предверии родов усидеть на трясущемся заднем сидении мотоцикла.

— Ты что, здесь рожать собралась...? Терпи уже... Могла же пораньше, вчера еще сказать, что там, днем раньше, днем позже, я отвез бы тебя в

больницу, — ответил ей Жарас, даже и не думая останавливаться.

Сил спорить с мужем у Назым не было. Чувствуя, что дольше терпеть уже не сможет, она со всей силой ущипнула мужа в бок.

— Ну, ты... бестолочь. Остановись, я сказала...

Как только мотоцикл остановился, Назым достала из свертка платок, расстелила его и позвала мужа:

— Эй, Жарас, подойди, встань вот сюда... развернись спиной... я буду держаться за тебя...

Назым крепко уватилась за плечи мужа и согнулась в пояс:

— О Аллах, О Аллах, — только и успела она произнести, как раздался плач младенца. Назым отцепила руки от мужа. Жарас, никогда не бывавший в такой ситуации в сильном волнении спросил у жены:

— Ух ты, а мне-то что делать?

— Найди нож или что-нибудь еще пуповину обрезать..

Да разве нож найдется в такой момент. Назым лежит и благодарит Всевышнего, на платке разрывается плачем ребенок.

— Кусай, вот в этом месте зубами и тяни, пока не порвется...

Жарас приступил к исполнению указаний Назым. Во рту смешались кровь и слюни, в зубах что-то непонятное — то-ли кишки, то-ли мясо, наконец-то перегрыз. Уууф!

Нужна нитка, чтобы перевязать пуповину. Назым кажется совсем устала, сил разговаривать не осталось. Жарас как-то слышал, что у кого-то «жена скончалась при родах». Эти слова моментально вспомнились ему и вызвали у него испуг. И про новорожденного забыл. Лишь бы с Назым все было в порядке.

Назым снова взяла инициативу в свои руки.

— Оторви полоску от платка и крепко перевяжи

в этом месте, чтобы не развязалось, — сказала она. Жарас стал двигаться более уверенно и поспешил выполнить ее указания. Только теперь он обратил внимание на плачущий голый комочек. Оказалось, что новорожденный мужского пола. Видели бы вы его радость, аж прослезился от счастья.

— Слышишь Назым, ты мальчика родила. Сына. Посмотри-ка на него, в дороге родился, ты смотри, а... не захотел до больницы подождать... — повторял он с гордостью в голосе, любуясь новорожденным сыном.

Назым запеленала ребенка в чистую пеленку из свертка и сказала, что хочет немного отдохнуть. Жарас засуетился, и со словами:

— Подложи вот это под голову, — снял с себя все вещи, которые были на его теле.

— Когда надо, никто и не проедет. Именно сегодня ни одной машины, — сетовал Жарас на отсутствие на дороге машин. А солнце уже пекло. Ни малейшего дуновения ветерка. Уже изрядно вспотевший Жарас, спросил у Назым:

— Куда теперь вообще поедем, домой или в больницу?

— Да я и сама еще не решила. Наверное будет правильно поехать в больницу, пусть врачи проверят состояние здоровья малыша... — ответила Назым.

— Ой, да ладно, скажешь тоже, кто принимал роды? Я, сам перегрыз пуповину, я же ее и перевязал. Ничего не случится, поехали в аул... Пусть все узнают, что у меня родился сын — торопился Жарас в аул. На том и сошлись, сели на мотоцикл и поехали обратно в аул.

В ауле все были рады, что не успело пройти и двух-трех часов, как они вернулись уже втроем. Рот у Жараса не закрывался:

— Вы и представить себе не можете, какие легкие роды были у моей жены. Видно правильно я сделал, что по кочкам поехал. Я же сам принимал роды,

вот этими зубами перегрыз ему пуповину. Со всей силой грыз и во-о-т... так вот тянул, — рассказывал он на радостях всем, кто приходил к ним в дом. В честь рождения ребенка, в этот день в доме Жараса было настоящее пиршество. Были зарезаны несколько баранов, рекой текли шампанское и водка, все гости ели и пили, что хотели.

— Этот, как его, Темирбек, все насмехался надо мной, что я отец четырех девочек. Теперь-то он перестанет болтать. Ну-ка наливайте, когда пить, если не сегодня, — говорил Жарас, сидя во главе дастархана и наливая всем направо и налево.

На следующий день, Назым заметила, что у ребенка высокая температура.

— Эй, Жарас, что-то ты много пьешь, побоялся бы Бога. Не нравится мне состояние ребенка. Молоко не пьет. Температура высокая. Быстро найди машину, надо ехать в больницу. Родился на дороге... Кто знает... Пусть доктора посмотрят.

По приезду в больницу, врачи выслушали историю рождения ребенка. Когда слышали, что ножа, чтобы перерезать пуповину не нашлось и пришлось перегрызть зубами, они сильно встревожились. Все, кто слушал историю, стали наперебой ругать обоих родителей.

— Вы, странные. Если ребенок в дороге родился... Если не соблюдалась гигиена, зубами перегрызли пуповину.. зачем вы повезли его обратно в аул? Неужели не могли элементарно подумать о том, что через пуповину могла попасть инфекция? Вроде современные люди, а ведете себя как в средневековье... Разве можно было перевязывать пупок тряпичной веревкой?..

Отругав родителей, младенца забрали у них из рук и унесли. До вечера никаких известий не было.

Жарас и Назым не могли найти себе места в ожидании того, что скажут им доктора. Вести им принесли печальные. Ребенка им вернули в завернутом виде, мертвым...

Неделю спустя Назым слегла в больницу. Грудь опухла, кровотечение не прекращалось, температура не падала, к тому же, видимо, потеря ребенка сильно сказалась на нервной системе, домой она выписалась, пролечившись полтора месяца.

Жарас еще две недели рыдал и глушил боль утраты спиртным.

— Своими руками принял его на этот свет, видимо Богу было не угодно, чтобы у меня был сын, — не прекращал он свои стенания.

Видимо, так было суждено. После этого случая, Назым уже не смогла забеременеть.

Жарас, не воспринимавший своих четырех дочерей, каждый раз в состоянии подпития, не прекращал роптать:

— Вот я и остался без потомства, на мне мой род закончился.

Родственники утешали его, как могли.

— Жарас, будь благодарен Аллаху. Люди и одного ребенка родить не могут. Тебе же Всевышний подарил четырех дочек. Так что, хватит тебе причитать, будь доволен тем, что имеешь.

Но Жарас не прекращал.

— Они замуж выйдут... Будут жить в других домах... Что бы вы не говорили, дочка— это не сын, — не унимался он.

Его дочери слышали эти слова с самого детства. Когда новорожденный скончался, не успев родиться, они все четверо плакали вместе.

— Господи, только появился в нашем доме мальчик. Теперь опять будут говорить «в этом доме женский батальон», — рыдала старшая девятилетняя Гульсум, ей вторили семи, пяти и трехлетние сестры.

Прошло время, девочки подросли. Выучились, получили высшее образование. Каждая из них занимает хорошую должность. Старшая, Гульсум, окончила Алматинский институт народного

хозяйства и возглавляет финансовую часть в крупной строительной компании. Вторая дочка, Гульжан окончила Алматинский юридический институт. Работает директором какого-то департамента на государственной службе. Третья дочь, Акмаржан, получила образование в институте иностранных языков. Теперь работает в посольстве. Четвертая, младшая дочка открыла свой собственный бизнес.

Назым и Жарас переехали из аула в областной центр. Живут в огромной трехкомнатной квартире. Каждый год ездят отдыхать в зарубежные курорты и санатории. Когда Жарасу исполнилось 60 лет, дочери подарили ему на юбилей автомобиль марки «Мерседес». Он приехал на этой машине в аул, к тому самому старшему брату, собрались все знакомые люди и поздравили его.

— Вот, Жарас, а ты жаловался — нет сына, одни дочери... Они замуж выйдут, уйдут... Да ваши дочери всем сыновьям пример. Вы самые счастливые родители, — говорил Жарасу ровесник Темирбек. — Вон, мои сыновья так и ходят в ауле. И дела у них с переменным успехом идут. Поверили обещаниям, что «Государство будет выделять кредиты для аулов», так и не дождались. Нашим сыновьям не досталось.

— Да, было дело... По молодости много разных глупостей наговорил, что было, то было... Мне дочери сейчас говорят: «Папа, ты с детства относился к нам с пренебрежением из-за того, что мы девочки. Возможно это и послужило для нас дополнительным стимулом. Мы делали все, чтобы быть лучше мальчиков. У нас всегда была цель «Папа и мама должны быть не хуже тех, у кого есть сыновья». В такие моменты, я от стыда сквозь землю готов провалиться. Что верно, то верно, мои дочери сделали все, чтобы на старости лет я жил в достатке, в почете и уважении, — соглашался со всеми Жарас в том, что ошибался в молодости. А женщины аула, все никак не могли налюбоваться и отвести глаз от нарядов Назым.

ХОМУТ НИЩЕГО

Эта старая женщина уже долгое время стоит перед торговым домом и просит милостыню у проходящих мимо людей. Если присмотреться внимательно, она не очень-то и старая. Около семидесяти лет. И одежду ее нельзя назвать бедной. В зимний период, когда идет снег, на голову она одевает теплую шаль. К тому же эту шаль можно отнести к категории «Оренбургский пуховый платок», про который русские поют. Теплый платок с толстым подшерстком темно-коричневого цвета. В теплой цигейковой шубе. На ногах теплые войлочные сапоги. В дождливые весенние дни она одевает кожаную шапку, на шею привязывает белый платок. Обувь у нее без каблуков, но качественная. А в летние дни она одевает светлый костюм с прямой длинной юбкой. Туфли под тон костюму — светлые. На голову одевает голубоватый шелковый платок. «Хоть

и краска с крашеной чаши сотрется, но хорошее качество ее сохранится» говорят в народе, имея ввиду красоту женщины. По ней видно, что в молодости была красивой. По одежде можно заметить, что она особо не нуждается. Эта нищая женщина все время стоит, опустив глаза в землю. Не поднимает взора на людей. Когда кладешь ей в ладони деньги, она тихо и равнодушно произносит «спасибо».

В прошлый раз один взрослый мужчина пришел с внуком и сказав внуку «сейчас получишь ее благословение», дал женщине подавание через внука. Затем он стал кричать на женщину, предъявляя претензии:

— Стоишь здесь, будто кто-то тебя заставляет. Что ты бормочешь, дала бы нормально свое благословение маленькому ребенку. Хотя бы поблагодарила людей, когда подают тебе деньги, стоишь, чего-то чванишься.., — выговаривал он.

Тут на мужчину, который ругал бедную женщину, набросился один из супругов, проходивших мимо.

— Вы почему кричите на женщину? Можете так не давать деньги, если подавание ваше продается, — сказал он.

Да, есть среди нас разные люди. «Кто-то прыгает от холода, кто-то — от переедания» говорят в народе. Мне тоже тот мужчина не понравился. Но его слова «Стоишь здесь, будто кто-то тебя заставляет», натолкнули меня на другую мысль.

В самом деле, мог же здесь эту старую женщину поставить насильно третий человек. У полицейских нет дела до них. Законодательные органы не вмешиваются. А мы, люди...мы разве смотрим друг на друга? Нет времени посмотреть вокруг. Городские — те, вообще бесчувственные. Даже не знают соседей. Приходится слышать всякое. Особенно, старые люди становятся жертвами подлого времени, попадая в руки мошенников, зачастую лишаются квартир. Свои

же родственники войдут к ним в доверие, сказав «давайте, временно поставим ваш дом в залог в банк, вот получу кредит, потом через год сделаю то-то и то-то», сделают небольшие подарки, а затем не возвращают кредиты в банки. Столько вокруг таких людей, оставшихся без крова.

Уже более двух с половиной лет, как это старая женщина просит здесь милостыню. Кто знает, может быть ее постигла какая-то неудача? Меня все беспокоила мысль, что «ее кто-то заставляет здесь стоять».

Не могла избавиться от этой мысли и дома. В конце-концов, в один прекрасный день я приняла следующее безрассудное решение. Я написала письмо женщине-попрошайке.

Я написала «Вы извините меня. Я живу в районе этого торгового центра, поэтому вижу Вас часто. Если я правильно Вас воспринимаю, то мне кажется, просить милостыню Вас заставляют какие-то силы. Я правильно говорю? Что это за человек? Вам нужна помощь? Если нужна, то доверьтесь мне.., позвоните по данному телефону.., даже можем встретиться. Поговорим. Мы же женщины, просто поделимся тайнами. Я хочу Вам помочь...», указала свои данные, адрес местожительства и номер телефона. Затем, когда была в торговом центре, вместе с деньгами вложила ей в руку и письмо. В конце письма попросила, после того как прочтет, уничтожить его.

После того как вручила письмо женщине-попрошайке, стало легко на душе.

На третий день около пяти часов утра у нас дома раздался телефонный звонок.

— Это я, попрошайка, — произнес голос. — Извините, что разбудила так рано. Можно ли встретиться с Вами? Сейчас очень рано. К часам семи утра хотела бы подойти к дому, который Вы указали в письме... Не домой к Вам... Встретимся на улице... подскажите, пожалуйста, номер Вашего подъезда. Я подойду туда...

— Приходите, приходите... Я буду ждать... четвертый подъезд.

С одной стороны, я обрадовалась, что интуиция не подвела меня. С другой стороны одолевали сомнения «вдруг она попросит помощь, которая будет мне не по силам, как же быть тогда...»

Это был воскресный день. Летом дни длинные. Даже в пять утра уже было светло. Я поднялась, умылась, попила чаю и вышла пораньше на место встречи.

...Судьба женщины-попрошайки оказалась такой, как я и думала. Просить ее милостыню, оказывается, заставляет собственная внучка. В свое время работала на фабрике прядильщицей, затем начальником отдела. Муж был главным инженером завода. Но он рано ушел из жизни и она осталась с дочкой. Дочку обучила в Ленинграде, когда она работала, смотрела за ее домом и внучкой от дочери, вырастила ее... Теперь же от возвращенной самой внучкой терпит издевательства.

— Девочке двадцать четыре года. С тех пор как подседа на иглу, совсем изменилась. Мать об этом не знает. Всю пенсию до копейки забирает внучка. Ей этого недостаточно. И, когда я не могу ей дать денег, не разрешает мне даже кушать. Иногда сходит с ума, бьет меня. Душит. Чуть не убивает. Я каждый день, на худой конец, приношу три тысячи. Сразу забирает. Какие же у нас есть добрые люди... Почти нет таких, которые не подают. Все дают. Недалеко от места, где я стою, внучка сидит в машине. Иногда вместе с девочками, иногда одна. Контролирует меня. Я не должна уходить раньше времени, разговаривать с людьми.

У меня в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области живет двоюродной брат. Он не знает обо всем этом. Даже дочка не знает. Хочу уехать к нему, пока это девчонка не убила меня... Буду жива, верну Вам, помогите мне добраться туда, — сказала женщина-попрошайка, и представилась именем Зеркуль.

— У Вас есть удостоверение личности?

— Откуда?.. Все у девочки. Были у меня деньги на депозите, их она тоже потратила. И пенсионная карточка тоже у нее. У меня нет никаких документов. После того, как получила Ваше письмо, плакала два дня. «Сама судьба определила мне защитника», сказала я. Пришла рано утром, потому как девочка спит до 10-ти, не чувствуя ничего. Она прячет от меня и ключ от дома. Вчера вечером ключ случайно выпал возле дивана, на котором она сидела. Я подобрала. Вот потому и удалось сейчас выйти из дома. А так, у меня нет ключа от дома...

Я сказала, что подумаю, как ей помочь. Но в тот момент я не знала, каким способом ей помогу. Просто решила довести все до конца, раз взялась помочь человеку.

Старуха Зеркуль спешно попрощалась, возложив на мои плечи определенный груз.

Для решения этого вопроса с малыми потерями, чтобы были «и волки сытыми, и овцы целыми», пришлось встретиться с определенными людьми, проконсультироваться у них. Если с кем надо советоваться, советовалась. Рассказала им об истории женщины-попрошайки, сказала, что нужно ее спасти.

— Девочку нужно разместить в наркодиспансер. Только тогда ее мать убедится во всем. Там знают, что нужно сообщить матери. Девочке надо лечиться. На нее оказываются влияние и давление. Без лечения ничего не получится. Иначе она может навредить бабушке...

— А как поймают девочку?

— Полицейские знают все механизмы подобных дел.

— Как будут задерживать, где? А старухе не навредят?

— Сделают все так, чтобы не навредить.

Я сильно опасалась за последствия. Но все решилось должным образом.

Когда человека постигает беда, один он ее не одолеет. Всем миром удачно провели операцию по оказанию помощи престарелой матери-попрошайке. Все молодые люди: девочка, которая села на иглу, парень, который способствовал этому, находящиеся с ними в одной упряжке совсем юные девушки и парни — были госпитализированы в наркодиспансер. Все они оказались детьми состоятельных родителей.

Дочь старухи, которая работала на высокопоставленной должности, когда услышала, что мать два с половиной года попрошайничала, схватилась, оказывается, за сердце, что пришлось вызывать ей врача.

... В данное время Зеркуль апа, которая избавилась от попрошайничества, живет дома у двоюродного брата в Зайсане. Все у нее наладилось. Она вообще не хочет приезжать сюда. Видимо, то что два с половиной года подвергалась издевательствам, отдается болью в душе, что она не верит, что внучка излечится от пагубных привычек. По правде говоря, даже не хочет ее видеть. Когда мы, словно родные сестры, разговаривали по телефону, она поведала мне все это.

После этого случая у меня вошло в привычку внимательно присматриваться к людям, просящим милостыню.



ЛЮБОВНИЦЫ МУЖА

Мне приходится приезжать на обед домой с работы из районного центра, находящегося недалеко от аула, потому как у меня есть грудной ребенок. Покормив ребенка, на скорую руку обедаю тем, что приготовила свекровь и снова уезжаю. В один из таких дней я выходила после обеда со двора на работу и увидела что за калиткой стоит то-ли молодая женщина, то-ли девушка. Я машинально оглядела ее. Не красавица. Полная смуглая девушка. На лбу челка. Короткие волосы собраны на затылке резинкой. Одета в короткое синее платье. Икры на ногах ровные и полные, но ноги короткие. На ногах черные туфли без каблучков. Пыльные. Ростом пониже меня, а телосложение полное.

— Это же улица Акжайык, дом 27? — спросила она у меня. Раньше на воротах висел номер дома. Недавно ворота покрасили в голубой цвет и номер был не виден. Я и сама это только заметила.

— Да, он самый.

— Вы не могли бы позвать Мукадеса, если он дома? (Мукадес это мой муж).

— Я бы позвала, но его нет дома. Он уехал в командировку в Караганду. Вы наверное издалека, проходите в дом, — предложила я несмотря на то, что сама торопилась, подумав, что раз она называет имя моего мужа, наверное является одной из его друзей, которых я не знаю.

В этот момент мне показалось, что она смотрит на меня изучающе. Как бы там ни было, она не подала виду.

— Пойдемте, проходите внутрь, — повторила я. Девушка немного замаялась, как бы раздумывая заходить или уйти, и будто решив «будь что будет, зайду», шагнула в ворота.

Вижу, что и свекровь вышла во двор с ребенком, которого я недавно покормила. Мне показалось, что она как-то странно посмотрела то ли на меня вернувшуюся домой, то ли на девушку, идущую рядом со мной.

Я провела девушку в комнату и со словами «пока посмотрите», дала ей в руки альбом с фотографиями, а сама вышла на улицу с еще неостывшим самоваром, снова наполнила его водой и быстро растопила. Свекровь подошла ко мне и спросила:

— Ты что, на работу не пойдешь? — но не спросила, «Кто это с тобой рядом?».

— Эта девушка пришла к Мукадесу. Наверное у нее есть к нему какое-то дело, мне было неудобно отправить ее восояси, даже не пригласив в дом. Пригласила попить чай. Немного опоздаю на работу, какнибудь объясню, — ответила я ничего не подозревая. Лицо моей свекрови стало еще бледнее. Наверное подумав, что ребенок напившийся молока начнет плакать, если увидит меня, она не поворачивая ребенка ко мне лицом, развернулась и ушла в другую часть двора.

Пока закипал самовар, я быстро накрыла на стол, поставила, что было нежданному гостю — чем богаты, тем и рады.

— Проходите к столу, попьем чаю, — позвала я девушку. Она положила альбом с фотографиями и сказала:

— В этом альбоме много Ваших с Мукадесом фотографий. Мне кажется, что вы жена Мукадеса.

— Да.

— А тот ребенок на руках у бабушки, ваш ребенок?

— Да...

Девушка посмотрела на меня пристально. Видимо почувствовала, что я совершенно спокойна. После чего, признала:

— Мукадес не говорил мне о Вас, и о том, что у него есть ребенок...

— Вы раньше здесь бывали?

— Да, приходила как-то... В тот раз я была в той комнате. Тогда я Вас не видела (та комната, о которой она говорила, была залом, где мы принимали гостей, располагалась в глубине дома и люди туда заходили не часто).

Как только она произнесла эти слова, мне стало тяжело дышать. Но виду я не подала. И так же спокойно сказала:

— А, да... я же была на учебе в Алмате... Вместе с ребенком вернулась летом, после защиты диплома. У нас раньше еще дочка была. Умерла на руках у свекрови. Этот ребенок у нас второй, а сами то Вы откуда приехали? — спросила я...

— Я приехала из Казалы...

Сердце мое забилося еще сильнее.. «Казалы, говоришь. То-то он постоянно в Казалы в командировку ездит. Если он не говорил ей обо мне и о том, что у него есть ребенок, получается она его любовница». Эти мысли молнией промелькнули в моей голове. Несмотря на это, я не хотела подавать вида:

— А мне он о Вас рассказывал. Это же вы передавали вкусную рыбу? (то что он привозил из Казалы рыбу, было правдой, но о том, что он говорил об этой женщине, я соврала).

Настроение у девушки упало. Это я заметила сразу. Внутри у меня бушевала буря, однако я продолжала говорить еще более спокойным тоном:

— И имя он мне сказал (тоже не правда).

— Сказал — Жамал? (сама назвалась, отлично).

— Да, Жамал...

Девушка грустно вздохнула.. Увидев это, мое сердцебиение стало приходить в норму.

— А как вы с Мукадесом познакомились? Он мне что-то рассказывал, но я уже подзабыла..

— Пару лет назад он приезжал на рыбный завод. С людьми приезжал, тогда и познакомились...

— А, да, да... точно. И о том, что ночевал у вас дома, тоже говорил (и это вранье, просто предположение).

— Даже об этом говорил?

— Жамал, ты пойми. Я там в Алматы, на учебе. Он здесь, в Кызылорде. Мужчины... им же надо... хоть иногда... ну сама понимаешь... Тем более мы вместе со школы, в одном классе учились, у нас нет секретов... (естественно, это тоже не было правдой).

— Я впервые в жизни слышу о таком... как Вы ему такое позволяете?..

— Ну как ты не понимаешь... Я училась очно. Переводиться на заочное отделение не стала. Вот и дала ему свободу... (вранье).

После двух пиал девушка больше чай пить не стала, накрыла кесе ладонями и сказала:

— Я напилась. Вам большое спасибо. На работу из-за меня опоздали, чаем напоили... С такой-то женой.., что он за человек?..

Она замолчала. А я продолжила:

— Получается, он мне про Вас рассказал, а Вам про меня нет...

Девушка моментально разразилась рыданиями...

— Вы уж простите меня...Выходит, что я впросак попала... Не буду вам всего рассказывать...

«Что они там делают?», гадала видимо свекровь, и именно в этот момент заглянула дверь. Увидев плачущую девушку, она сразу закрыла дверь с другой стороны.

Стол остался не убраным. Я встала со своего места и свое негодование, вызванное поступком мужа возместила на свекрови тем, что не убрала со стола.

Нам обеим все было понятно. Жамал извлекла из своей сумочки зеркало и всмотрелась в него. Вытерла на лице разводы и произнесла:

— Вы прекрасная женщина во всех смыслах...

Мне стало очень жалко эту девушку. Ее надежды не оправдались. Она была сильно обманута моим мужем..

Когда мы вышли на улицу, она сказала мне о том, что два дня назад разговаривала с Мукадесом по телефону, но он ничего не сказал ей о том, что уезжает в командировку.

Я не стала копать глубже. На остановке мы разошлись и пошли каждой своей дорогой. Даже и не знала, как с ней прощаться. Но все же проявила учтивость и сказала ей:

— Ну, что же, Жамал, дом ты теперь знаешь, будешь в городе — заходи. Но я точно знала, что больше ее не увижу.

Она промолчала. Взмахнула на прощание рукой и промолвила «будьте здоровы».

Вечером вернувшись с работы, я увидела что на свекрови «нет лица». Как обычно накормив ребенка молоком, я вложила его ей в руки.

Свекровь стала расспрашивать:

— Ты эту женщину сегодня так хорошо приняла, на работу из-за нееопоздала. Чего она плакала?

Тут-то я и выплеснула наружу все, что накопилось у меня внутри.

— Мама, не делайте вид что Вы ее не знаете. Ваш сын, оказывается, неоднократно приводил ее домой. В командировку в Казалы, сами знаете — чутьли не через день мотается, рыбу разную Вам привозит. За моей спиной вторую невестку завели, да еще и у меня про нее спрашиваете... Лучше Вы мне ответьте, что я тут вообще делаю?.. — от злости мой голос прозвучал на повышенных тонах.

На лице свекрови отразился испуг. Наверное у нее с обеда сердце было не на месте. Моя свекровь, обычно разговаривающая со мной приказным тоном, вдруг стала беспомощной, голос ее задрожал.

— Милая моя, ты же не глупая, выслушай меня... Он, оказывается, приводил ее в этот дом в мое отсутствие... Когда ты в Алматы была, я об этом от других узнала... Конечно я сильно отругала Мукадеса, узнав об этом... Если бы он при мне привел, то я не допустила бы такого, ты же меня знаешь... Когда я увидела ее сегодня, то у меня от мыслей, что это она, аж сердце разболелось...

На следующий день из Караганды вернулся мой муж. Я ходила хмурая. Свекровь робко поглядывала на меня. Мне стало жалко ее. Наверное думала, что невестка поднимет крик. А что мне кричать?.. Как могла, держала себя в руках. Как только мы остались наедине, я завела разговор:

— Какая-то девушка по имени Жамал домой звонила, — сказала я и стала наблюдать за его реакцией.

На его лице даже мускул не дрогнул.

— А, Жамал, что ли?.. понятно.. помнишь, я говорил тебе, что у моего друга с которым мы вместе учились есть сестренка. Так вот, это она и есть...

— ??..

— Она не сказала тебе, зачем меня искала? Ее брат говорил, что она собирается сюда... Так, она значит приехала? Надо было ее с поезда встретить.

Жаль, что я в командировку уехал... Когда она звонила?

— Да ты не беспокойся. Жамал нашла наш дом. При чем тут Актобе... Жамал из Казалы... откуда ты возишь разную: такую, сякую — вкусную рыбку... Поговорили мы с Жамал... познакомились. Теперь и ей, и мне все прекрасно понятно...

Это был первый раз, когда мой муж вот так попался.

Потом были и другие разы. Но о них рассказывать не интересно. Самое интересное заключается в том, что каждый раз, когда я его поддавливала, он оправдываясь, говорил:

— Да ладно, ну хватит... Я же не ухожу от тебя, как некоторые мужья уходят от жен... Вот он я, перед тобой... Пойдем-ка лучше в магазин. Купишь себе, что душа пожелает.

И как бы я не злилась, от такого предложения отказаться не могла и сразу его принимала. Откуда только у него деньги берутся? Это, конечно, знает он сам. Вообще, он тайком от меня собирает деньги (их-то он и тратит на любовниц). Я соглашаюсь с его предложением, иду в самый дорогой магазин или торговый дом, и не задумываясь о деньгах и ценах, покупаю все, чего только моя душа пожелает. А он ходит рядом со мной, и в ус не дует, и даже не возмущается, что беру очень дорогие вещи. Вот так я обновляю свой гардероб до следующего раза.

В принципе моя жизнь хорошо устроилась параллельно с любовницами моего мужа.

Я к ним отношусь с уважением, с учтивостью. Пусть некоторые из них и не достойны похвалы, но я их все равно похваляю.

КОКТОБЕТ

Пес Коктобет был голоден. Он уже и не помнит, когда он отведывал что-то мясное или же пробовал на зуб косточку. Собачья миска, которая находилась перед ним, теперь иссыхая, пустовала неделями. Если раньше хоть перепадал заплесневелый черствый кусок черного хлеба, теперь и того нет. Сейчас миска полна дождевой воды. Кажется, хозяева дома забыли о его существовании. Возможно и потому, Коктобет, у которого сплющились бока, сегодня был особенно злым. С каждым хлопком двери он рычал, издавая звуки «Р-р! Аф!» — оцетинивался и царапал когтями землю. Глаза его были красными, он высунув язык, скалил зубы. Злость накопившаяся у него груди, была равна черному котлу. Если бы его голову освободили на миг от цепей, кажется, он истребил бы все вокруг.

Вон, скрипнула дверь и вышел его хозяин в черном головном уборе. Он даже

не повернул голову в сторону Коктобета, который лаял перед воротами забора, чуть не вырывая длинную цепь. С полным ведром фуража прошел в сторону скотного двора. Коктобет знает, там вчера отелилась единственная корова. Вот он и носится с этой коровой. Бедный Коктобет, куда ему, разве он сравнится с дойной коровой, нет ни кому до него дела.

Раньше двор был полон скота. Были лошади с жеребятами, коровы с телятами, овцы и козы, ягнята и козлята — и все они поднимали целый гвалт своими бляением и мычанием. Даже курицы, следовавшими за ними чирикающими цыплятами, бегали наперегонки с друг другом. цыплята гонялись за мошками или же залезали на спину Коктобета и щекотали его. В дом приходило много гостей. Над земляным очагом чуть ли не каждый день варилось в казане мясо. А как оно пахло! Перед ним лежали части опаленной головы, голени, жирные кости огузка, берцовой кости, к которым он даже не притрагивался. Сам он пас целый загон скота, и потому его прозвали Коктобет. («коктобет» смысловой перевод — сторожевой пес голубых кровей). Все гости вновь и вновь звали его «Коктобет! Коктобет!», восхвалявая его облик, внешний вид, позорливость, ум, его верную службу хозяевам.

На ночь его освобождали от цепей. Тогда и он наведывался куда ему надо, возвращался, наладившись ласками соседских сучек, которые не давали ему покоя, скуля за забором. За этим домом, не то что чужие люди пройти, даже скворцы на забор садиться не осмеливались. Коктобет, довольный своей жизнью, служил верой и правдой хозяину.

А теперь? Кажется, из этого дома ушли достаток и изобилие. И Коктобет лишился бывшего счастья. С каждым годом скудел скотный двор и в конце концов, осталась та единственная корова. И гостей

теперь не видно. И огонь над земляным очагом не горел как прежде, не ставился черный казан на треногу. И хозяин, кажется, охладел к нему. Возможно, потому и пуста его миска. Коктобет вспоминал свое сытое время. Его нынешняя служба, кажется, никому не нужна. И что получается, он зря, что ли, трудился столько лет, а?

Коктобет полаял-полаял, и прекратил свой лай. Кажется, его злоба никого не волнует. Увы, никто не подходит к нему. Иначе, пусть даже был бы сам хозяин, он был готов разорвать на куски любого, кто подойдет близко.

Стемнело. Из окон виднелся тусклый свет. Собачья миска до сих пор пустая. Он уже потерял всякую надежду на еду. Желудок выл. Коктобет вытянул ноги перед конурой, уткнулся носом в землю и успокоился. Под утро перед забором показался силуэт двоих. Все спят спокойным сном, что они-то тут делают? Один из них произнес приятным голосом «Коктобет».

Не успел он подумать «Кто же это меня знает, интересно?», как тут же перед ним бухнулся на землю теплый большой кусок жирной берцовой кости. Эх, а запах-то какой! Коктобет с жадностью накинулся на кость. Один из двоих, потихоньку открыв дверь забора, приговаривая «Ешь, Коктобет, ешь», опять кинул большой кусок целого мяса. О-о, когда он ел такой большой кусок мяса, и не припомнит... Пес все проглатывал и проглатывал. Коктобет не мог оторваться от еды до тех пор, пока один из двоих не вывел во двор на поводу корову с телятком. Собака поняла, что это воры. Но Коктобет намеренно не стал лаять. Он со злобой подумал, что зря хозяин морил его голодом! Облизал кости и зашел в свою конуру.

Утром во дворе поднялся галдеж. Собралась толпа людей. Хозяин был злым. В руках у него была пестрая плеть. И он начал им хлестать Коктобета по голове.

— Старый хрыч! Предатель! Вчера же только целый день не умолкал. Почему же заткнулся ночью?! — У Коктобета из глаз посыпались искры. Тело горела от следов побоя. Он тоже стал зло лаять на хозяина.

— Убью тебя, сейчас же убью! — сморщенный хозяин в черном колпаке хлестал его по бокам, по спине.

— Эй, Кадыр, прекрати! Собака — одна из семи сокровищ. Не бери грех на душу, не причиняй ему зло. Твой пес давно уже голодный, не заметил, что ли?! Как можешь ждать добра от голодного пса?! Сейчас не только собака, даже человек продаст, если набить ему брюхо. Не бей! Освободи, нечего держать его в цепи в пустом дворе. Не причиняй ему страдания, — произнес кто-то властным голосом.

— Ничего не осталось в скотном дворе! Единственную корову с телянком украли. Ничего не осталось! Старый хрыч! Сгинь! Пошел вон! — свирепствовал хозяин, освобождая его от цепей. Слезы градом текли у него из глаз. Коктобет только этого и ждал. Не задерживаясь ни на миг, помчался, куда глаза глядят.



ЗЛАЯ БАБА – КОККАТЫН

Этот пятиэтажный дом, построенный из узорчатого витого красного кирпича знают все. Он отличается от других домов, его внутренний двор совершенно иной. Складывается ощущение, что здесь имеется свой, особый садовод. Здесь растут и высокий дуб, и прямой тополь, и белая береза, и сосна. Перед каждым подъездом различные душистые цветы. Такие цветы, как здесь, трудно найти даже в парках отдыха. Вокруг расставлены скамейки для отдыха людей. В середине плодоносного сада широкое поле для игр детей, большая лавочка для игры в шахматы и шашки. Летом здесь можно увидеть людей, которые по двое-трое прогуливаются вокруг плодоносного сада, поддерживая теплую беседу. Случайные машины тоже не заезжают во двор. Не допускается, чтобы без необходимости машины подъезжали к дверям. Весь этот порядок и чистоту установил один единственный человек, он

все и контролирует. Это не КСК, и не полиция. Это — Коккатын, что можно перевести как «злая баба» или «синяя баба».

Так ее прозвали люди. Да и сама она привыкла к данному людьми прозвищу. Если дети играющие во дворе, хотят пожаловаться друг на друга, они не идут к родителям, а сразу бегут к Коккатын.

— Коккатын апа, скажите Ермеку, он мой мяч забрал.

— А он сам первый залез на качелю без очереди и не уступает...

Она терпеливо выслушивает все жалобы и обиды, ведет беседы с нашалившими детьми, общается с их родителями, делает предупреждения, если надо, может и за ухо подергать и заставить прощение просить. Все это она воспринимает как почетную миссию, подобные дела ее вдохновляют. С наступлением весны она поднимает на ноги всех без исключения жильцов двух подъездов, привлекает их к уборке территории, покраске скамеек, посадке цветов, разрыхлению почвы под деревьями и побелке стволов. Вот тогда и приходится всем терпеть шум гам и суматоху ее организаторских дел. Она не успокоится, пока не выйдет каждый человек из каждой семьи для участия во всем этом. Попробуй только не принять участие в подобном мероприятии. Влетит по полной катушке. Она и накричит, и пристыдит и перечислит перед всеми все твои недостатки. Например, Мадине, девушке живущей в одиночестве она говорила:

— Мадина, милая, куда ты проходишь мимо, красивая такая, цокая своими каблуками? Видишь, мы тут цветы сажаем. А тебе не надоело еще каждый день спать с разными мужчинами?

Мадина старается возмутиться, спорить, повысить тон голоса, ругаться. Куда там ей... Бесполезно. Одолеть Коккатын невозможно. Она может еще и похлеще выставить пороки на всеобщее обозрение. Счет 1: 0. Силы неравны.

Теперь то Коккатын точно не подпустит к дому машины, приезжающие к ней. С третьего захода Мадине не остается ничего другого, как выйти вместе со всеми во двор и поливать цветы, или подметать поле. Пока не выполнишь, Коккатын покоя не даст. Девушки и юноши в этом доме тоже осторожные и дисциплинированные. В неурочное время музыку не ставят, не смеются громко. Нет у них желания лишней раз подвергнуться неумемному окрику Коккатын.

Иногда соседи поговаривают:

— Отправить бы Коккатын на всемирный конкурс битвы женщин по ругани, она бы точно победила всех и вернулась с золотой медалью на груди. Жаль, здесь с ней никто не сравнится. А то, можно было бы устроить соревнования.

— О-о-о, нет.., она непобедимая. Давно это было, сразила она скандальную русскую бабу по имени Нина. Ругались, ругались, и в конце Коккатын по-казахски сказала ей «Э-э-эй, ссала я тебе в рот». Та расстерялась «Что, что.., не понимаю, что говоришь», на том и замолкла.

— Коккатын же мастерски владеет искусством ругани и по-казахски, и по-русски, и по-татарски... Главное, никогда же не ошибется в словах и не собьется. И голос не хрипнет, никогда не теряется. Любым способом покорит себе противника, таких как она еще поискать надо.., — говорит другой сосед.

Один из тех людей, кто часто попадаетея ей на закуску — Кали. У бедняги мастеровитые руки. Зарабатывает ремонтом холодильников, телевизоров и другой домашней техники. Одним словом «калымит». Коккатын если увидит, что он идет пошатываясь и выпившим, тут же начинает укорять.

— Бестолочь! Это вот так то ты, пьяным, хочешь прокормить семерых своих детей?! Лучше бы прибыль свою носил домой?

Тот что-то начинает бормотать в ответ, желая оправдаться.

— Э-э-эй, Кали! Ты еще в этом месяце за газ не оплатил. Может из-за тебя весь дом без газа сидеть должен. Давай, выворачивай карманы, что там у тебя осталось от выпивки, — затыкает его она.

Кто оплатил коммунальные услуги в этом пятиэтажном доме, кто не оплатил — весь список тоже в кармане Коккатын. Одним словом, люди не любят Коккатын. Но ее требования выполнять приходится всем без исключения. С началом весны в этом году так же почистили двор, побелили стволы деревьев, посадили цветы. Как обычно после зимы, все вокруг дома обновилось. Однако, в последние дни Коккатын не видно, и голоса ее не слышно.

— Что-то Коккатын не видно. Не заболела ли?

— Она недавно говорила, что даление стало повышаться, — сказала одна из соседок.

— Она в больнице. Ее инсульт стукнул. Говорить не может. Кажется, не выживет. Говорят, что уже сообщили дочке, которая вышла замуж за русского в Россию...

— О Боже, бедняжка...

Соседи организованно проведдали ее в больнице. Не разговаривает. Врач просил ее не беспокоить. К слову, когда пошли в больницу, оказывается, ни кто из соседей не смог назвать ни имя ее настоящее, ни фамилию. Коккатын и Коккатын. Кое-как нашли. Оказалось, что у нее прекрасное имя. Ханшайым. Фамилия Калиева, отчество Калкаманкызы. В свое время, оказывается, работала секретарем Комитета народного контроля. Замужем никогда не была. В браке не состояла. Родственников, кроме дочери, живущей в России, тоже нет.

Дни ее оказались сочтенными. Коккатын не поправилась от болезни, также не говоря ни слова, ушла в мир иной. Жители кирпичного дома, которые злословили за глаза, все от мала до велика

плакали на ее похоронах. Все, как один, дружно и организованно обслуживали мероприятия по ее похоронам, достойно проводили ее в последний путь. Дочь, приехавшая из России, оказалась совсем иной, не похожей на Коккатын, доброй и миловидной. Было видно, что она человек образованный. Муж оказался ей под стать. Тоже радушный. Людям понравилось, как он проявлял искреннее радушие и услужливость. Дочь долго плакала, обняв растущие во дворе березы и сосны. Вспоминала мать, какой она была при жизни.

— Мама не ленилась ругаться с соседями из-за этих деревьев, — плакала она, вздрагивая, — она мечтала превратить все вокруг дома в благоухающий, прекрасный сад.

Все соседи, поддакивая, кивали головами.

Коккатын, перед смертью оставила дочери наставление в виде письма. «Света, не знаю, увижу тебя или нет. Не обессудь, что наследство от матери не осталось, да ты же живешь не плохо. Я свою квартиру хочу оставить Нурлану — старшему сыну Нурилы из 47 квартиры, которая тридцать лет терпела мой скверный характер. Вы же вместе росли. Все остальное твое». Соседи, не ожидавшие такого поступка от Коккатын, были сильно поражены ее благородством и выражали слова благодарности. Все снова всплакнули. Света справив семь дней матери, уехала обратно в Россию. Перед отъездом она снова обнимала каждое дерево во дворе и напоследок сказала соседям «это память о моей матери, надеюсь что вы присмотрите за каждым деревцем»...

...Не прошло и месяца, как тот самый дом из красного кирпича изменился до не узнаваемости. Красивые цветы из палисадника были ободраны, словно общипанные курицы. Изгородь, которой был огорожен палисадник, была разобрана и раскидана тут же. Два алкаша с бутылками сидели на лавке для шахматов и шашек. Рядом лежали

разбросанные клочья бумаги. Один мальчик забравшись на сосну, рвал ее листья и кидал на землю. Никто его не одергивал. А кто-то вывесил на ветках белой березы под окнами детские пеленки. Из окна второго этажа, где жила Коккатын, были слышны голоса и смех молодежи.

— Эй, беспутный! А ну-ка, слез с тополя! Была бы Коккатын, всем бы вам показала... Что это вы такое творите, заняться больше нечем, кроме как обдирать дерево, о-о-х?... — заохала Нурила апай из 47 квартиры глядя вверх и осела прямо на землю.

Она возвращалась из магазина. «Наверное, скоро и имя Коккатын забудется» подумала она. Разве найдутся продолжители ее дела? Кажется, люди только теперь начали понимать, почему Ханшайым Калкаманкызы дали прозвище «Коккатын» — злая баба. Значит, для защиты природы, зелени и порядка нужна все-таки такая вот «Коккатын». Люди, вспоминая, рассуждали:

— Ее называли скандальной, шумной, а ведь все за что она боролась — порядок и красота. Сильно почувствовалось отсутствие Ханшайым Калкаманкызы, не было ей замены. Вон, еле волочит ноги Кали, но его никто не ругает. Потому как этот дом из красного кирпича, кажется, в самом деле потерял свою душу.



ЖАМАНШАЛ

Крохотная комната общежития — это семилетнее пристанище Жаманшала. Главное добро одинокого старика в комнате это — железная кровать. На кровати лежит старое одеяло, вата в котором мятыми комками закатились в его углы. Тут же и подушка, тверже камня. Не понятно, чем набивали ее в свое время. Одеяло накрыто серым чекменем, который служит покрывалом. В нижней части кровати лежит черная куртка. Под кроватью лежал запылившийся черный чемодан. У него отсутствовал замок, пазы были разохшимися и не закрывались. В этот чемодан вместились вся жизнь Жаманшала. В нем и удостоверение личности, старый военный и комсомольский билеты, билет коммунистической партии, профсоюзный билет, всякие чеки об уплате различных взносов, различные ордена и медали, грамоты и благодарственные письма, которые он получал, когда работал

стрелочником на железной дороге, квитанции об уплате коммунальных услуг за тридцать-сорок лет, фото, где он в добром расположении духа заснял за столом со своей старухой, которая ушла в мир иной двадцать лет тому назад, школьное фото единственного сына, который в двадцать пять был безвинно осужден и скончался в тюрьме, и другие документы, связанные в узелок. Жаманшал может сидеть целыми днями, перебирая этот черный чемодан, где каждая бумага может рассказать свою историю.

Следующее его добро расположено ниже, это старый кухонный стол. На нем две-три тарелки, три-четыре алюминиевых ложек и черный закопченный чайник. Из еды половина черствой лепешки и клубничное варенье в банке, которое за последние несколько дней, словно клей, прилипло на бока посуды, куда даже не заглянут тараканы. На второй половине стола стоит старая электрическая плитка с залатанным резиновым проводом, отключенным от источника.

Сегодня Жаманшал с кровати не поднимался. Невозможно было определить и время суток. Рама окна была покрыта толстым инеем. Зеленые, словно портянки, шторы, которыми были прикрыты окна, еще больше затемняли комнату. Он значительно обессилел от утреннего кашля. Старец, уставший от давящего и изнуряющего кашля, вследствие которого свистела и пищала грудь и вздувались вены, только теперь начал дышать более спокойно и равномерно.

Не зря говорят, что «из жиен — внука по женской линии — не будет своего человека». Хотя и воспитывал с пеленок своего внука — сына своей дочери, тот вырос черствым и бездушным. Двухкомнатную квартиру, которую Жаманшал получил на работе в железной дороге, внук заставил продать за свой «косяк» и он остался на улице без крыши над головой. Год жил у дочери. Ее глуповатому мужу, любящему выпить.

старик пришелся не ко двору, он давал это понять, постоянно поднимая бучу и сквернословя. Уважающие его бывшие заслугие бывшие коллеги помогли ему получить эту комнату в общежитие и перевезли его сюда. В свое время старик был здоровенным широкоплечым мужчиной крепкого сложения. Даже после выхода на пенсию, он продолжил работу. Этому поспособствовали коллеги.

— Аксакал, — сказали они, — что ты целыми днями будешь сидеть дома, давай, будешь уборщиком привокзальной площади.

Он согласился. Проходили дни. И вот однажды его одновременно настигли удача и беда.

... Он рано утром вышел с ночного дежурства и проходя мимо большого вращающегося сидения, решил убрать разбросанные возле него бумаги и бутылки. В нижней боковой части сидения увидел лежащий там пакет. Когда взглянул в пакет, то увидел, что он полон сигаретных коробок.

— Вот непутевые! Видимо, какие-то коллекционеры красивых дорогих коробок оставили, — сказал он и заглянув к коробку, увидел, что внутри очень много денег. Жаманшала стала бить дрожь. Ему казалось, что сейчас кто-то закричит «Эй, негодяй, зачем ты это трогаешь?!». Открыл вторую коробку, и там деньги, и в третьей, и в четвертой... и в двадцатой такая же картина.

«Хм, кто-то решил взять деньги в дорогу так, чтобы было незаметно и забыл перед приходом поезда. Возможно, это был бизнесмен. Или кто-то торгующий на рынке. Нет, отнесу я все это начальнику вокзала. Тот кто потерял деньги, наверняка вернется». Жаманшал повернул обратно. Начальник вокзала, оказывается, еще не пришел. Он не двигаясь с места, ждал около двух часов. Наконец-то тот пришел.

— Почему здесь сидите, аксакал? — приветливо поздоровался молодой начальник, и сказал секретарше:

— Пригласи быстренько плановика.

— Сынок, я зайду на минутку, жду тебя, — произнес Жаманшал не переступая через порог.

— Заходите.

— Можно закрою дверь, — сказал Жаманшал.

— Нет, можете говорить, не закрывая.

— Я принес этот пакет. Он полон денег. Размещены в сигаретных коробках. Кажется, кто-то забыл.

Старик стал вытаскивать одну из коробок.

— Вы шутите?

— Нет, говорю правду. Вот... Вот, вторая.

Молодой джигит улыбнулся, прошел к стулу, посмотрел коробки, которые принес старик, и вдруг спросил:

— Аксакал, как Ваша фамилия?

— Я Каржаубаев. Работаю дворником на привокзальной площади. В тот раз приходил же к тебе подписывать документы.

— А..., понял, Знаю. Да, агай, Вы совершили настоящий гражданский поступок. Даже трудно в это поверить. Таких людей, как Вы, сейчас нет, очень редко встречаются. Вы оставьте мне пакет. Я, конечно, найду хозяина. Дадим объявление, порасспрашиваем. А Вам к зарплате добавим премию. За гражданскую позицию, за честность. Только хочу предупредить. Хозяина денег мы найдем сами. Вы никому не говорите, что деньги дали мне. Подумают, что мы с Вами поделили крупную сумму. Это будет пятном на моей чести. Вы, к тому же, одинокий человек. Могут покушаться на Вашу жизнь. Договорились?

Жаманшал кивнул.

После этого случая Жаманшал несколько раз ходил к начальнику вокзала. Хотел узнать, нашелся ли хозяин денег, вернули ли ему деньги. Где уж там! Ни разу не услышал от секретарши, что «начальник здесь» или «сейчас будет». В скором

времени сменился начальник, пришел новый человек. Жаманшала одолевали сомнения. Он думал «Как же так, вроде лицо у него было доброе, казался порядочным. Неужели забрал себе... »

Когда дочь впервые услышала эту новость от отца, она стала голосить, будто кто-то умер.

— Ой-бай, отец, что же ты наделал? То ли сгореть мне или спечься, а? Что же ты хотя бы не пожалел дочку, у которых долгов по уши? Внук вон, непонятно где болтается... Сам ты вот, сидишь в крохотной комнатке, один-одинешенек... Почему же ты данное Богом добро своими же руками развеял по-ветру, а, отец?

На ее ревуший голос собрались жильцы общежития и стали расспрашивать их о причине такого шума.

Не прошло и двух-трех дней, как появился вдрызг пьяный внук, и до полусмерти избил Жаманшала. Затем, накричав напоследок:

— Бестолочь ты, старый хрыч! Ни о ком не думаешь! Умрешь, останешься непогребенным! Никто теперь не переступит твой порог, не откроет твою дверь! — закрыл его на замок.

Вот после этих побоев и лежал Жаманшал, без сил подняться с места.

В один из дней техничка общежития прошла по жителям.

— Старик этот никогда не закрывал дверь: ни днем, ни ночью. Что-то давно его не видно. Дверь его закрыта на замок снаружи. Может быть что случилось? Может быть стоит открыть дверь и посмотреть?

Когда люди разбив топором, открыли дверь, увидели, что Жаманшал ушел в иной мир и съевшись, спит вечным сном.

Вправду, оказывается, говорят, что «у каждого усопшего своя доля». Несмотря на холодные зимние морозы, собравшихся проводить Жаманшала в последний путь и оказавших денежную помощь было очень много. После похорон в ближайшей столовой

дали поминальный обед. Читали намаз. В это самое время подъехала машина, из которой вышел хорошо одетый молодой человек, подошел к людям, совершающим молитву и представился.

— Я, человек, который не сумел выполнить данное мне поручение старца Каржаубаева. Так и так, год тому назад, он нашел на привокзальной площади пакет денег и вручил их мне. По нынешним деньгам это триста тысяч. Он поручал мне найти хозяина. Хозяин денег не нашелся. Исчез бесследно. Мне же не удалось вновь встретиться с аксакалом, так как был переведен по работе в другую область. Вот теперь привез ему эти деньги и слышу, что он ушел из жизни. Не хочу, чтобы это висело камнем у меня на шее, — с этими словами он вытащил из нагрудного кармана пачку долларов.

Собравшиеся на молитву люди были удивлены случившимся.

— Это и называется, встретились порядочные люди!

— Настоящий мужчина!

— Джигит!

— Это равно тому, что воскрес сын Жаманшала.

— Надо же, бывает же такое! А мог бы и не вернуть...?

Люди решили на эти деньги воздвигнуть мазар над его могилой.

Спустя некоторое время на краю мусульманского кладбища был воздвигнут мазар из белого блестящего мрамора, на макушку которого был установлен полумесяц. На камне было выбиты данные усопшего. Хотя Жаманшал при жизни был человеком не заметным, после его кончины, людей, знющих его имя, стало больше. Никто не проходил мимо мазара, не спросив «Чья же это гробница?». Людей, совершающих молитву здесь, тоже бывает много. Все это еще раз доказывает, что честность непременно оставит свой след. Об этой истории можешь спросить у людей, которые ее знают, расскажут, словно легенду.

БРАК АЙСАРЫ

Всем аулом собрались на свадьбу Айсары. Жених, то ли хотел разгладить то, что он старше невесты на тридцать лет, то ли такой щедрый, как бы там ни было, все расходы по празднованию свадьбы он взял на себя. Вся голытьба аула, еле сводившая концы с концами, единственным источником дохода для поддержания существования которой была пенсия, и где люди были готовы украсть мясо последней козы друг у друга, были несказанно рады этому событию, чтобы до отвала набить себе брюхо.

«Что там не говори, Айсара нашла свое место в жизни, девушка, которая вышла за такого человека и счастье свое может купить за деньги» говорили в ауле. Жених, который выполнил все требования, которые полагаются по обычаю, такие как, подарки жениха родственницам невесты при первом знакомстве в виде отрезков ткани, гостинцы, приносимые на свадебные торжества, выкуп

за «умершую старуху», выкуп за «сломанную ногу брата невесты» и многие другие, присутствующим уже не казался немолодым. Он тоже стал забывать, что приходится зятем этому аулу, захмелев, начал размахивать руками и не замечал, что говорит с присутствующими приказным тоном. Жених, будто никогда раньше не видел подобных праздников, глупо склабился, рот его не закрывался, он не умолкая, говорил о чем то.

Одна из женщин, присутствующих на свадьбе, чуть ли не пуская слюни, произнесла:

— Э-э-х, какая же Айсара счастливая!

— Тогда ты тоже выходи за такого богатого депутата, пока еще пригожая, — грубо сказал ей охмелевший муж, — не зря говорят, что женщины дьяволицы. У тебя слюни текут по этому чесоточному жениху.

— Да прекрати болтать ерунду перед людьми на празднике. И без того устала за целый день, пока таскала товары с рынка...

— Перестаньте ругаться на празднике, — сказала сидевшая рядом женщина. — Айсара умница. Она же засиделась в девках. К тому же и библиотека, где работала, закрылась, и она ведь осталась без работы?! Уехать тоже не смогла далеко из аула из-за старой матери и глухого брата. Обдумав все, видимо, и приняла подобное решение. Если только не из-за богатства его, то по внешним его данным, я бы не захотела выходить за него замуж...

— Вы знаете, у старого зятя, оказывается, есть дома и в Астане и в Алматы. Он, говорят, друг того самого... проныры Бисеке, который был избран депутатом из нашей области.

— Ну ладно... Девочка наша, оказывается, сказала акиму нашего аула, который был посредником между ней и женихом: «Я не в том положении, чтобы выбирать женихов. Кем бы он ни был, пусть справит свадьбу в ауле и заберет

меня. Хочу родить ребенка в браке, чтобы люди не говорили «родила дома», и сразу, говорят, согласилась с их предложением.

Пока они тут обсуждали жениха и невесту, другие гости весело развлекались, слушая шутки-прибаутки, приехавших из города тамады и певца. Люди и не заметили, что более половины свадьбы уже прошла, и уже начало рассветать. То ли это был последний тост или хотела сказать заключительное слово, микрофон взяла мать невесты, Куляйша, заслуженный учитель, которая в свое время преподавала в сельской школе. Тонкие ее пальцы тряслись от волнения:

— Дорогой зять, — обратилась она к узкоглазому, толстогубому, с корявым лицом и велечиной с кулак, торчащим кадыком, который не мог скрыть даже воротник белой рубашки, зятю, который сидел во главе застолья, закручивая усы. — Как я скрою, того, что видят все. Видимо, Богу было угодно поподнить нас. Думаю, это веление судьбы и времени. Сегодня ты здесь делаешь свадьбу. Но не забывай про свою байбише — законную жену, детей, рожденных ею. Я не хочу, чтобы мою дочь постигло проклятие! — она платком вытерла слезы.

— Ой, апай, что Вы такое говорите, зачем же так...

— Все согласовано, все решено. Сейчас Парламент готовит проект Закона, который разрешит иметь две жены. Туреке сам участвует в законотворческой деятельности. Айсара знает об этом... — заступился за зятя аким аула, который был дружкой на свадьбе.

Перед рассветом небольшая группа односельчан, состоящая из родственников, женщин и детей, проводил Айсару из дома.

Старый жених, сажавший Айсару в один из черных мерседесов, приехавших из города, поддерживая ее под руку, произнес властным тоном:

— Я сказал депутатам «Вы женитесь подпольно, скрываете своих жен. Если я буду жениться, оповещу об этом весь мир, женюсь открыто, я докажу это». Вот, лунолика Айсара теперь рядом со мно-о-й... В молодости я не встретил ее...а-а-а... — Он запел.

— Слава Всевышнему, в достатке всего—о-о, Счастье и слава рядом всегда-а-а.. Я же депутат. Вот и выполнил свое обещание. Как приедем, сразу в мечети Астаны сделаем обряд некие с Айсарой. По-мусульмански... Я всегда выполняю данное слово, люди... У нас же и раньше был такой менталитет, а? Ухх... ихх... х... их... Те кто завидуют, говорят «Если казах разбогатеет, еще раз женится». Надо умножать потомство, надо... И-и-их. — У пьяного жениха сперло дыхание и он начал икать.

Если бы и дальше продолжил говорить, то возможно случилось бы не очень приятное зрелище, но дверь машины захлопулась и машина умчалась вдаль.

... Не прошло и года, Айсара вернулась в аул. Сразу же открыла закрытую на замок библиотеку. Наняла хромого Амзекула из аула, провела внутренние ремонтные работы и выставила новые книги. Тут же в библиотеке собрались учителя — представители местной интеллигенции, которых интересовали необходимые для школьников учебники. Но учебных пособий среди вновь поступившей литературы не было. Одни толстые многотомники в хороших переплетах. Все авторы новых книг — сплошные депутаты. Среди них книга и старого зятя «Моя любимая Айсара и свадьба в ауле».

— Оу, Айсара, зять наш молодец, и года еще нет, а он и книгу о тебе написал, оказывается. Давайте, посмотрим, что он там пишет, — тут же взялись женщины за книгу.

Когда открыли книгу, там увидели фотографию зятя. На фотографии корявости лица не было видно, наоборот, лицо его блестело, словно он питался одним жиром.

Айсара никому ничего не сказала, все время крутилась в библиотеке. Впоследствии люди говорили «Бедняжка, оказывается, беременна». Старый зять больше не показывался в ауле.



АКЖУНИС

Всевышний не поскупился на ее красоте, дал ей сполна. По плечам струятся черные густые волнистые волосы, белый широкий лоб, черные, словно смородины, ясные глаза, длинные, стреловидные ресницы, точеный нос, маленький, с наперсток ротик, светлое лицо, лебединая шея — вся эта естественная гармоничная красота невольно притягивала взор. И сама девушка, которая знала о своей необычной красоте, росла щеголихой. Ей даже шло то, как она с некоторым высокомерием смотрела на окружающих. Юноши, словно бабочки, слетающиеся на мед, под разными предлогами крутились возле нее. На этих парней, которые учились с ней в одной школе, в одном классе, она смотрела свысока, с пренебрежением. С нарочитой улыбкой, из-под ресниц взглянет на них, похлопает своими длинными ресницами, чуть приподнимет дугообразные брови, и пройдет мимо.

Родители ее не могли нарадоваться, что дочка растет стройной, словно белая береза, красавицей. Мать, которой дочь внешне напоминала ее молодые годы, между делом, занимаясь домашними делами, стала ненавязчиво говорить ей о хрупкости женского счастья, предостерегать от необдуманных поступков, приводила разные примеры из жизни. Обычно, Акжунис молча слушала такие разговоры чтобы не обидеть мать, но мысли ее были далеко, в мечтах она уносилась в заоблачные дали.

Мыли были далеко, потому как запросы у нее были очень высокими. Ее угнетало, что уровень их жизни совершенно не соответствует ее желаниям. Акжунис огорчалась, что она, с ее внешностью, вынуждена носить простую обычную одежду, особенно когда она видела как красиво одеваются девушки из некоторых семей. Убогий быт, небольшая зарплата отца, которой не хватало на нужды ее многочисленных братьев и сестер, понимание того, что она ни сегодня, ни завтра, ни в последующие дни не сможет одеваться красиво, все это не давало ее душе покоя. Видя затруднительное положение семьи, понимая, что «короткую нитку не завязать узелком», то есть, нехватка не дает развернуться, девушка вздыхая, молча мирилась с подобным положением вещей. Не раз она сетовала на судьбу, которая не дала ее семье достойного уровня жизни и достатка, что богатство для них недостижимая мечта. Ее одолевали свойственные женщинам мысли, она часто думала «Э-э-х, если бы у меня была такая же одежда, как у той девочки, я бы выглядела еще краше, и что бы, интересно, тогда делали все эти парни, которые крутятся вокруг меня?!».

В один прекрасный день одноклассница пригласила девочек из класса на свой день рождения. Потанцевали, попили немного вина. Девочки стали делиться секретами и сокровенными мечтами, говорили о будущем. Зашел разговор о том, где каждая из них будет через четыре-пять лет. Кто-то мечтал

учиться в Астане, кто-то из девочек обмолвилась, что можно жить и будучи официантом в ресторане. А Айнаш открыто заявила:

Я буду любовницей богатого мужчины или же высокопоставленного чиновника. Знаете, девочки, таким образом можно поправить материальное положение, а потом уже выбрать себе в мужа, кого захочешь. Видали мы девушек, получивших высшее образование. Окончишь учебу, а потом большой вопрос — сможешь ли устроиться на работу. Потратишь много денег родителей, выучишься, напрягая мозги, и в итоге, получаешь другую проблему — проблему с трудоустройством. Тут и возраст начинает поджигать, уже двадцать три — двадцать четыре. Почти старая дева. А жизнь тебя не ждет, — говорила она, демонстрируя свою «осведомленность», — э-э-э, если бы у меня была красота Акжунис, я бы сумела воспользоваться ею как следует. Красота женщины — это же ее счастье, — она посмотрела на Акжунис, подошла к ней и обняла ее за плечи. — И фигура у тебя, классная.

Слушавшая все это Акжунис, сама не зная почему, сильно покраснела. Но она не стала принимать участия в дискуссии. В тот вечер вернувшись домой, она долго не могла сомкнуть глаз, одолевали мысли. Как бы не размышляла, будущее виделось туманным. Обучение в институте в этом же городе платное — двести пятьдесят долларов в год! Кто найдет такую сумму денег? Отец получает всего пятнадцать тысяч тенге. Сможет ли поступить на грант, не известно... А если будет работать? Кем? Какую будет носить одежду, отрывая от братьев и сестер? Отец и так работает ночью сторожем, днем на своей работе, вон.., все хуже становится, даже глаза ввалились... Если болеет, пару дней пропьет недорогие таблетки и идет дальше. Мать оптом покупает на центральном рынке понемногу овощи, фрукты, сигареты, семечки и целыми днями стоя на ногах, продает их в углу магазина, расположенного напротив дома. Так,

зарабатывает на повседневную еду. Чтобы иметь побольше доход, и денег в обороте должно быть больше. Сейчас мать копит деньги на платье для выпускного бала Акжунис, поэтому перестала покупать сливочное масло для бутербродов.

Вчера вечером десятилетний Бахтияр спросил:

— Апа, а когда купишь сливочное масло?

— Давайте, подождем когда отец получит зарплату, пока потерпите. Я коплю деньги на платье для выпускного бала Акжунис. Ее подруги, оказывается, уже заказали у портных. Сестра ваша молчит. Про себя переживает, наверное. Думала, пока я живая, она будет не хуже других. Кто знал, что настанут такие тяжелые времена.

— Если сестра Акжунис оденет нарядную одежду, она же с станет в-о-о-т такой красавицей, да? — сказал второй сын, показав большой палец.

Все это слышала Акжунис, которая была на кухне. «Мне надо будет помогать и братьям. Небольшой зарплаты отца не хватит на пятерых детей. Я не буду учиться. Пусть учатся братья. Я должна поставить их на ноги! Судьба, кажется, безжалостна ко мне». Девушка, которая мыла посуду, словно давая себе клятву, сжала в кулак свои длинные красивые пальцы.

В день, когда выпускники школы получили аттестаты зрелости, прошли торжественные мероприятия, они все прощаясь с детством, до утра гуляли вместе. В этот день учителя разговаривали с учащимися на равных, говорили напутственные слова, оказывали всякие почести. Девушки танцевали с парнями, которые им нравились, всплакнули, прощаясь со школой. Юноши говорили девушкам свои сокровенные тайны, признавались в свои чувствах. К Акжунис ни один из девяти парней, учившихся вместе в одном классе, так и не посмел подойти. Будто ее красота связал им языки. Ей очень шло голубоватое нежное струящееся платье, которое сидело на ней как влитое, что она действительно казалась прекрасней райской девы из сказок. Директор школы Абу

Жакенулы, который находился на выпускном вечере, пригласил Акжунис на танец. Он приобняв в танце красивую, нежную, словно лебедь девушку, шепотом спросил:

— Где будешь учиться? Куда пойдешь?

— Никуда я не пойду. Буду искать работу., — сказала девушка, запнувшись.

— Тогда я устрою тебя. Без рекомендации не легко найти работу.

— Спасибо, Абу Жакенович! — вежливо ответила она. «Счастлив тот, кто держит в объятиях эту девушку» подумал директор под хмельком выпитого вина, и в танце сжимал пальцы девушки.

В самом деле, спустя некоторое время Акжунис при помощи директора устроилась секретаршей начальника управления крупной нефтяной фирмы.

— Милая моя девочка, — сказал ей отец, — конечно, было бы хорошо, если бы ты училась. Совсем ты еще юная и уже работаешь. Не люблю я этих, так называемых начальников. Самые настоящие двуличные нечестивцы они. Ну ладно, посмотришь сама. Если вдруг станет оказывать на тебя какое-либо давление с нечистыми намерениями, тогда сразу увольняйся! — предупредил он ее.

— Директор школы Абу Жакенулы, оказывается, помог Акжунис устроиться на работу, — мать ее со своей стороны выражала свою благодарность директору. Отец промолчал. Но не забыл предупредить еще раз.

— Доченька, ты совсем еще молодая. Вся жизнь еще впереди. Смотри, не поддавайся обману. Не забывай, что девушка должна быть гордой! — с этими словами он вышел из дома.

...Первая заработная плата Акжунис оказалась значительно больше средней. Дома справили небольшой праздник. Дастархан был наполнен разными яствами. Особенно были рады младшие братья, лакомясь различными сладостями.

— Ты бы прикупила себе новые вещи, а не тратила все деньги для дома, доченька, на работе.

как говорить, и друзья есть и недруги, деньги-то хоть остались? — спросила мать посмотрев на дочку. Но непонятно почему, казалось, что Акжунис не рада своей первой зарплате. Она, уставившись взглядом в одну точку, произнесла:

— Апа, я вам еще денег дам. Кажется, вы уже давно не ели мясо. Тратьте на продукты, не задумываясь. — сказала она, и вложила в руки матери стопку голубых купюр. — А деньги на вещи у меня есть... — и только успела она это сказать, как возле дома остановилась иномарка. Водитель автомобиля громко спросил у детей игравших во дворе:

— Акжунис здесь живет?

— Здесь, здесь.., позвать? — ответили дети в один голос.

— Я поехала, апа, на работу вызывают, — произнесла дочь, как-то скрывая взор от матери. И вышла быстрыми шагами из дома.

— Разве сегодня не выходной? Припахали молодежь, да? — только и успела сказать мать, а Акжунис уже села в машину и уехала.

С первых дней начальник фирмы, куда Акжунис устроилась на работу, стал говорить ей о том, что влюбился в нее с первого взгляда и если она пожелает, то готов развестись с женой и жениться на ней. Приглашал ее в хороший ресторан. Акжунис отмалчивалась и не давала окончательного ответа. Начальник не сумев сразу же получить от девушки согласия, при каждом удобном случае, когда они оставались в кабинете одни, просил ее подумать о своей просьбе. «Подумай о своем будущем, я помогу тебе поступить на заочное отделение, буду помогать твоим родителям и братьям. Могу прямо сейчас устроить твоего отца на хорошую работу с высокой заработной платой». Сказал даже о том, что для него ничего не стоит купить для нее на выбор хорошую квартиру в доме, строящемся для работников нефтедобывающей фирмы. Он дал время Акжунис подумать и сделать свой выбор. То, что он поднял ее заработную плату

в три раза выше установленной, он пояснил тем, что на самом деле влюблен. «Я буду счастлив, если ты будешь вместе со мной. Ты мое счастье, прилетевшее с небес. И моя долгожданная любовь» — сказал он, и проявляя деликатность и сдерживая чувства, прикоснулся к ее щеке легким поцелуем.

Дархан Асылбекович бы мужчиной переступившим сороколетний рубеж жизни. Статный, поджарый, он держал себя в хорошей физической форме. Благодаря этому, он давал фору многим молодым парням. В его улыбке не чувствовалось фальши. Женскую природу он знал хорошо. Стоило ему с легкой улыбкой взглянуть на девушку, и он уже как на ладони читал все ее тайные мысли. Теперь вот, не прошло и месяца, как он уже стал завлекать Акжунис. «Не торопись, птичка моя, ты еще сама прилетишь поклевать зернышко с моих рук» решил он для себя. Когда Акжунис несколько раз в день приносила ему попить чай, он сжимал ее длинные нежные пальчики и долго не отпуская их, чувствовал смущение девушки, и то, что она не возражает против его ухаживаний.

Сегодня Акжунис покорившись судьбе, ехала на встречу в отдельной даче за городом. По дороге на дачу Акжунис почему-то расчувствовалась и всхлипывая, расплакалась. Увидевший это водитель резко остановил машину.

— Что случилось? Не заболела ли? — беспокоился он. Девушка покачала головой.

Ей вспомнились слова одноклассницы Айнаш «Буду любовницей богатого господина или же высокопоставленного чиновника. Вот так поправлю свое материальное положение».

Акжунис подумала про себя «Нельзя мне возвращаться назад. Не должна позволять братьям думать о куске хлеба с маслом. Заработаю на лечение отца. Он давно болен, просто не показывает нам». Когда до дачи осталось небольшое расстояние, Акжунис взглянула в зеркальце, внимательно посмотрела на свое лицо и пробормотала «Прощай Акжунис, ты жертва своей судьбы».

— Дочь Рысдаулет устроилась на хорошую работу. И зарплата у нее, оказывается, высокая. Теперь она содержит всю семью в достатке, — начали говорить соседи по истечению трех-четырех месяцев.

— Лучше такая вот достойная дочь, чем никчемный сын. У Рысдаулета уже были кожа да кости, смотрите теперь, каков он... Она оплатила лечение отца и поставила его на ноги. Теперь устроила его на легкую работу с хорошей зарплатой. Пропади оно пропадом, лучше, оказывается, рожать дочек в это нелегкое время. Сидят дома четыре здоровенных оболтуса, никакого от них проку: ни заработка, ни работы, и в армию не идут. Не проклянешь, не прогонишь... Вон и Тазагуль, которая раньше продавала всякую мелочь возле магазина, теперь не выходит торговать.

— Да ладно уж, прекращайте делать из этой девчушки покровителя. Все, наверняка, благодаря ее красоте. Говорят, что она любовница своего начальника. Он и за границу, оказывается, возил ее с собой. Вот откуда все изобилие. Я сама видела, как она уезжала на машине. Из-за какой, думаете, такой деловитости молоденькая девушка, которая не имеет образования, работает на таком доходном месте...

— О Боже, прекратите нести всякую чушь, на глазах же выросла девочка?! Не пойдет она на такое. У самих растут девочки, как только язык у вас поворачивается говорить такое?!...

— Поговорю я с Акжунис, может устроит туда моего сына хотя бы разнорабочим, — сказала одна из женщин.

Одно хорошо, что такие пересуды не доходят до Акжунис. Пока только девушка сама знала о своей участи.

Не прошло и года, как Акжунис почувствовала последствия своей «офисной любви». Внутри нее уже зародилась новая жизнь. Что делать, с этим невинным ребенком? Как ей с ним быть? Ее начальник ничего не знал об этой новости. А Акжунис и не хотела

ему ничего говорить. Сможет ли она своими силами вытянуть эту ношу отношений, которые она выбрала для себя своим решением и умом. Этого она тоже не знала. Что скажут отец с матерью о внебрачном ребенке? Сможет ли она сказать им «я пошла на это для того, чтобы улучшить вашу жизнь»? Нет-нет, не сможет. Они ничего не должны знать. Родившегося ребенка она сдаст в детский дом. Она не единственная, кто рождает ребенка и оставляет его в детском доме. Одна из многих. Это и стало ее решением, принятым за долгие дни и бессонные ночи.

Под предлогом поступления на заочное обучение в высшее учебное заведение, Акжунис отпросилась у своего начальника на один месяц. Начальник к просьбе отнесся с пониманием и не стал допытывать ее вопросами о том, что за учеба, в каком она городе, какая специальность и проявлять беспокойство о том, кто будет печатать документы в ее отсутствие, кому поручит наливать чай.

— Смотри, будь осторожна, чтобы кто-нибудь не увел тебя от меня. Как только приедешь, сразу дай мне знать и сообщи номер телефона того места, где остановишься, я буду звонить, — сказал он ей с прежней страстью. Со словами, «это на дорожку», с шелестом вытащил из кармана и положил на стол пачку зеленых купюр, после чего подошел и нежно заключил ее в объятия, утонул губами в нежных локонах и наслаждался запахом волос и шеи девушки, в глазах которой блестели слезы искреннего смущения. То ли он не очень присматривался к ней ежедневно, «поправились ты что ли?», пробурчал он ей в шею. Акжунис только хотела что-то сказать, как зазвенел телефон, и Дархан Акылбекович взял трубку. Акжунис не стала прерывать его и вышла из кабинета.

... Акжунис родила девочку. Роды были тяжелыми. И врачи и медсестры, получившие хорошие деньги, не жалели сил и по-возможности помогали рождению всем, чем могли и ухаживали за ней. Про себя они думали, «Наверное, разбалованная дочь богачей».

Ладно, потом посмотрим». Когда принесли ребенка на кормление, она еле смогла объяснить, что не будет кормить этого ребенка и оставит его в роддоме. Дежурный врач, видевший как она говорит об этом даже без слезинки, был очень раздосадован. Сразу стал говорить на повышенных тонах. Другие врачи тоже сразу зашумели.

— Бессердечная потаскуха, ты что, не думала о том, что бывает, когда ложишься в постель с мужчиной? — прокричала какая-то женщина, мывшая полы. — Твои родители, наверное, и не знают ничего?

— Нет, дорогая, можешь даже и не говорить, что оставишь ребенка! Детские дома уже переполнены детьми таких вот как ты, и мест там нет. Мать и отец есть у тебя, наверное, вот и неси ребенка к ним!

— Вот скажи, как ты думаешь, кто должен, по-твоему, кормить этого плачущего ребенка? Ты отказываешься. Он плачет... Пусть хотя бы молозиво пососет. Твои груди, если не дашь пососать ребенку, сгниют от накопившегося молозива.

— Дайте ребенка мне! — велела старшая медсестра. Ребенок, завернутый в белые пеленки, был перед ней.

— Посмотри на нее. Какая красивая девочка. Твоя копия. А может быть на отца похожа, откуда нам знать? Неужели у тебя нет сердца? Посмотришь на тебя, вроде умная, красивая девушка. На, накорми. Возьми ее на руки.

В этот момент, наверное, от шума раздававшихся возле него голосов, ребенок заплакал. Как будто говорил «я что, никому не нужен?!». Акжунис невольно посмотрела на плачущего ребенка. Запеленатый новорожденный ребенок зажмурил глаза и стал плакать во весь голос.

— Ребенка жалко-то как, дайте я покормлю — сказала женщина, лежавшая на соседней кровати, поднимая голову.

— Нет, сама накормит... — сказала старшая медсестра и стояла рядом словно полицейский, не собираясь отходить.

Акжунис, все это время еле сдерживавшая себя, сама не заметила, как протянула руки к ребенку. После чего обняла свое дите и понюхала его в лобик. Из сосков, всю ночь нывших от накопившегося молока, пошла первая капля и ребенок начал с урчанием сосать грудь своими маленькими губами. Акжунис чувствовала удовольствие от первого кормления ребенка вперемежку с болью сосков, которую она терпела, кусая свои губы.

За три дня, что она провела в больнице, Акжунис не отказалась от первоначальной мысли оставить ребенка. Через два дня уже выписка из роддома. Куда идти потом? Она глубоко вздохнула от этой мысли: давившей на нее словно тяжелый груз вьючного верблюда. В какой-то момент в дверь заглянула медсестра:

— Вас просит зайти главный врач Кулиман Жакешевна, — сказала она, посмотрев на Акжунис.

— Проходи, проходи, это ты Рысдаулетова? — главный врач смотрела на Акжунис серьезным взглядом и указала кивком подбородка сесть на стул.

— Отец ребенка знает о том, что ты здесь родила?

— Нет, он даже не подозревает о существовании ребенка.

— Почему не сказала?

— Не захотела говорить...

— Ты все еще хочешь оставить ребенка в детском доме?

— Нет!

— В таком случае, у меня есть к тебе предложение. Но этот разговор должен остаться между нами. Ты выписывайся из больницы вместе с ребенком. На дороге тебя будет ждать мой водитель. Потом поедешь ко мне домой и поживешь там. Слава Всевышнему, комнат хватает. И условия хорошие. У меня есть дочка твоего возраста, она на учебе за рубежом. А там, вместе подумаем и решим, так сказать, что делать дальше.

— В жизни всякое бывает, как говорится. У

всех свои секреты. Возможно человек, которому ты доверилась, обманул тебя. Но ты не переживай, сейчас такое время, что богатые мужчины играют судьбами девушек, годящимся им в дочери. Они опьянены властью богатства. Ты молодая, твое счастье еще впереди, — сказала ей симпатичная женщина средних лет, лежавшая на соседней кровати, словно прочитала ее мысли, заглянув ей в душу, и дала понять, что относится к ней с пониманием.

— Завтра врачи, возможно, уже выпишут домой тех детей, у которых пуповина упала. Ты тоже скажешь, когда буду выписывать вас. Я сама прослежу за тем, чтобы приготовили пеленки и хорошо запеленали ребенка, — сказала она улыбаясь.

Через неделю домой к главному врачу, к Акжунис пришли две женщины. Одна из них заговорила на английском. Вторая переводила. Акжунис с ребенком сидела в своей комнате. Кулиман Жакешевна завела их в комнату и показала им ребенка. Женщина иностранка посмотрела на ребенка, лежавшего в пеленке, и по ее глазам было видно, что ребенок ей очень понравился. Затем они вышли.

На следующий день главный врач вложила в руки Акжунис тысячу долларов.

— Ну, дорогая, ты свободна. Единственное что тебе надо сделать, это написать на этом листочке бумаги «Я по-собственному желанию оставляю своего ребенка госпоже Ирине», поставить подпись и написать сегодняшнюю дату. После этого не будет никаких сведений о том, что ты была в роддоме и родила ребенка. Все. Эта расписка нужна той иностранке для оформления страховки. А вообще на ребенка все документы уже готовы. Она теперь гражданка Америки — Сандра Хорес.

Акжунис не промолвила ни слова. Сделала все, как велела главный врач, поцеловала в лоб закутанного в пеленки ребенка и ушла.

* * *

С тех прошло пять лет. Изменились времена, вместе с ними изменилась и Акжунис. Она отучилась на заочном отделении и получила специальность юриста. Возглавляет крупный отдел в нефтедобывающей компании. В настоящее время она не сошла с выбранного пути и идет к поставленным перед собой целям. Материальное положение улучшилось. Младшие братья подросли. Одни хвалили ее со стороны, что она больше некоторых мужчин зарабатывает. Другие поносили за глаза «да ну ее, обычная молодая выскочка. Никакого почтения к людям, ходит как соляной столб, говорит, будто чеканит, вряд ли замуж выйдет». А Акжунис нет дела до чужих разговоров. Ездит она на иномарке. На работе к ней относятся с уважением и почтением. Но никто никогда не видел, чтобы она смеялась от души или улыбалась, всегда была серьезной. По словам коллег, Акжунис — женщина-робот. Некоторые называют ее женщиной-машиной. Теперь, эта женщина-машина часто ходит в детский дом и оказывает спонсорскую помощь. Поистине говорят «Чужая душа потемки»



ДЖИГИТ ГОРЕВШИЙ НА СТОЛБЕ

31 декабря 1998 года. В селе Жолымбет Шортандинского района люди готовились к встрече Нового года. Но в этот день случилось происшествие, которое взбудоражило всех. Это было недоброе известие. Берика, которого все знали как отзывчивого, добросовестного, работающего, легкого на подъем человека, готового прийти на помощь к любому, ударило током на верхушке столба...

Буквально утром люди видели, как они вместе с шофером водовоза, который возил питьевую воду для этого аула, поехали на чигирь — сооружение для поднятия воды на возвышение.

Он, по-своему обыкновению, еще радушно шутил:

— Навезу я вам вдоволь воды из скважины в канун Нового года.

Для его супруги, которая вместе с шестерью детьми еще не успела убрать со стола после завтрака, данное известие стало большим

ударом. Она только и смогла произнести «Боже ты мой, что вы такое говорите, что вы говорите?..»

Тут заголосила его мать, не зная верить или нет услышанной вести:

— Солнце мое, ты же поехал за водой, как это так случилось, что побило током?!

— Как же так, вот только недавно ведь видели их вместе с Турсынбеком на водовозе, — растерянно смотрели люди аула друг на друга.

Жолымбет — казахский аул, где когда-то добывали несметное количество золота. В те времена здесь и социально-экономические показатели жизни, и быт людей были на должном уровне. С приходом рыночных отношений золотодобывающее месторождение обанкротилось и люди пришли в замешательство, познав кризисный застой и лишившись заработка. Горнорабочие не получили заработную плату за последние два-три года, вследствие чего жизнь людей пришла в упадок, изменился даже внешний облик аула. А начальники же месторождения набив себе карманы, уехали в Россию. Здесь осталась только горстка коренных жителей, которые не смогли оставить родные места. Каким может быть существование подобного аула. Люди жили в надежде, что «Правительство улучшит положение» и поддерживали существование тем, что имели в подворье. Если вдруг находилась работа, они не задумываясь, будут платить за нее или нет, всем миром, сообща доводили дело до конца. Берик тоже был одним из многих. По специальности он электрик. Куда бы не направляло его руководство, он бесприкословно выполнял любое поручение. Про таких как он, говорят «Готов броситься в огонь и в воду».

Видимо, к его несчастью, утром, когда он едет за водой, по дороге встречает главного инженера Литивнова, ехавшего на своей частной машине, который останавливает водовоз. Тот говорит приказным тоном:

— На двенадцатой линии нет напряжения. На Новый год надо ее временно подключить. Давай, езжай сейчас же туда!

«Собственный» электрик аула Берик, без слов соглашается и со словами «хорошо, будет сделано», они с водителем направляют водовоз в другую сторону. Впереди них едет Литвинов на легковой машине.

Доехали до места. Берик надел поверх обуви приспособление с железными крючками, которые всегда носил с собой и начал карабкаться на верхушку столба. Мороз был очень сильным и скрипучим. Берик опробовал линию. По линии шел электрический ток.

— Здесь идет ток, — крикнул Берик вниз, выпуская изо рта клубы дыма.

— Не может быть такого! Никто в подстанции не направлял ток сюда! Что стоишь, посмотри еще! — кричал Литвинов.

Берик, за плечами которого был двадцатипятилетний богатый опыт работы по специальности электрослесаря, не ошибался, он все правильно определил. По линии шел ток с мощностью шестьдесят тысяч киловатт. Увы, в следующий миг от порыва ветра ток со всей мощностью ударил Берика...

Какой-то миг!.. Берик потерял дар речи. Руки его резко отделились от линии, голова повисла вниз. Джигит так и повис на ремне, которым был подпоясан, на верхушке столба ногами вверх, головой вниз. Те, кто находился внизу, видели все это. Но ничего нельзя было сделать. Пока не разъединят линию от головной электрической подстанции, никто ничем не сможет помочь. Иначе и следующего человека постигнет подобная же участь. Час времени, пока машина поехала до подстанции в центре и там разъединили линию, тянулся словно год. За все это время Берик так и висел головой вниз под напряжением тока. Его правая рука, обе ноги и бедра обгорели, словно их поджарили.

Его увезли в Шортандинскую больницу, где он только через двое суток пришел в себя.

— Я живой? — бормотал он. — Где нахожусь?...

Новый год в этом ауле не праздновали. Мужчины аула сделали всевозможное, чтобы спасти Берика. Все

двадцать человек выстроились в очередь в больнице для сдачи крови. Потом, обгоревший джигит, у которого каким-то чудным образом билось сердце, был доставлен в Астану.

Врачи в Астане, посоветовавшись и проанализировав все возможные последствия, ампутировали правую руку под корень, так как началась гангрена. Вопрос ног оставили на потом. Тазобедренная часть тоже не вызывала оптимизма. Родственники больного были предупреждены, что для лечения таких ожогов потребуется немало финансовых средств. Конечно, основная тяжесть пришлось на долю его семьи. Им пришлось продать единственную корову, хотя молоко и творог от ее были основным их пропитанием. У кого могут быть деньги в ауле, где нет работы, все жители дружно пошли к акиму аула Жолымбет.

— Господин аким, прекрасно знаете, что пострадавший джигит сделал для аула много хорошего, никогда не отказывал кому-либо в помощи. Состояние у него очень тяжелое. Почему бы Вам не изыскать источники финансовой помощи для него? Почему бездействуете? Сами знаете, что с банкротством все мы не получили зарплату за два-три года. Берик тоже не получил деньги за два года, — возмущались люди.

Аким рассердился и раскрыв ладони сказал:

— Я весь перед вами. Нет у меня ничего лишнего. Где же я возьму деньги? У меня точно такая же ситуация, как и у вас, — он проводил их такими словами. Сказал, что «он проведает Берика сам лично и окажет посильную помощь из собственных средств».

Следом он поехал в больницу, где в полубессознательном состоянии лежал Берик, как-бы утешая, сказал:

— Э-э, выглядишь неплохо, думаю, что выздоровеешь, — и положив ему на кровать пять тысяч тенге, неоднократно повторил, что в Жолымбете очень туго с финансами, тем самым как бы давал знать «чтобы больше не тревожил».

А аким поселка Шортанды привез десять тысяч тенге и сказал, словно прощаясь:

— Это называется несчастный случай, Берик, будь сильным.

Все это отметила на бумаге младшая сестра Берика Жанар, которая находилась рядом с ним и сутками ухаживала за ним.

В день, когда Берик попал в больницу, случилось еще одно происшествие, которое попало в поле зрения общественности. Руководители одного из министерств, вылетают на охоту волков самолетом. Их самолет терпит крушение и этих господ так же с тяжелыми ожогами доставляют в больницу. Теперь всех врачей ожогового отделения больницы поднимают на ноги, чтобы те создали все необходимые условия для господ из министерства. Берика же оставляют без врачебного внимания в палате. Все в этой жизни противоречиво. Если одни получили травму, развлекаясь на охоте, второй пострадал, выполняя производственное поручение, чтобы подключить на Новый год освещение. Если для первых, неизвестно откуда и как, но быстро нашлись необходимые лекарства и бесплатно проводилось лечение, то для второго их не оказалось, и его приковали к железной кровати со словами «у нас нет необходимых дорогих лекарств, будем лечить тем, что имеется. Сами знаете, сейчас все «платно»

В республиканской печати посвятили целую рубрику, что «высокопоставленные лица республики попали в такую аварийную ситуацию», желали скорейшего выздоровления. Один блок ожогового отделения больницы содержался в такой идеальной чистоте, будто полы вылизывали языком. Врачи и медсестры разговаривали шепотом «Тихо, там лежат тяжелые больные». Чтобы их проведать, потоком шли пузатые чиновники и должностные лица.

— Так, ожоги у него очень тяжелые, у нас нет необходимой аппаратуры. Нужно специальное косметологическое лечение. Необходимо лечить

в одном из центров, где проводятся операции по пересадке кожи и кости, — для одного из господ было вынесено такое решение.

На эти цели Правительством было выделено шестьдесят тысяч долларов и через два дня того господина увезли за границу. Газеты и телевидение отнесли это событие к разряду «значимых» и выпустили специальные передачи и рубрики.

Берик все это время беспомощно лежал в маленькой тесной крайней палате, дышал смрадом больницы, смотрел в стены палаты и думал о жестокой судьбе, которая повергла его в такое затруднительное положение. Сестренка, находившаяся все это время рядом и кормившая его с ложечки, не переставала просить помощи у врачей:

— Боже мой, — говорила она, — вы же давали клятву Гиппократу, что честно будет ухаживать за всеми больными. Вы же ущемляете моего брата. Почему бы не создать хотя треть тех условий, которые создаются для того господина из министерства?! Где справедливость?

Врачи только улыбались подобному заявлению девушки. «Сейчас рынок. Если найдете средства, никто не станет возражать против лечения Вашего брата за границей...» отвечали они. Младший брат Берика Куандык все время навещал его, приезжая из аула. Он поделился с сестрой с мыслью:

— Я буду писать обо всем в газеты, пожалуйюсь... Пусть народ знает все эти события. Пишут же в газетах про того господина...

Сестра поддержала его. Спустя некоторое время в больницу пришла девушка журналист. Она своими глазами увидела все обстоятельства дела. Беседовала с льющей слезы сестрой. Следом в одной из газет Астаны под громкой рубрикой «Где ты, нравственность?!» была опубликована статья с фотографией изувеченного Берика Файзуллина. Прочитавшая статью общественность была взбудоражена. Призвали людей к помощи. Была объявлена благотворительная

акция, призывающая людей о финансовой помощи молодому мужчине, которого постигла подобная беда. Началось движение, стало больше сочувствующих людей пострадавшему джигиту.

Редакция газеты со своей стороны требовала привлечь к ответственности непосредственных виновников происшествия. В каждом номере в рубрике «Где ты, нравственность?!» публиковались статьи о дальнейшем развитии событий по состоянию здоровья Берика, которые нашли отклик у читателей и народа. Группа депутатов Мажилиса по своей инициативе оказали спонсорскую помощь прикованному к кровати джигиту, выразив свои чувства словами «Не выдержали, когда прочитали в газете, решили оказать посильную помощь. Не обессудьте, это все, что смогли собрать».

Берика переполняли чувства благодарности к людям, поддержавшим его морально и материально. Каждый день приходили к нему по два-три человека, которых он не знает и никогда раньше не видел. Все выражали сочувствие, говорили «айналайын, читали в газете, скорее выздоравливай, будь мужественным» и оставляли посильную финансовую помощь. Со своей стороны потоком шли учащиеся, студенты, молодые люди, которые тоже оказывали свою помощь. Каждый, кто приходил, вдохновлял Берика на позитив. У него усилилась жажда жизни. После потоков идущих к Берику людей, врачи стали несколько иначе относиться к Берику. Стали рассматривать возможность сохранения поврежденной ноги. Провели несколько операций, взяли кожу из тазобедренной части для пересадки на обожженные места. После шести месяцев больницы Берик вернулся в свой родной дом инвалидом, зависимым от другого человека.

К тому времени главный инженер, который был повинен в его изувечии, опасаясь ответственности перед законом, успел переехать в один из городов России. Дело об административно-гражданской ответственности, возбужденное районной прокурату-

рой против Литвинова после сигнала редакции газеты, так и осталось не доведенным до конца.

... С тех пор прошло семь-восемь месяцев. Берик лежал на кровати, не зная как повернуться на другой бок, так как ныл бок, на котором он лежал. Тут его маленькая дочка принесла ему клочок бумаги, который оставили в почтовом ящике. Вот это и называется иронией судьбы. На бумаге было написано, что «Долг Б. Файзуллина за потребленную электроэнергию составляет пятнадцать тысяч тенге, который необходимо погасить в трехдневный срок».

Прочитав это извещение, Берик громко рассмеялся. Смеялся до икоты. Смеялся, пока не охрип. Жена, которая посчитала уход за инвалидом затруднительным, или по другой какой причине, ушла от него, сказав на прощание «смирись со своей судьбой». Подросшие дети отказались следовать за матерью и остались с отцом. От такого удара Берик был сломлен еще больше и замкнулся в себе. Домочадцы не поняв смысла подобного смеха, испуганно взирали на него. Но и спросить причину не осмеливались. Молча ждали объяснения.

Берик долго смеялся, затем заплакал навзрыд... Все плакал и плакал... Произнес громко «Чем я не угодил судьбе, в чем провинился?..». Бить землю и то не может, нет руки. Стал бить головой изголовье кровати. Это было в первый раз, когда он плакал с тех пор, как стал инвалидом. Кто знает, сколько еще слез он прольет впереди...



ОДИНОЧЕСТВО

С самого детства родители учили его:

— Сынок, будь честным. Избегай хитрости и коварства. Не бери чужого. Будешь ходить смирно, никого не трогая, всегда сытым будешь, то есть не попадешь в беду. Не обманывай никого. Пусть тебя хоть на костре будут жарить, не отступай от правды. Не лицемерь. Уважай старших, почитай младших. Старайся удостоиться благодарности. Избегай проклятия. От благодарности человек процветает, от проклятия — околевает. Никого не обижай. Все живое на свете, начиная с насекомых, создано Всевышним. Проявляй заботу о них. Не навреди. Не совершай насилия. Долю свою проси от небес, удачу проси у Бога. Не будь лодырем, не ленись...

Он хорошо усвоил это советы и наставления своих родителей и беспрекословно их выполнял. Был честным, никого не обманывал. Чужого не брал. Был праведным. Лжи избегал. Окружающие люди смеялись над ним называя

«эффенди» — чудачком. Насмехались над ним. Высмеивали его. Некоторые вообще отвернулись, махнув на него рукой. Он никому не смог объяснить и доказать свои идеи. С каждым годом он стал чувствовать себя ненужным в этом мире человеком с устаревшим сознанием и мыслями. Если он хотел иногда поделиться с беспокоившими его мыслями с близкими друзьями, размышляя «Почему я такой, а мое окружение другое», те всегда восставали против него как один, будто все договорились «Да прекрати ты, посмотри какие нынче времена?». Он страдал, не находя единомышленников.

Его родители тоже состарились, но они были довольны своим единственным сыном. Перед своим уходом в потусторонний мир отец подозвал к себе сына.

— Сынок, я доволен тобой. Ухожу из жизни со спокойной душой и с чистой совестью. Ты выполнил все мои пожелания. Тебе желаю того же. То что я говорил тебе, ты тоже скажи своим потомкам, научи их тому, чему я учил тебя. Пусть наш род преумножится и продолжит его достойное потомство, — благословил его отец и ушел из жизни. Спустя неполных полгода следом за своим стариком ушла и мать, которая при жизни не уставала повторять «Жеребеночек мой, будь осторожен», и день и ночь молила Всевышнего о благополучии сына.

Взрослый мужчина лишившись родителей в пятьдесят лет, долго еще оплакивал их. Это было и обоснованно. Потому как его понимали только родители. Он плакал из-за того, что один оставался в этом непонятном мире. Он заказал молитвы за упокой души умерших. Молитвы были прочтены. Установил надгробные памятники над их могилами. Теперь он как хозяин большого дома, пригласил к себе своих подросших детей. Только он начал говорить:

— ... Не обманывайте никого. Хотя будут жарить вас на костре, не отступайте от правды.., — как его перебил старший сын.

— Отец, зачем Вы повторяете слова бабушки и бабушки? Вы сами выполнили их наставления. Тогда были другие времена. Нынче все совсем иначе. Невозможно выполнить Ваши требования. Только путем обмана человек может прожить. К примеру, сколько раз Вы сами из-за своего правдолюбия поменяли место работы? Какая от всего этого польза? Кому все это было нужно? Получили высшее образование в престижном высшем учебном заведении России, у Вас хорошие организаторские способности, опыт... На что и на кого Вы потратили все это? Подумайте сами... Даже не сумели приватизировать завод, который сами создавали, поднимали с самого основания... И что Вы от этого выиграли? Что Вы сделали для нас — для своих сыновей и дочерей? Какие создали основы для нашей дальнейшей жизни? Дети ваших же подчиненных — главного инженера, главного бухгалтера и механиков создали фирмы в России, не говоря уже о Казахстане, все они разбогатели, живут в достатке. Кому нужны ваши пустые нравоучения «будь честным, путь правдивым»? Скажите, пожалуйста? Если бы мы сами не начали двигаться, то до сих пор жили бы в землянке на окраине города, разве не правда? Прошу Вас отец, не надо давать советов. Дедушка с бабушкой и так нас доставали своими советами, порядком надоедали. С их уходом Вы теперь начинаете...

Сын завелся не на шутку. Говорил с отцом на повышенных тонах. Он посмотрел на жену в надежде, что она поддержит его, скажет что-нибудь сыну, изображающему из себя знатока жизни. Так нет, жена тоже, оказывается, смотрит на него с неодобрением.

— Хватит, прекрати лезть в дела детей. Ты давно остался один. Сейчас ни в нашем обществе, ни в среде, в котором мы живем, людей подобных тебе нет. Когда ты руководил целым заводом, мы кое-как сводили концы с концами от зарплаты до

зарплаты. Что, не помнишь разве?! Сейчас другие времена и нравы. Сиди спокойно, не вмешивайся. Слава Аллаху, наши сыновья и дочери знают, как им надо жить, — сказала жена и отвернулась.

На следующий день он пришел на работу без всякого настроения. Обычно, и в коллективе с ним никто не разговаривает и не делится с мнениями. Он целыми днями сидит, уткнувшись в бумаги, делает подсчеты и расчеты и даже не замечает, как наступает вечер. Ни с кем не общается.

Когда он пришел, девушка секретарша сказала:

— Вас вызывает начальник.

Начальник встретил его недобро, глаза его были устремлены на него, словно дуло двуствольного оружия.

— Вы, в тот раз, когда приходил ревизор из Минфина, поступили, оказывается, очень неразумно и мелко. Зачем Вы сказали, что я забрал домой компьютер из кабинета?

— Так это же правда.

— Но сегодня он стоит на месте. Посмотри... Вон, стоит. И кто же тогда врал?

— Вы же в тот раз в самом деле его забрали. И то, что я сказал, что не могу «списать», тоже правда. То, что я сказал об этом ревизору, тоже правда...

Начальник разнервничался вконец.

— Пиши! Пиши заявление! С сегодняшнего дня Вы свободны!

— Вы не можете меня уволить! У меня есть право самозащиты. Есть законодательство. Это не Ваша собственная фирма, а государственное учреждение.

— Что?! Что Вы сказали?!

— Что слышали, то и сказал!

Он вышел, хлопнув дверью.

Все это закончилось плохо. Через некоторое время его уволили с работы. Теперь вот сидит дома, не зная куда девать руки. Читал газеты, там

тоже сплошные противоречия. Одно противоречит другому. Не разберешь, где правда, где ложь... Кто-то проявляет недовольство против Правительства, второй, наоборот, восхваливает, чуть ли не хвалебные оды пишет. По телевизору то же самое. Одни плачут, что в ауле мор, люди гибнут от голода, другие говорят, что все это ложь, живут прекрасно, вот, скот в подворье, вот, зерно в амбарах, только приехал из зарубежной поездки. Вот и попробуй поверить людям вокруг. «Боже ты мой, почему бы людям не назвать вещи своими именами? Почему же правду, которая бьет в глаза, не назвать правдой? Зачем же врать?». Он не находил ответов на свои вопросы.

Ему казалось, что грудь его давит непомерный груз. Воздух в доме тоже казался тяжелым. И сам он кажется, тоже никому не нужен. Никто не ищет. В нижней комнате жена с дочерьми и с сыновьями говорили о чем-то и смеялись.

— Ата, пойдем, почему ты сидишь один? — подошел к нему пятилетний внук и позвал в другую комнату.

— Я б-о-о-юсь о-о-дин. Посиди ты со мной, — сказал он внуку, заприметив про себя одну мысль и ждал, что тот ответит.

— Нет, ата, я не могу сидеть с тобой. Там есть интересная компьютерная игра. Будем играть вместе с папой. Наоборот, ты иди к нам... Ты тоже поиграй с нами... Не умеешь? Я тебя научу, — услышал он слова внука.

«Да-а, вы можете научить всяким играм, времена у вас другие. А я и не желаю учиться вашим играм», — бормотал он про себя. Он больше не слышал гомона голосов. Так и сидел, уставившись в окно. Впервые ощутил себя одиноким в обществе, в котором жил и в своей семье. Казалось, все его тело опоясывали какие-то оковы, сжимая в тиски кровеносные сосуды, стесняя дыхание, и он все более ослабевал...

МАТЬ ЕСАМАНА

Все мужчины этого аула, вместо того, чтобы преклонять колени, читая намаз, преклонили колени перед водкой. Те кто не пил, сидели в тюрьме, кого-то на семь лет посадили, кого-то на четыре. У всех схожие преступления: кто-то крал скот, кто-то дрался, кто-то с холодным оружием попался. Повезло всем в ауле с маленьким магазином, расположенным с торца дома Зылихи с железным забором. Днем и ночью двери его открыты, здесь же продают и водку. Все и бегают сюда. Зылиха, которая благодаря прибыли от водки поправила свое положение, ни за что не даст и бутылки даром тем, кто льет слезы у ее порога, просит «выручай, умираю». Раньше бывало, что долг записывала в тетрадь и вместе с небольшим количеством продуктов люди брали и водку. Долг ей возвращали и ягнятами, и козлятами, иногда и овцами. Впоследствии

тем, у кого не было скота, Зылиха перестала давать в долг.

Вот и ходят, те, кто хочет пить, выписывая круги вокруг магазина, в конце концов, не добившись желаемого, находят где-то денюжку для покупки спиртного. Одной-двух бутылок с утра достаточно на похмелье и ходят до самого вечера ополоумевшими. Сказать «Не будем пить, завтра же надо на работу», не скажешь, в ауле нет работы. Так все и идет своим чередом: и сегодня так, и завтра, и послезавтра. И дома особенно нечем заняться, нет даже такой мелкой работы, как ухаживать за скотом, поить его, кормить... когда-а еще весь скот вышел... Так как скотные дворы запустели, у них тоже скосились двери, обвалилась штукатурка и были они в неприглядном состоянии.

— Что, если нет работы у государства, так и будете сидеть, пока не подохнете, перешли бы на то, чем занимались предки. Вскопайте землю во дворе, сажайте огород. Хотя бы купите на семена мешочек картошки, сажайте и ухаживайте за ней. Умрете что ли, если не будете употреблять эту дурную воду, бестолочи! Думали бы о своих семьях. Наши родители подняли же нас, ухаживая за скотом. Не видели мы, чтобы они получали деньги в колхозе и считали их. И не замечали, чтобы ходили на рынок, покупали там обновы и радовались им. Резали скот — им питались, продавали скот — появлялись деньги. И мы жили так же. Не дурная вода этого времени сводит вас с ума, это вы уже свели с ума эту дурную воду, — возмущался старик Абдикарим, бывший всю жизнь кузнецом в этом ауле и со звяканьем бил свой молот стараясь направить по праведному пути людей, приходивших к нему занимать деньги. С подобными словами он обращался к односельчанам и на разных мероприятиях, таких как поминальные застолья и той. Он тоже ушел из жизни и в ауле ощущалось его отсутствие.

Нет теперь аксакалов, которые пользовались бы уважением и дали дельный совет. Если кто-нибудь из старшего поколения начинал возмущаться, их тут же могут приструнить, напомнив им их былые подвиги «Прибереги свои советы для себя, не вчера ли ходил и шатался, не помня имени своего» напоминали им их грешки. То ли опасаются подобных нападок, то ли такова их сущность, но взрослые, которые сами бросили пить, отмахиваются от своих пьющих сородичей со словами «Да ну их, если человек хочет пить, никакими советами их не остановишь». Многие из них, это мужчины, которые не хотят признавать свой преклонный возраст, хоть и вышли на пенсию, стыдятся отпускать бороду, обкорнав налысо свои подбородки. Про других и говорить нечего. До того их заколдовала водка, что они готовы лишиться жены и детей, но не бутылки. Даже не смущаясь, могут пить с ровесниками своих детей. Наоборот подбивают их к питью «Давай, выпьем, что хорошего вы видите в этой жизни. В армию вас не берут, учеба вам не по зубам, жениться не можете, какая девушка выйдет замуж за безработного оболтуса?... Жить самостоятельно тоже не можете, нет денег... эх, к черту ее, эту жизнь... Только и слышишь окрики своей бабы... Лучше напиться от души, давай выпьем!» и стукаются стаканами.

Единственный мужчина в ауле, который и войти не может постоянным членом в ряд подобных «давай выпьем», и оторваться от них не может окончательно, болтается где-то по середине, это — Есаман. Потому как у Есамана в отличие от других есть закрепленное за ним дело. Он ухаживает за двумя коровами, которые у них есть, летом сажает дыни, готовит сено, подправляет скотный двор. Такие нескончаемые хлопоты. Припрягла его к подобным делам, не давая бездельничать, мать, которой перевалило за восемьдесят.

Есаман и раньше принимал участие во всех делах колхоза. Он умеет все. Мастер на все руки. И трактор

водил. И за скотом ходил. И строителем он был. И хлеборобом он был. Куда направляли начальники, туда безропотно и шел. За добросовестную работу его награждали похвальными грамотами, в свое время даже писали о нем в районной газете, разместив там его фотографию. Мать до сих пор не устает гордо демонстрировать перед людьми ту самую газету с его фотографией. У Есамана есть несколько избалованная жена, которая всегда жалуется на свои нескончаемые хвори, и двое маленьких сыновей школьного возраста. Есаман добродушный. Никого не хочет обидеть. Иногда из-за своей доброты не может отказать односельчанам, когда те говорят «Есеке, ты совсем стал нас забывать. Ну что, разве не сможем все осилить одну бутылку? Хочешь нас оставить?». Но одновременно с этим он ужас как боится свою старуху мать, которая не может ходить без палки.

— Ладно, давайте, выпьем быстро. Если моя апа узнает, что я здесь, она тут же примчится, — подгоняет он своих компаньонов-собутыльников.

— Пусть приходит. Старуху мы вот так поднимем и посадим на почетное место и скажем «посиди здесь», — говорит один из пьющих.

— Конечно, скажешь. Старуха ведь начнет лупить нас палкой.

— О, Боже, мы вот так схватим осторожно ее палку, потом ей же и вернем.

— Нет, так нельзя делать. Если придет апа, считай я пропал, пойду домой.

Есаман спешно стучается, закрыв глаза, опрокидывает пару рюмок и уходит домой.

Односельчане говорят, что Есаман поступает так не потому, что боится матери, а потому что сильно уважает ее. Как бы там ни было, Есаман никогда не противоречил матери, подобно некоторым людям. Хотя ему и было под пятьдесят, он всегда выслушивал «воспитательную речь» матери, которая поносила его перед детьми.

— Фу-у, апа, сказал же, не буду больше, не буду пить. Да, не пойду... да... так и сделаю. Да перестань уже ругать, — бубнил он обычно, опустив голову.

Старуха же, опираясь двумя руками на свою палку, спустив на него всех собак, сама же устает от своего крика и бормочет:

— О, Аллах, дай ума единственному моему сыну. Удержи его подальше от дурной воды, — просит и молит он Создателя о помощи и только потом успокаивается. Это привычная, многократно повторяющаяся картина. Что зря пылится, если кто-то делает за тебя все что нужно, жена Есамана не утруждает себя разговорами с мужем, не наставляет его на путь истины, не ищет мужа, если его нет, живет себе припеваючи. Все ее разговоры сводятся к своим болезням, не устает каждому встречному-поперечному петь о своих девяносто девяти хворях.

— Всю ночь колола правая почка, ныл тазобедренный сустав, сводили судорогой ступни обеих ног, — только и знает гримасничать. Свекровь уже привыкла такому поведению снохи. Хотя ей уже было восемьдесят лет, она никогда не болела. Единственный изъян — это уши. Слышит плохо, не как раньше. А так она даже и не знает, где у нее сердце, где почки, где печень. Вся ее мечта — чтобы сын Есаман стал человеком не хуже других. По мнению старухи, сын еще не достиг умственного совершенства. Если был умным, то разве стал бы пить водку. Ей кажется, если она умрет, то все они пропадут без ее присмотра. Поэтому, пока сама живая, она должна предостерегать сына от всяких напастей.

Чтобы старуха была спокойна, Есаман должен находиться перед ее глазами и заниматься делом.

Сегодня с утра старуха сидевшая во дворе на бревне спросила у внуков, рубивших дрова для самовара:

— Эй, где же ходит тот пес? Куда он делся? Не сидит ли где, распивая водку с Топашем Омирзака?

День уже близится к обеду. Почему не уходите на дынное поле?

— Тот пес ушел в эту сторону, — сказал маленький внук, понимая, что бабушка говорит об отце, и указал направление, куда тот ушел.

— Иди, беги, позовой его. Скажи, бабушка идет. Со всех, кто там сидит, заживо сдеру кожу! Я поняла, где он. Значит, сидит дома у Нартая. Бестолочи! Отец его, незабвенный назвал его этим именем, думал, будет певцом как Нартай. Черта с два! Ни слова не споет, «э-у» даже не произнесет, стал пьяницей, чтоб тебе добра не видать! Он же беда для матери. Баба его ушла. Детей лишился из-за этой проклятой водки. Теперь и других хочет сделать алкашами, подобно себе. Таких и Бог не заберет, носит же их земля.

— Наш коке же не пьет, — сказал второй внук, оправдывая отца.

— Если не пьет, что он там делает? Вот если только учую запах, убью я твоего отца! Буду бить, пока эта палка не сломается.

Внук знает, коль старуха говорит, буду бить, значит будет бить. Такое было уже многократно, что она била отца перед ними. Даже тогда, когда она его лупит как несмышленища какого, Есаман не говорит слова против. В прошлом году, чтобы купить детям одежду, он поехал продавать на базар яловую корову. Неизвестно где пил, вернулся домой немного подшофе. Он считал деньги, чтобы отдать старухе и тут мать говорит Есаману:

— Да чтоб приумножился твой род, выпил, что ли?

— Да, апа. Совсем чуть-чуть. Буквально маленькую пиалушку. Пиво я пил, запах пива...

Есаман не умеет врать. Тут старуха как даст Есаману по голове палкой из джигиды, которую она держала, и еще раз стукнула. Из его лба брызнула кровь. Сноха, сидевшая возле самовара, вскрикнула, что есть мочи:

— Ойбай, апа, прекрати же, убьешь ведь!

— Пусть умирает, — старуха не прекращала наносить удары.

— Эй, горемыка, уйди же, вставай с места, поднимайся, что сидишь подставив голову!

Жена пронзительным криком подбежала к Есаману и стала тянуть его за ноги. Один из внуков подбежав к старухе, схватил ее палку и не выпускал из рук.

— Отец же умрет...

Старуха все не успокаивалась.

— Я же говорила тебе, чтобы не пил. Говорила же не пить!

Наконец-то Есаман издал звук:

— Ойбай, голова моя, голова, апа... Не буду больше пить. Сказал же, что пил только пиво. Оллахи, пиво...

Старуха запыхалась, пока была сына. Затем кое-как засунув ноги в галоши, вышла на улицу. Есамана окружили жена и дети, стали вытирать кровь йодом. Лоб его весь измарался кровью и йодом..

— Горемыка ты, чего стоял, подставив голову под палку. Нет, чтобы увернуться? — говорила жена.

Ей вторил старший сын:

— О-о-й, коке, надо было отобрать палку бабушки.

Мать, сидевшая на улице, опять просила Бога:

— О, Всевышний, спаси и сохрани единственного моего сына, я, кажется, голову ему разбила, сохрани его! Не лишай его рассудка... — бормотала она.

Об этом случае, словно легенду, до сих пор рассказывают в ауле.

Старуха видевшая, что аул приходит в упадок, из-за того что все повально пьют, не знает как умолить Бога, чтобы он сжалился над людьми, надоумил их. Другим, кажется, все равно что

происходит. «О, Всевышний, что будет с моим единственным в дальнейшем? Сколько я могу его бить, сколько могу говорить? Кто-нибудь поправит это смутное время или нет? Если подумать, то мой Есаман вроде как и не виноват. Все со всех сторон подстрекают его: пей-пей. Он, добродушный горемыка, не хочет никого обидеть. Если он сопьется, кто будет смотреть за его семьей — за женой и детьми? Кто будет главой дома? Почему люди, выпускающие эту дурную воду не думают о последствиях? Они, что, такие глупые, что ли?» думала она, и вдруг вспомнила про Зылиху.

— Все беды от этой бабы. Всех людей в ауле свернула с правильной дороги. Почему она продает водку?! Тварь, пристрастившаяся к деньгам! И Бога даже не боится! Не знает что такое грех и благодеяние, беспутница? Пойду и скажу ей. Пусть закрывает свой магазин или не продает водку!

Так как сына и внука было еще не видно, мать Есамана оперевшись на палку из джигиды, сутулясь, направилась в сторону дома Зылихи. Когда только стала выходить из дома, ей показалось, что сильно застучало сердце и участилось дыхание. Но так как она никогда в жизни не болела, не стала обращать внимания на эти симптомы. Пошла дальше. Через некоторое время зазвенело в ушах и она, почему-то, вся вспотела. Зарябило в глазах и пелена застлала все перед глазами. Быстро села на обочину дороги и стала говорить слова молитвы «О, Аллах, ля-илла, ха ил лау ла»...

Нартай, который в спешке вышел из дома Нартая вместе с сыном, весь похолодел, когда увидел толпу людей, стоявших окружив его мать, растянувшись, лежащую в пыли на обочине дороги.

— Ап-а-а, не умирай, пожалуйста, вот я пришел. Я Есаман, стою вот рядом с тобой, апа. Ты слышишь меня, апа? Я не пил, апа... — рыдал он в голос, слезы градом текли из глаз. Побледневшая

словно полотно старуха не открыла глаз. Губы у нее запеклись совсем. Люди все дружно положили ее на палатку и понесли домой.

Когда ее стали укладывать на одеяльце в верхней стороне комнаты, старуха ясно произнесла:

— Прости меня, жеребеночек мой... прости меня... Не пей, жеребеночек мой, — и навечно сомкнула веки.

Есаман не молод. Ему уже перевалило за пятьдесят. Не пьет. Сейчас он наставляет людей в ауле на правильный путь, часто дает им советы «Прекращайте пить, нынче Правительство повернулось лицом к аулу. Занимайтесь земледелием. живите по-людски». Сам он вместе с двумя сыновьями построил новый дом. Сами заливали кирпичи. Расширил скотный двор. Приумножил поголовье скота. Пьющие его ровесники нашли привычку смеяться над ним. «Палка матери стала для него наукой» говорили они. Что бы там не говорили, Есаман сдержал данное матери слово. А палку старухи из джигиды, сноха ее завязав шелковым шнуром, как реликвию повесила на почетное место поверх шерстяного ковра.



ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Анар уже долгое время лежала в кровати, завернувшись в одеяло. «Голова болит» жаловалась она. Теперь и без того алое лицо покраснело еще больше, подушка увлажнилась от ее горячих слез. Сколько бы она не говорила себе «Ох, ну что же это со мной, надо вставать...», какая-то неизвестная сила не позволяла ей подниматься с места, придавливая к кровати.

— Что с тобой, ненаглядная моя? Давай позовем скорую. У тебя ладони горячие, кажется есть температура, — сказала подошедшая к е кровати бабушка, сжимая ее ладонь.

— Нет, апа, не надо. У меня просто горло болит, я вчера ела мороженое. Из-за этого, наверное, — успокаивала бабушку Анар.

— Тогда попей лекарство из той коробочки, которое я пила, когда болела. Сейчас я тебе травяной чай заварю, — сказала бабушка и с беспокойством на лице вышла из комнаты.

Анар снова заплакала, уткнувшись лицом в подушку.

От того, что она сдерживала рыдания, кольнуло сердце. «Ну, хватит, — сказала она себе, — что это я так. Я же его в начале терпеть не могла. Так, с чего это я теперь убиваюсь?». Анар, находившаяся в непонятном полусонном состоянии, сама не заметила как сказала это вслух. Бабушка услышав ее голос, снова заглянула в комнату и спросила:

— Что ты сказала, милая?

Однако увидела, что Анар лежит, уткнувшись лицом в подушку и было не похоже на то, что она что-то говорила. «Послышалось, наверное» — пробормотала бабушка и закрыла дверь...

* * *

Сын с невесткой на два года уехали по работе в Атырау, и в Астане, в четырехкомнатной квартире, расположенной на втором этаже пятиэтажного дома, остались пенсионеры: дедушка Жанузак, бабушка Зейнеп и их внучка Анар, учившаяся в десятом классе. В один из своих приездов, невестка стала советоваться:

— Мама, две ваши комнаты просто так пустуют. Сюда же постоянно приезжают по работе люди из Алматы. Может быть, возьмете пожить женщину или мужчину? И не так скучно будет. Я могу дать объявление и все устроить до отъезда.

— Да, хорошая идея. Мне и соседка напротив недавно говорила, что у нее квартиранты живут. Хоть коммунальные расходы будут перекрываться, деньги лишними не бывают, — поддержал невестку дедушка Жанузак.

Не откладывая в долгий ящик, на следующий день после разговора, дали объявление в газету и домой стали без перебоя звонить люди, желающие арендовать комнату. В один из поступивших звонков, мама Анар — Балсары, с кем-то долго разговаривала по телефону:

— Да, хорошо, можете приехать сейчас и посмотреть. Мы и сами искали примерно такого человека, как Вы, — сказала она и положила телефонную трубку.

— И так, придет парень. Говорит, что недавно приехал работать в одно из министерств. Он один. Его тоже устраивают наши условия. Сейчас придет. Доченька, ты теперь прекращай по ночам на дискотеках задерживаться. Мы решили приставить к тебе одного человека, чтобы он наблюдал за тобой, — подшутила она над Анар, когда зашла в комнату к дочке.

Анар в это время разговаривала по телефону с одноклассницей и не обратила внимания на слова матери. Только вечером заметила, что домой пришел посторонний мужчина и услышала, как они с ее матерью разговаривают в средней комнате, в которой обычно сидел ее дедушка.

— Давайте, я оплату за проживание сейчас оплачу. Обычно, я с утра до вечера на работе. Иногда буду приходить поздно. От вас до работы недалеко. И мне нравится этот район, — произнес незнакомый мужской голос.

Обычно, Анара проявляла живой интерес ко всему происходящему в доме, но ей было не по душе, что у них будет находиться посторонний человек. Она была против этого решения матери и поэтому даже не стала выходить из своей комнаты. Ей были слышны только голоса.

— Вот и хорошо, мама. Он же целый день на работе. Сказал, что когда вечером придет с работы, попьет чай, да и только. С вами вместе и будет пить. Самое главное, что не похож на обманщика. Сразу видно, что интеллигентный. Говорит, что на работе выдать квартиру пока не обещают. Правда или нет, не знаю, но говорит, что не женат. Вроде, удачно нашелся квартирант, — обсуждали на кухне свекровь и невестка приходившего человека.

— Все мужики, как только оказываются подальше от дома, сразу в холостяков превращаются, — вставил дедушка Жанузак.

— Родом с юга, оказывается. Из Темирлана. Сказал, что там мать с младшим братом живут. Младший брат имеет семью.

— Он, наверное, не женился потому, что решил отучиться и устроиться на работу...

— Кто его знает, чужая душа потемки. Надо его рабочий телефон записать. Вдруг пригодится, кто знает? — сказала мать Анары.

Анар слышала весь этот разговор из своей комнаты, но ей не было дела до постороннего человека, появившегося в их доме.

На следующий день она увидела, как из ванной выходит взрослый парень среднего роста с темными волосами, с серыми глазами и черными точками от прыщей на лице. Лицо его было еще влажным. «Здравствуйте» поздоровался он с Анар и прошел мимо. Потом она увидела его с кухни смотрящимся в зеркало в коридоре. Он был одет в новую белую рубашку. На крахмаленном воротничке красовался галстук. Брюки были отутюжены, словно лезвие ножа. Одел на ноги черные, как смола туфли и обратился к бабушке Анары, со словами:

— Апа, на замок закройтесь? Я пошел, — закрыл дверь.

— Фуф, какой он страшный... Прыщавый весь. Противно смотреть, — сказала Анар бабушке, — и где только мама его откопала?

— Мама-то тут при чем? Он же сам позвонил по объявлению в газете.

А что, работник целого министерства. Нам и нужен был такой — респектабельный жилец. Вчера оплатил арендную плату сразу за месяц.

— Тоже мне, здороваается еще так скромненько «Здравствуйте...».

— А что он должен был тебе сказать? Наверное, посмотрел на тебя и подумал, что ты взрослая

девушка. Как его там зовут, одноклассника твоего, который в гости заходит, Дамир, вроде? Как он что ли, «Привет!», должен здороваться? Он госслужащий, образованный, — стала бабушка защищать жильца, хоть и заметила, что он не понравился Анар.

...Прошло уже некоторое время с тех пор, как Кайыр стал жить в этом доме. «Куда это Кайыржан запропастился?» стали беспокоиться о нем, как о собственном сыне дедушка Жанузак и бабушка Зейнеп, если он немного задерживался. Особенно нравилось дедушке Анар, когда в воскресные вечера квартирант заводил долгие беседы на интересные исторические темы. И только Анар все также недолюбливала Кайыра, ставшего для дедушки и бабушки словно родным внуком.

В один из дней у Анар не заладилось с решением задачи по физике. Она спутала формулу для определения силы тока с формулой для определения силы напряжения и голова ее шла кругом от всех этих формул. Дверь в ее комнату была открыта. Кайыр зашел в комнату и посмотрел на Анар, у которой не получалось решить задачу.

— Давай мне, я решу, а ты пока перечитай правила физики.

Анар, и так сидевшая без настроения из-за нерешающейся задачи, разозлилась. Она приняла эти слова Кайыра за насмешку.

— Во первых, Вы меня не дразните. Во вторых, не заходите в комнату без моего разрешения.

Кайыр не стал обращать внимания на эти слова. Вместо этого он подошел еще ближе к Анар и легонько постучал по спине несколько разбалованной девушки.

— Гордость есть у каждого. В данном случае гордость не уместна. Понятно?! У тебя же формула не правильная. Было бы странно, если бы задача решилась, — сказал он и улыбнулся.

Анар промолчала. Кайыр еще раз просмотрел задачу по физике и быстро нашел решение. Может

из-за того, что вымотавшая ее задача решила так быстро, с этого дня Анар стала тепло общаться с Кайыром. Как только у нее появлялось свободное время, она сразу же заглядывала в комнату Кайыра и интересовалась у него о разных вещах. У них вошло в привычку вместе решать задачи по математике и физике.

— Скажите, а Алматы красивый город? А наша Астана красивая? Я до сих пор не была в Алматы. Но я была в Москве вместе с отцом. А вы в каких странах были? — не давала она покоя Кайырбеку, задавая много разных вопросов.

— Какие иностранные языки ты учишь?

— Арабский и английский.

— А где ты хочешь учиться после окончания школы?

— Конечно, в Евразийском.

— А потом что?

— Хочу поступить в аспирантуру.

— А дальше?

— Ну-у, дядя Кайыр. Вы же специально задаете мне эти вопросы, что бы я отвязалась?!

— Анар, — говорит он, глядя на нее, — в какого парня ты влюблена в классе?

— Ни в какого.

— Ну, хорошо. А какой парень влюблен в тебя?

— Никакой. Вот Вы даете, разве можно задавать такие вопросы?.. Если Вы будете вести со мной такие разговоры, я об этом расскажу бабушке.

— Я тоже скажу, что ты вместо того чтобы учить уроки, закидала меня вопросами.

Анар умолкла и опять уткнулась в книгу. Кайыр заметил, что ее светлое личико покраснело. Ему нравилось, что все эмоции красивой девушки читались на ее лице. Сейчас девушки, в основном, не такие. В них нет нежности. Наверное из-за того, что насмотрелись эротических фильмов, в них нет стыдливости и смущения. Видимо, взрослые в этой семье воспитали ее в лучших традициях.

по Анар было сразу видно, когда она смущалась или стеснялась. Наверное, такими и должны быть непорочные девы. А Кайыр понимал, что сейчас ряды таких девушек редеют.

Только они с Анар успели привыкнуть к друг другу, как Кайыр сообщил, что съезжает жить на другую квартиру. Причиной этого было то, что с недавнего времени он общался с Кунзирой, девушкой примерно одного с ним возраста. У Кунзиры, работавшей в Управлении железной дороги, была своя квартира и Кайыр частенько бывал у нее в гостях. И конечно, вследствие его посещений, Кунзира забеременела. Теперь надо было жениться. До подготовки к свадьбе еще есть время. Кунзира предложила Кайыру переехать жить к ней до свадьбы.

За год совместного проживания Кайыр привык к пожилым людям и к Анар как к родным. Да и с Анар, которая иногда относилась к нему с такой нежностью, словно родная сестренка, жалко было расставаться.

А Анар, учившейся в 11-ом классе, казалось, что она не сможет прожить ни одного дня, если не увидит Кайыра. Она впервые начала прихорашиваться перед зеркалом и ухаживать за собой, словно взрослая девушка. Непонятно почему, но даже неприглядная внешность Кайыра стала ей нравиться.

— Дядя Кайыр, а когда Вы женитесь? — спросила она однажды.

— Наверное, лет в сорок.

— А сколько Вам сейчас лет?

— Мне 20 плюс 12... — Они вместе рассмеялись.

— А ты когда замуж выйдешь? — задал ей Кайыр встречный вопрос.

— Я еще подумаю. Наверное, сразу после окончания учебы...

— А ты меня пригласишь на свою свадьбу?

— ?!

Анар не ответила.

Когда она узнала о том, что Кайыр от них съезжает, ей стало как-то не по себе. Что делать? Может он останется, если сказать ему «Дядя Кайыр, не уезжай от нас». Нет, нет..., так говорить нельзя. У дедушки и бабушки тоже не было настроения, видимо, сильно привыкли к Кайыру.

— Так..., значит он говорит, что завтра съезжает на другую квартиру? — спросил дедушка Жанузак у бабушки Зейнеп.

— Он сказал, «Апа, я наверное женюсь». Видимо у этой девушки есть своя квартира.

— Хм... Ну да, правильно. До каких пор ему бобылем ходить? Пусть так и будет. Хороший он парень. Разве мы теперь найдем такого квартиранта?

Вечером Кайыр пришел домой с большой сумкой.

— Апа, я мясо на базаре купил. Казы-карта. Завтра же воскресенье. Давайте, сварим, покушаем. И еще торт купил. Торт, который нравится Анар.

— Сынок, мяса же дома и так полно. Целый морозильник набит мясом. Не стоило покупать.

— Нет, апа, я хочу Вам дастархан накрыть, получить Ваше благословение.

— Ну, тогда все правильно, — сказала Зейнеп апа.

На следующий день накрыли дастархан, поели мяса, попили чай. Было выпито пара рюмок коньяка. За столом не было только Анар.

— Ну, сынок, доброго тебе пути. Дом наш знаешь. Ты нам вторым сыном стал. Двери для тебя всегда открыты. Приходи, будем всегда рады... — сказал дедушка Жанузак с некоторым волнением.

— Анар что-то не видно. В школу, что ли, ушла? — спросил Кайыр.

— Она как узнала, что ты съезжаешь, сама не своя ходит. Сказала «скоро приду» и ушла куда-то, — ответила бабушка.

— Анар хорошая девушка, апа. Это благодаря Вашему воспитанию. Главное, чтобы была счастливой. В этом году школу заканчивает.

Я обязательно приду ее поздравить в тот день, когда ей аттестат будут вручать, — сказал Кайыр, и встав из-за стола, стал собираться.

А Анар в это время стояла на мосту через реку Есиль. Внизу журчала река. Она постоянно протирала платочком слезы, капавшие по щекам из ее глаз.

— Я люблю его! Люблю! — прокричала она во весь голос. Проходившие недалеко люди посмотрели на девушку, разговаривающую сама с собой. Простояв так до самого вечера, Анар пришла домой и позвонила в дверной звонок.

— Апа, что-то у меня голова болит. Я прилягу, — сказала она бабушке открывшей ей дверь, прикрывая ладонью опухшие от слез глаза.

По этой причине она теперь и лежала в кровати с высокой температурой.

Анар не знала, что бабушка с дедушкой вызвали по телефону «Скорую помощь». Она подняла голову, когда в комнату, постучав, вошел русский парень с рыжими и спросил:

— А где больной?

— Охо! Какая красивая девушка! Почему же это она болеет? А ну-ка, расскажите мне, что это с Вами случилось? — произнес врач, снимая с шеи аппарат для прослушивания легких.

— Уже два дня, как она не поднималась с кровати. Ничего не ела. У нее высокая температура. Говорит, что болит голова, — сказали дедушка с бабушкой.

Анар почувствовала, что температура немного спала. Жанузак аксакал и Зейнеп апа, которые понимали, что врач разденет девушку, чтобы посмотреть ее состояние, вышли из комнаты. Как только они вышли, Анар пршептала врачу:

— Я не больна, я влюблена в одного человека.

— А-а-а, вот как? Понимаю, понимаю. А этот человек находится далеко?

— Он жил у нас дома, снимал комнату. А теперь уе-е-ехал насовс-е-ем, — расплакалась девушка,

— Он хочет жениться на другой, на другой де-е-вуш-ке-е... а-а-а, — еще пуще заревела Анар.

— Да перестань плакать, не стыдно ли? А он знает, что ты любишь его?

— Не-нет. Не зна-а-а-е-ет.

— Сколько тебе лет?

— Скоро исполнится семнадцать...

— Доктор, что с ней? Простыла, наверное, да? Носит тонкую шапку, иногда даже уходит в школу без головного убора. Может быть, выпишете лекарства, мы купим, что надо.

Зейнеп апа вновь вернулась в комнату.

— Не бойтесь. Выздоровеет. Я вот выписываю лекарства. Вы оставьте нас, пожалуйста, еще на пару минут. Я сам все разъясню Анар, — сказал врач. Бабушка снова покинула комнату.

— Это первое чувство. Любовь. Когда человек влюблен по-настоящему, он заболевает. Но зачем ты столько горюешь из-за безответной любви? Он не стоит твоих слез. Вы еще юны, красивы, пригожи. Еще не раз полюбите, и Вас будут любить. Допустим, что Вы любили этого квартиранта. Но он-то Вас не любит? Не так ли? Вы разве хотите, чтобы человек которого любите, был несчастлив? Поэтому не стоит так глубоко переживать. Я выписал для Вас успокоительное лекарство. Принимайте его по инструкции. Вам следует постараться выздороветь и забыть квартиранта. Сходите с подругами на дискотеку. Если любите слушать музыку, послушайте музыкальные произведения, — сказал врач, и пожал горячую ладонь Анар.

— Он не знает, что я его люблю. Может быть, мне следует написать ему письмо с признанием в любви?

— Никогда не делайте так. Тем более, если он в самом деле собирается жениться. Вы можете помешать его счастью. Забудьте его, девушка, выкиньте из головы. Такие чувства бывают у всех, и у меня было. Вы вступили во взрослую жизнь. А в жизни бывают и везение, и неудачи. Вы мне обещаете, что забудете его? — протянул врач руку. Анар кивнула головой. И тут же из ее глаз брызнули слезы и она отвернулась к окну.

— Анар, звонит Кайыр, он, оказывается, узнал, что ты заболела. Хочет поговорить с тобой. Вот, — бабушка подала Анар трубку. Тут же Анар соскочила с места и схватила трубку.

Она не стала ждать, что скажет Кайыр на другой стороне трубки, быстро произнесла:

— Кайыр ага! Я люблю Вас! Люблю... Я влюблена в Вас! — сказала девушка напористо. — Больше не звоните. Я постараюсь Вас забыть, — и нажала на отбой.

Затем она поднялась с места с чувством легкости в теле.



СОБАКОВОД

Инеш не любит эту собаку. Но что поделать, если огромному противному псу, похожего на годовалого бычка, дали полную свободу. Щеки подобны мешкам, глаза красные, вислогубый пес. О внешнем виде его и говорить нечего — страшный, вид наводящий страх. Не понятно, за какие такие его качества и добродетель, хозяин два раза в день выводит пса на чистый воздух и выгуливает. Люди и за детьми, наверное, так не ухаживают. Больше всего Инеш злило, что время их прогулки утром и вечером совпадало со временем ухода на работу и прихода. Сколько можно обходить их улицами. Как только увидит Инеш, пестрое страшилище, не обращая внимания на других прохожих, кидается к ней. Когда эта напасть, высунув язык, без ошейника начинает к ней приближаться, у молодой женщины тут же начинают дрожать и холодеть конечности. Хозяин

очень сильно доверяет своей собаке. В тот же миг он приказывает и отзывает пса назад:

Командир, на-зад!

Пока пес не повернет назад, Инеш стоит еле живая. Только после того, как он поворачивается обратно, она со звуком «Ух!», переводит дыхание. Вот такова ее жизнь с тех пор, как арендовав квартиру, переехала на новое местожительство.

В один прекрасный день она гневно накинулась на хозяина собаки:

У Вас что, кроме как Командира Вашего, нет другой работы?! Вы за ним ухаживаете, словно за ребенком, обхаживаете его. Или у него какая-то особенная порода? ! Каждый день вы путаете меня вместе с Вашей собакой. Вам, наверное, необходима специальная площадка для прогулки с собакой. Здесь дети, а вдруг случится беда? Почему не надеваете на него ошейник?

Почему Вы говорите, что у меня нет работы? Как раз это и есть моя работа. Я ухаживаю за этой собакой.

— Что Вы такое говорите? Шутите, что ли?

— Нет, я говорю правду.

— И какая у Вас ежемесячная зарплата, собаковод?

— Он проявив хладнокровие, улыбнулся.

— Нам самим хватает. Если хотите знать, около тысячи долларов, в курсе не теряет.

— Из-за одного этого пестрого страшилища?! Хорошо-то как. Да...выводите на свежий воздух, кормите, купаете, духарите его...

Пока негодующая женщина перечисляла все виды ухода, которые полагалось бы оказывать человеку, тот не моргнув глазом, улыбаясь, выслушивал ее.

Хозяин его, видимо, денежный человек, если может держать человека для ухода за собакой?

Ну это, видимо. Вы и сами прекрасно чувствуете. Жена моя готовит еду для Командира

и для меня. Я сам занимаюсь его уходом. Купаю раз в два дня. Два раза в день выгуливаю. Его предки из английского королевства, дворцовый, породистый пес. Вся его родословная прописана в карточке. Хозяин привез его щенком из Германии. Она — женщина. Скончалась в аварии и пес по наследству достался ее брату. Вообще-то, этот пес любит женщин. Вы зря его боитесь. Он хочет ластиться к Вам. Поэтому и бежит, как только увидит Вас. Я уверен, что он не будет Вас кусать.

Только хотела Инеш с мыслями «С вами все ясно», двинуться дальше, как собаковод продолжил свою речь.

Ой, он, бедняжка, когда скончалась его хозяйка, полгода хворал от внутренних переживаний. Скулил ночи напролет, приложившись мордой об пол. Мы ставили для него кассету с видеозаписью его хозяйки. И тогда он облизывая телевизор, скулил и лаял. Вот так. Затем молодой господин для ухода за любимой собакой сестры, нанял меня. Я был зооветеринаром. Они как-то пригласили меня, когда приболела собака, чтобы обследовать ее. И предложили мне уход за ней. Это и для меня удобно. В городе нет скота, которых надо обследовать, только собаки и кошки. Чем скудная зарплата, для меня было удобно ухаживать за этой собакой. Согласился. Вот так, вот. Сейчас должен подойти молодой господин. Сегодня хочет забрать его с собой в зимнюю дачу. Там будут готовить шашлыки. Будет выгуливать пса, искупает его.

Он бы еще много говорил. Но тут показалась черная иностранная машина. Пестрый Командир побежал в сторону машины. Из нее показалась голова молодого симпатичного мужчины в короткой куртке. Не успела машина остановиться, как собака повиснув передними ногами на стекле, стал оближивать щеки мужчины. Тот тоже, будто маленькому ребенку, ласково говорил: «Все-все, хватит. Смотри, как соскучился... Умница

моя, дорогой мой, любимый мой» не жалел он добрых слов. Затем открылась задняя дверь машины, и собака уселась на корточках на заднее сидение. Молодой господин коротко переговорил с собаководом, будто давал ему какие-то поручения, и тот тоже сел в машину. Затем черная иномарка, объезжая ее, проехала перед Инеш.

Инеш, у которой зарплату мужа и ее кое-как хватило на содержание трех детей и аренду квартиры, и еле сводила концы с концами, и которая устала от всего этого, тяжело вздохнула. Невольно ею овладела мысль, что «Ныне жизнь породистых собак становится лучше, чем человеческая жизнь».



СЕМЬ ДОМОВ СТАРОГО СТОЙБИЩА

В этом ауле ныне идет дым только из труб семи домов. Ближайший к краю дороги с высокой крышей, с железными заборами дом, основание которого сплетено из красного кирпича, принадлежит бывшему заведующему мастерской Алимжану. Затем, на противоположной стороне следующей улицы, на небольшом расстоянии, ближе к старому детскому саду стоит дом Сейсена с серой крышей. Третий дом, давно влившегося в казахскую среду азербайжана Оспана. Чуть дальше расположен небольшой, без черепицы, выбеленный известкой домик одинокой вдовой женщины, которая в советские времена была передовой дояркой, депутатом районного совета, которую зовут Алима, а люди за крутой нрав и вспыльчивость в соре за глаза называют Айкайкок (смысл — шумливая злая женщина). Прямо рядом с этим домом саманный дом Оразбая,

который был склонен к религиозности, теперь же отравив бороду, ставшего муллой аула. В шестом и седьмом стоящих рядом домах — жилище Еламана и Жоламана, неразлучных братьев, исходящих от одних предков, которых в народе называют Кос найман — Два наймана.

Во всех этих семи домах живут и находятся малые дети, женщины, вместе со стариками и старухами — всего человек тридцать, во дворах пять-шесть собак, три-четыре кошки. В расположенный слишком далеко от районного центра в этот населенный пункт человеку трудно добраться, но если доберется, то тяжело выбраться обратно. Потому как пути сообщения с центром расположены отдаленно. Примерно, в двадцати, в двадцати пяти километрах. Летом еще куда ни шло, но в зимнюю стужу не каждый путник отважится приехать сюда. К тому же боятся диких зверей — волков в степи. Так как не стало мелких зверушек — зайцев и другой живности для кормушки, воюющие от голода волки время от времени стали наведываться на домашний скот в загоне. После того, как в прошлом году один русский и один казах, которые воровали провода электрических столбов, с целью сдачи цветного металла и получения прибыли, погибли от нападения волков, никто не осмеливается выезжать в этот край по своей воле.

Таким образом, семь домов, оставшихся на старом стойбище, в течение семи лет влачат свое существование. Одним словом, аул, который скинут со счетов живых и остался только в поле зрения Всевышнего. Кажется, этим оставшимся на старом стойбище людям, Всевышний проявляет свое милосердие. Как бы там ни было, до сих пор никто не болел и не хворал. Даже когда жены Еламана и Жоламана по два раза рожали дома, врачебная помощь не понадобилась. Ангелочки родились сами. а теперь и растут сами по себе. Летом, по истечении шести месяцев поехали и зарегистрировались в районном центре. Родившаяся до них малышня выросла, бегая босыми по снегу, играют и сейчас.

Никто из них ни разу даже не чихал. Кажется здесь и у взрослых крепкое здоровье, по крайней мере, никто не заболел, и не жаловался ни на головную боль, ни на другую хворь. Все живы-здоровы, живут своим чередом обыденной жизнью. За пять-шесть лет ни разу не навещалось ни руководство района, ни руководство области, даже не вспоминают и не думают, что «Здесь когда-то жили люди, и что с ними происходит». К слову, приезжали летом. Приехавшие на легковой машине трое-четверо, то ли девушки, то ли женщины, сказав, «Окажем материальную помощь социально уязвленным семьям», собрали домочадцев семи домов и составили список имеющегося у них скота. Когда увидели перечень скота из списка, они удивленно произнесли: «Ойбай, если такое количество скота в самом деле принадлежит вам, то вам и социальная помощь не нужна, можете прожить, продавая молоко, мясо, шерсть и шкуру». Составили акт, и заставили расписаться на бумагах из папки. Вперед вырвалась Айкайкок Алима:

Не болтайте зря, никто в ауле не работает и не получает заработную плату. Все только и знаем, что нюхаем задницу этой самой скотины, чуть ли не молимся, больше ухаживаем за скотом, нежели за детьми. Даже если будем подыхать с голоду, никто не проведает нас. Что же это вы с половины пути сворачиваете помощь, которую дает правительство, присваиваете ее, думаете только о своей глотке?! Будем писать Президенту или же всей гурьбой поедem в Астану в Парламент, который только и знает, что издает законы! сказала она, повышая голос. Другие женщины молчали, не издавая ни звука, будто знали, что Алима позаботится о их судьбе и расскажет обо всех их невзгодах.

— Эй, бабы, говорите же обо всем, что наболело. Обычно вас не заставишь умолкнуть. Что же теперь притворяетесь кроткими? Почему не говорите, что не можете получить даже одноразовое пособие по рождению ребенка? Тут двое-трое детей, которые перешли рубеж, когда уже надо идти в школу. Школа

расположена далеко, жить у чужих в нынешние лихие времена не получится. И когда же эти ваши дети пойдут учиться, когда им исполнится по пятнадцать лет, что ли? Шырынкуль, ты что застыла, почему молчишь, — она посмотрела на сидящую рядом жену Жоламана с неприкрытой грудью, которая после кормления ребенка не полностью застегнула пуговицы.

Видимо, приехавшие члены комиссии побоялись, что споры затянутся, и стараясь сгладить ситуацию, стали говорить вежливо:

Апай, не сердитесь. Мы же объясняем. Тем, у кого есть корова с телеенком, социальная помощь не полагается. В аулах есть люди, у которых нет даже захудалого козленочка, помощь будет оказана им. А вот согласно вашему списку у вас достаточно живности, — сказала женщина не поднимая глаз от папки, которую держала в руках.

Вторая с тонкими алыми губами, приятная на вид женщина, вскинувшись, посмотрела на людей недоброжелательно. Хотя и старалась не подавать виду, но все же выразила свое неодобрение одним резким словом:

Наоборот, от вас надо забрать лишний скот!

На тебе, черта с два получишь!... — Айкайкок Алима тут же проявила свой крутой нрав и показала им палец в неприличном жесте. — Уезжайте тем же следом, что и приехали!

Алимжан, который считался зажиточным человеком в ауле и имел большее поголовье скота, увидев, что спор все более нарастает, посчитал, что не стоит осложнять ситуацию и стал призывать приехавших женщин к перемирию:

Ладно уж, от того что даст человек, ничего не изменится. Алима, остановись, прекрати бушевать! Пусть Бог не лишает своей милости! Если нам не положена социальная помощь, можете забрать с собой. Но милые мои, посудите сами: допустим, что это хорошо, жить на прибыль от скота. Но где мы должны релизовать полученную от скота продукцию?

Живем далеко. Транспорта нет. Оптом у нас тоже никто не покупает. Сами все и потребляем. Волки только и отбирают у нас. Масло и мясо, полученные от скота невозможно ни на что поменять. Так и сидим. Единичные торговцы и те избегают из-за отдаленности. Потому как нет бензина для машины. Вот сами и подумайте... Ведь сами знаете, каковы требования рынка, — так он успокаивал обе стороны.

Как только женщина в летах, прикрывающая морщины на лбу рыжей покрашенной челкой, которую время от времени кокетливо встряхивала, у которой были очки на глазах, приказала:

Дорога дальняя, поехали, — тут же серая «Волга» утопая в пыли, исчезла из поля зрения.

В свое время хозяйство под названием «Авангард» процветал, выращивая тучный скот и собирая богатый урожай зерна. Слава его распространилась далеко и по области, и по республике. У народа было высокое благосостояние. В каждом втором доме были машина и мотоцикл. В центре был универсальный магазин, чуть поодаль высился Дворец культуры. Был клуб, даже столовая, парикмахерская, баня, дом быта. К концу каждого месяца сюда стекались артисты и умельцы. Теперь вот с приходом рынка, основная масса народа переехала в город, а оставшийся семь домов влачат такое неприглядное существование.

Жизнеспособные жители маленького аула, утром и вечером собираются у единственного колодца. Поят скот. Хотя и знают, что колодцу надо пристроить мотор, иначе может иссякнуть вода, но никак не доходят руки для сбора средств, все черпают воду бадьей. С одной стороны, им самим вроде бы как полезно черпать воду бадьей. Хоть у колодца есть возможность пообщаться, спросить друг у друга о житье-бытье, о домочадцах. И о мелких насущных делах. У них вошло в привычку рассказывать даже о своих снах, толковать их, делиться своими мыслями. Причиной разговора могли быть и семь-восемь голов коров, пять-шесть лошадей, тридцать-сорок овец и коз, и даже то, которые из них стельные, которые

скинули, так как жизнь крутилась вокруг них, и они очень бережно относились к ним.

Раньше, до прихода рынка, когда процветал советский период, из широкоруслой реки Караторгай, расположенной примерно в пятидесяти километрах, был проведен трубопровод, и в каждом доме из крана текла вода. Те времена люди называют «благодатными временами коммунизма». Во времена приватизации трубы для воды срезали и растаскали. С тех пор люди испытывают нужду в питьевой воде. Спасает их колодец Тасболата, который тоже чуть было не зарыли во времена «коммунизма». Никто не знает, сколько лет этому колодцу, стены которого укреплены жженными кирпичами. Некоторые люди говорят, что ему более шестидесяти лет. Из тех, кто помогал рыть этот колодец, нынче в живых никого нет. Он, оказывается, был, когда уже организовывали колхоз. А колхоз, после того, как был организован, просуществовал более сорока лет. Прошло уже семь-восемь лет после его реорганизации. Как бы там ни было, хозяин колодца, который ушел из жизни без потомков, ныне словно воскрес. Как рассказывает мать Еламана, которому перевалило за восемьдесят, как только тот вернулся раненым с фронта, несмотря на хромоту, вырыл этот колодец, и оказывается сказал: «Кажется, вода из этого колодца целебная, как только приложил воду к ране на ноге, так она сразу и зажила». Впоследствии они и сами как бы убедились в этом. Как только перестали пить воду из речки и перешли на воду из колодца, реже стали болеть желудочно-кишечными хворями.

Хоть и говорили об этом, но воду из колодца никто так и не обследовал. Так как колодец был расположен ближе к дому азербайджанца, издавно хозяйничал и ухаживал над колодцем старик Оспан. Изначально Оспан поил из колодца свой скот и поливал огород. А какая вода у старого колодца! Прозрачная и с особым приятным вкусом. Стоит только выпить чашку воды в летний зной, как тут же ощущаешь облегчение и бодрость, будто заново

родился. Когда стираешь, то вообще даешься диву. Не нужно никакого стирального порошка, не разогретая холодная вода хорошо отстирает любое грязное белье. И те, кто пригоняют скот на водопой, разговор начинают с этой самой прозрачной воды колодца.

Кажется, на дне колодца есть родник. До самого рассвета блестит, наливаясь до краев. В один год как-то хотели почистить его, тогда еще Ержигит был живой. И когда они с Тансыкбаем вместе залезли в колодец, то говорили, что не достали дна. Это и есть благодать, данная нам Всевышним, предначертанная богом доля, - начал разговор старик Оспан, поставив молодую жену-казашку, на которой женился после того, как умерла его старуха, с которой он прожил сорок лет, тянущую бадью.

Нашлась тема для начала разговора. Теперь следом пойдут и другие темы. Разговор пойдет об истощенной земле, о воде, об изнашивающейся природе, о загрязненном воздухе, о людях, о скоте, о трудностях времени, о рынке, о чванливых новых богатых, об испытывающих нужду новых бедняках, о том, что правительство обделяет аулы вниманием, о благосостоянии народа, о скудной пенсии, которую трудно получить, если самим не ехать в районный центр, о скоте, который является единственным источником жизнеобеспечения, и только после обсуждения всех этих насущных проблем, разговор начинает затихать. И в этот момент напившийся воды скот начинает тереться друг о друга, затем уже и бодаются. Хозяева начинают отгонять их друг от друга.

Эк, эк! Эй, что же это он делает, а? Лезет на мостелку? — Алима бьет прутиком, которого держит в руках по рогам темно-серого быка.

Алима, Алима, говорю тебе! — протягивает голос, произносит в этот момент Алимжан. — Да прекрати уж лезть между скотиной. Между ними взаимопонимание, что ты лезешь... Им тоже бедным, надо... — Затем он покачал головой. — Не зря говорят, что скотина бывает похожей на хозяина.

От того что и сама никого не подпускала к себе, ничего в итоге не выиграла. Помню, ты говорила, что телка твоя нестельная, смотри, как бы не осталась без молока...

Алимжан хитро прищуриваясь, улыбнулся и подмигнул окружающим, как бы призывая их поддержать его.

Да пропади ты, пропадом! Нашел тему для шутки, и детей не стесняешься... И постареть подобающим образом не умеешь. Проглотил весь керосин совхоза, не подавился даже железосодержащими предметами... Теперь стоишь, как ни в чем не бывало... Из-за таких как ты, жизнь и не ладится. Выжил всех местных, которые здесь жили, теперь смотрите-ка на него, как соловьем заливается. Когда в давние времена был активистом, это ты, оказывается, предложил зарыть этот колодец. А хочешь, приватизирую единственный оставшийся от деда колодец, и оставляю тебя без воды?! Чем смотреть по сторонам, лучше бы черпал мне воду бадьей, а? Все разбазарили, обокрали под предлогом приватизации. Теперь вот стоишь, насмехаешься надо мной, будто я сиротинушка оставшихся на стойбище семи домов. Что же ты не уедешь в район или в город, не сгинешь с глаз? Все, у кого водились деньги, уехали ведь уже... — Алима со злостью хотела вылить полное ведро воды, которое держала в руках в корыто, но удержала.

Куда я поеду без тебя? Если уеду, буду скучать, не уеду никуда, — Алимжан продолжил дальше дразнить Алиму.

А-а, у тебя сегодня, видимо, игривое настроение, давай тогда поиграем по-настоящему. На тебе, не уедешь!... — сказала Алима, и вылила на Алимжана полное ведро воды.

Алимжан, на которого вылили ушат холодной водой в зимнюю стужу, весь вымок с головы до пят, что даже на усах застыл лед. Народ, наблюдавший эту картину, разразился бурным смехом. Алимжан тоже вытирая лед на усах, смеялся громко, издавая отрывистые звуки. «Эх, Айкайкок, что мне с тобой

делать, ты не была бы Айкайкок, если не поступила подобным образом», говорил он, сглаживая застывающую на морозе одежду... Это было не первый раз, когда Алимжан и Айкайкок-Алима играючи спорили и бранились подобным образом, оба упрямо отстаивая свое. Односельчане не раз бывали свидетелями их подобных игр-шуток. Стало традицией, когда одна из сторон перебарщивала своими шутками, задевая чье-либо самолюбие, то извиняющаяся сторона приглашала домой и накрывала стол. Поэтому, те, кто находились у колодца, подстрекали их к соре и натравливали друг на друга, ожидая, когда один из них возьмет сегодня вину на себя. Люди, наблюдавшие, что Алимжан весь продрог от ледяной воды, и щетина на щеках стала колом, стали кивать в сторону дома Алимы:

Ойбу, Алеке, как же Вы в таком виде пойдете домой? Заболеете ведь, если только не согреетесь у горячей печи Алимы, не попьете горячего чая и бульона. Когда Вы еще в таком виде доберетесь до дома? Можно и простыть, если быстро не добежите до ее расположенного вблизи дома, и, полностью сняв мокрую одежду, не укутаетесь в одеяла...

И в этот миг к ним подошли скотоводы Дауыт и Рашид, которые пасли скот аула: коров, овец и коз, выводя их за пределы аула. Под ним были гнедые лошади. Они тоже подошли, делая вид, будто привели лошадей на водопой, в самом же деле, им тоже было интересно понаблюдать за происходящим. Ныне эти двое являются опорой семи здешних домов. Являются защитниками и людей, и скота. Один из двоих — это единственный сын старика Оспана. Случилось так, что ему в глаз попал кусочек камыша, и стал он косить на один глаз, из-за чего не пошел служить в армию и не женился. Его называют старым холостяком, зовут его Рашид. Второй же младший сын Алимжана — Дауыт, от которого было мало проку, исколесил он и город, и степь, не учится и не работает; одним словом, никак не может пристать ни к одному берегу. Однако, все жители аула день и ночь молят о благополучии этих

двоих. Как же иначе, если они охраняют их скот и от степных, и от людских волков.

В позапрошлом году случилось так, что в вечерних сумерках приехали какие-то люди в масках и, застрелив скот аульчан, которых они готовили для зимнего забоя — согым, загрузили в машину и увезли. Жители аула, основная часть которых состояла из женщин, не сумели противостоять вооруженной банде в масках, наоборот, были рады тому, что остались живы и здоровы. На угрозу Алимы, которая кричала на них:

— Ах, кровопийцы проклятые! Все равно найдем вас, будете гнить в тюрьме! — один из бандитов, здоровый такой громила, без тени смущения грозно сказал:

— Заткнись, дура, пока тебя саму не пристрелили! — и потащил к машине пристреленную корову, из бока которой текла кровь.

Все это событие так и осталось нераскрытым. Навряд ли могло быть по-другому, так как сообщение о разбое дошло до участкового в районном центре, прошло три дня. Пока тот составил акт и дал его подписать потерпевшим из семи домов, прошла еще неделя. Пока тот еще неоднократно брал у них объяснительные, прошло еще три недели, что так и накрылось все медным тазом.

Дауит, милый, думаешь, отца твоего приберет к себе бог, - говорила Алима. — Не снимай свой тулуп. Сейчас он пойдет домой. Помассирую его и выведу из него весь холод. Если твой отец скукожится от холода, то твоя мать будет съезживаться от ревности, думая бог весть что о наших играх. Потом, милый мой мальчик, возвращайтесь сегодня с пастбища пораньше. Все равно снег глубокий, не сможет скот щипать траву. Эти все не отстанут от меня, пока не заставят меня поставить мясо на варку. И вы побудьте вместе со всеми, после обеда...

Не успела произнести Алима эти слова, как стоящие рядом люди загудели:

Алима, чаем одного Алимжана будешь потчевать,

или мы тоже пойдем сейчас вместе? — говорили одни, другие тут же подхватывали:

Ой, какой же сегодня хороший день! Видимо, будем угощаться мясом у Алимы, а? Давайте же, играйте вот так почаще, обливая друг друга водой, — хитро улыбалась молодая жена Оспана.

Когда в этот день после обеда люди, собравшись у Алимы, только начали приступать к трапезе, как послышался гул подъехавшей машины, которого не слышали за все шесть зимние месяцы. Все, кто были за дастарханом, были удивлены этому гулу. Даже дети, которые обычно выбегали приезжающим машинам, не тронувшись с места, так и остались сидеть возле своих родителей, не желая оторваться от вкусной еды. Так как из дома никто не выходил, собаки во дворе подняли невообразимый гвалт. Машина, объехав внешнюю сторону, подъехала к дому. Двое из трех мужчин, одетых в тулупы с приподнятыми воротниками, не зная, стоит выходить из машины или нет, прикрикивали собакам, смешивая казахские и русские слова:

Пошел вон! Кет! Вон отсюда, пошел!

В своем дворе и собаки бывают грозными. Что им их окрики «Пошел вон! Кет!», они разбушевались еще больше, казалось, что так и хотят разодрать в клочья непрошенных гостей.

Эй, Султан, сходи, посмотри! Что это собаки разлаялись? — произнесла Алима четырехлетнему мальчугану, сидевшему с краю, вытирая слезящиеся от лука глаза, на что, тут же откликнулась мать ребенка:

Да не надо, у него ноги босые, сама я схожу, - и, поставив пиалу с бульоном на край дастархана, поднялась с места.

Есть кто в ауле? — постучал в окно хозяин приехавшей машины.

Все мы здесь, — сказала вышедшая на улицу женщина, но опасаясь, что эти люди могут быть скотокрадами как в прошлом году, быстро вошла в дом обратно и произнесла:

Дауытжан, выходи-ка с ружьем, кто их знает...

Не только один Дауыт, но и все, кто находились в доме, отложив мясо в сторону, всем скопом вышли на улицу.

То ли устал от долгого пути, то ли это его обычный вид, мужчина с прыщавым лицом в тулупе произнес важно:

Вы совсем тут одичали, оказывается. Вместо того чтобы пригласить в дом, что это вы наставляете на людей ружье?! — изобразил он на лице подобие улыбки. Но вид его был холодным и грозным. Со всеми мужчинами поздоровался за руку, произнося «Ассалаумалейкум», и прикинув на глаз, что тот является старшим среди всех, обратился к аксакалу Надиру.

— Аксакал, кое-как добрались до ваших мест. Нам говорили, что в прежнем «Авангарде» авангардные люди сумели сохранить поселение, поэтому и приехали. В центре идут выборы. Привезли бюллетени. Идут выборы в депутаты Мажилиса. Мы приехали от центральной Избирательной комиссии. Вам надо проголосовать... Туф-ф, как же вы живете на отшибе? Кое-как нашли вас... — произнес человек, ожидая, что пригласят войти внутрь и потирая руки.

Ойбу, да проходите же в дом, прямо к столу приехали, добрым словом, оказывается, отзывается о нас, — сказала Алима на правах хозяйки дома. — Проходите, а то уже и еда остывает...

Тогда, проходите в дом, послушаем вас, что зря стоять у порога, — произнес аксакал Набир, словно вождь аула, важно шагая вовнутрь.

Нас ищут, когда что-то надо. Э-э, можно подумать, что выборы новых депутатов зависят от наших голосов?! Выбирайте их сами. Кому нужен был этот аул в свое время? Вот, смотрите на этих детей. Есть дети школьного возраста. Где они должны учиться? Уже семь лет, как закрылась школа. Врачебной помощи не дождешься, даже если будешь умирать. Питьевой воды нет, сколько просили залатать трубы Караторгая посередине дороги? А

теперь что, вдруг во времена выборов понадобились жильцы семи домов, оставшихся на старом стойбище для сбора голосов? Никто из нас не подпишет ни одну бумагу. Кто этот депутат, которого будут избирать, что за человек? Пусть сначала решит проблемы семи домов. Как он собирается решать проблемы страны, если не может помочь одному аулу? Если бы здесь были условия, никто не уехал бы в город. Остались только те, кто не может оставить родные края. Если бы не колодец Тасболата, давно бы все вымерли в этой пустыне: и люди, и скот. Сначала поправьте наше положение, пусть все будет как у людей, иначе мы никому не верим, - громко признал Алимжан, который сидел за столом, накинув чапан, после того, как узнал, зачем приехали гости, которые угощались едой.

После этого не осталось не одного человека, который не вмешивался бы в разговор. Никто не шумел, как бывало обычно, каждый старался говорить спокойно, основательно и обоснованно. Все, указывая на обтянутый голубой тканью ящик, говорили: «Никто из нас не будет голосовать».

Это что за человек, который будет депутатом? Ведь избираются же депутаты и без наших голосов? Знаем мы, человек, которого поддерживает аким, любым способом получит большее число голосов и избирается с депутатом. Но в любом случае, передайте избираемому депутату, пусть приедет и посмотрит своими глазами на наше положение! — твердо говорили присутствующие.

Никто из присутствующих так и не узнал, что один из приехавших является уполномоченным представителем депутата.

Пока публика шумела подобным образом, с улицы без головного убора, в легкой куртке забежала одна из многочисленных дочерей Жоламана Гульнур.

У мамы схватки. Коке, она сказала, чтобы ты быстро пришел домой. Кульсун аже, Вас тоже зовет. — маленькая девочка смотрела то на отца, то на смуглую старуху из толпы.

О, Аллах, бедняжка, вчера только говорила, что снился вещий сон. Пусть ангелы поддержат ее. Ойбу, что вы сидите, встали все, пошли быстро, — засуетилась старуха, к которой обратилась девочка, и, сунув ноги в галоши, засемила к выходу.

За ней суетливо направился рослый Жоламан, который растерялся от услышанной вести и бормотал под нос:

Ну, баба, нашла время рожать, когда приехали люди. Недавно только вроде была здорова...

Вот негодник, нашел что говорить. Лучше просил бы, «чтобы жена была жива. здорова, чтоб схватки были легкими!» — негодовала еще одна старуха.

Видимо, гости тоже посчитали себя участниками судьбы женщины, рожающей в такую стужу в отдаленной от районного центра ауле, кто-то из них участливо произнес:

Что, она будет рожать вне роддома? — удивленно посмотрел он на своих попутчиков.

Алиму разозлил глупый вопрос усатого мужчины, и она накинулась на мужчину:

— Милый, разве ты сам сюда на самолете прилетел? Или видел где-то по пути роддом? Все люди аула, это и есть те, кто сейчас находится здесь. Что ты выводил меня из себя пустой болтовней. Вон там вон находится роддом, под снегом. Без окон и без дверей... Лучше бы спросил, где врач. Но нет даже фельдшера. Прежнего фельдшера Жумана сократили. Ему, бедняжке, говорят, тоже несладко в городе. Платит аренду, работает где-то... одним словом, кое-как, оказывается, сводит концы с концами. Лучше молитесь Всевышнего, чтобы все прошло благополучно. Не зря говорят «если приходит хороший гость, овцематка приносит ягнят-двойняшек». Думаете, легко рожать в таком пустынном месте, где нет врача? Пусть Аллах ее поддержит!

Затем, смягчвшись, Алима произнесла:

— О, Аллах! Так она хотела сына. сохрани ее и дай сына! — протянула руки ладонями наверх.

— Берите, кушайте. У нас в ауле здоровый образ

жизни, спиртное не употребляется. Поэтому, не обессудьте, — после того, как ушли старшие, Дауыт подвинулся поближе к гостям.

Меня удивляет то, что вы все ведете себя как члены одной семьи, — произнес сидевший посередине прыщавый мужчина, с аппетитом налегая на мясо.

А как же иначе, коль все уехали из аула. Аким района, оказывается, сказал, что нет основания для расширения и реорганизации аула.

Сидевший рядом мужчина в шапке-ушанке промолчал. Однако, чувствовалось, что у него есть свое мнение по данному поводу.

В этот момент с улицы забежала гурьба детишек и наперебой стали говорить:

— Суйинши, апа, суйинши! Мама родила сына!

Растерявшаяся Алима бормотала:

— О, боже, что же мне вам дать? — пошарила в карманах, но ничего не нашла. Затем, чтобы дотянуться до черного чемодана, стоявшего в верхней части комнаты, она обратилась к гостям:

— Подвиньтесь немного... Мне надо открыть его...

В этот миг усатый гость вытащил из кармана двести долларов зелененьких купюр и произнес:

— Вот вам суйинши от меня, возьмите. Чья же мама родила? — спросил он у ребятешек.

— Моя! — раскрасневшись, громко воскликнула Гульнур. Усатый гость оказался щедрым, каждому из четырех оставшихся детей он раздал по пять тысяч тенге.

О-о, ага обогатил вас, — загудели сидящие люди с одобрением.

Алиму тоже умилила щедрость мужчины.

— Ойбу, смотри-ка на этих сорванцов, получили на суйинши доллары, теперь уже и не ждут, что я им дам. Гульнур, подожди, милая. Пусть мама сошьет тебе из этого платье, — она дала девочке блестящую ткань с белыми цветочками.

— Вы оказались приносящими счастье и удачу гостями. С вашим приездом пополнились наши ряды.

родился мальчик. Теперь той будет дома у Жоламана, — все стали подниматься с мест.

Тут и Алима, которая не знала, как выйти из дома, оставив гостей, подхватила их:

— Да, верно, мне тоже надо будет пойти и поздравить бабушку. Она всегда говорила, что «девочек от Жоламана увидела, теперь бы дожидаться сына», — с пылающим лицом поднялась она с места и стала убирать посуду.

Приехавшие люди со значением посмотрели друг на друга. Будто переговаривались между собой: «Каким будет итог нашего дела? Эти люди вроде, как и не собираются голосовать. Заняты сами собой».

С приходом весны до аула дошла добрая весть. Колодец Тасболата, оказывается, является источником залежей подземных минеральных вод. В них выявили семь видов редких минеральных кислот, которые полезны для организма человека.

Один из приехавших зимой троих, после того, как попробовал воду из колодца, оказывается, забрал с собой бутылку воды. Заочный наследник колодца Айкайкок-Алима, когда услышала эту новость, оказывается, кричала от радости во весь голос и плакала навзрыд: «Мой ата воскрес, мой ата воскрес. Воскресла и я, бесплодная, которая не родила им сына — продолжителя их рода». Говорят, что следом она зарезала стригунка и сделала той для жителей аула.

Если вдруг вам в руки попадет минеральная вода «Тасболат», и вы попробуете ее вкус, я думаю, перед вашим взором пройдут семь домов старого стойбища и люди этого аула.

ДЕВОЧКА ЗМЕЕЛОВ

У Акадила родилась четвертая дочь. «Оу, поздравляю с новорожденной, да ты же разбогатеешь, когда получишь за своих дочерей выкупы от женихов», — поздравил его с подковыркой сосед и сверстник Еркимбай. Тяжелые схватки жены, продолжавшиеся со вчерашнего дня беспокоили Акадила мыслями о том, что же будет с четырьмя детьми если что случится с женой во время родов и Акадиль молившийся о благом исходе, вздохнул с облегчением услышав крик новорожденного ребенка. Как же горько для него прозвучали голоса женщин помогавших его жене разродиться. «Сорок кобылиц, сорок кобылиц» воскликнули все они одновременно. Акадиль, сидевший у своего неказистого дома, после этих слов пошел в сторону сарая и стал седлать коня.

«О господи, еще одна дочь. Неужели нельзя родиться хоть одному сыну».

Сверстник Еркимбай теперь уж точно ехидничать будет. Ох, как неприятны его подковырки. «Акадиль, дай мне переночевать одну ночь рядом с твоей молодой женой, видит бог, тогда у тебя точно сын родится. Я у тебя за это и просить ничего не стану. А ты избавишься от звания человека не имеющего сына. А знать об этом только мы и будем» говорил он не раз. Теперь, когда узнает что родилась еще одна дочь, опять заведет старую шарманку. У него же семь сыновей, вот и хвастает этим. «И дочь и сын, все от бога. Кого дал, того и дал», - решил он про себя в конце концов.

На побережье Дарии густо росла джигида. Акадиль поехал в ту сторону. Зачем он туда едет? Сам того не ведает. Конь под ним, словно зная секрет хозяина, медленно петлял по серой дороге. В какой то момент подъехав к густо поросшей зеленыю поляне, возле словно специально посаженным в ряд деревцами джигиды, он произнес:

— Сто-ой лошадка, папасись пока тут, а я вздремну, - после чего слез с коня и улегся на зеленой траве. В течение двух суток, пока длились тяжелые схватки жены, Акадиль переживавая, тоже не сомкнул глаз. Как только постелил чапан под голову, так и дал храпу под благоухающий запах джигиды. В какой то момент он проснулся от звука встревоженного храпа коня. Тело его от чего-то покрылось мурашками и как будто окоченело. Быстро приподняв голову он заметил, как от его изголовья уползает коричневая змея, с плоской, словно у дракона, головой.

— Упаси бог, а-а-а. Если бы не конь, не миновать мне змеиного укуса, — подумал он, встал с места и только тут заметил, что уже наступил вечер.

А в это время в в небольшом домике Акадила собрались его близкие родственники и друзья, зарезали в честь рождения ребенка скотину, напекли баурсаков и накрыли дастархан. Женщины ни

словом не напоминая, что родилась девочка, заботились о Катшайым, приготовили ей попить напиток из растворенного курта с маслом. Горячий бульон тоже был готов.

— Отец, где же Вы были все это время. Проголодались, наверное, — спросила с заботой об отце подбежавшая к нему двенадцатилетняя дочь Сара. Акадиль любил своих дочерей. Ему нравилось, как они, проявляли заботу, оберегали и помогали друг дружке. Среди них Сара, родившаяся после Манат, была по особому близка к отцу, как мальчик, всегда с удовольствием помогает отцу, и всегда хочет помочь выполнить хоть какую-то часть отцовской работы. Вот и сейчас, она взяла коня под уздцы, помогла отцу слезть и поделилась с ним новостями:

— Отец, бабушки хотят назвать девочку Ултуар. Чтобы мама следующий раз родила мальчика...

— Все в руках божьих. Хотят чтобы была Улболсын, так пусть будет Улболсын, — произнес Акадиль и пошел в дом.

— Дорогой ты мой, куда это ты пропал, с утра тебя не видно. Это ты так обиделся на то, что невестка дочь родила, аж исчез с глаз долой? Это не правильно — выбирать ребенка. Затра именно эти дочки и будут приносить тебе радость, каждая из них породнит тебя с другим родом, сделает сватом. Дочка будет тебя оберегать и заботиться о тебе. Будем живы, еще вместе будем гулять на их свадьбах и радоваться. Пока тебя не было, я тут пораспоряжалась немного. Баранов не трогали, зарезали козленка и приготовили еду, — сказала ему названная старшая сестра Шамшинур, указав место во главе стола подсаживающемуся Акадилю.

— Сестра, козленок сгодится разве что на бульон для Катшайым. Сейчас я скажу, чтобы зарезали барана, — произнес Акадиль — это не правильно. Полно же дома и крупной, и мелкой живности.

— А, ну тогда ладно. После того как ты сел

на коня и усакал неизвестно куда, тут и козленка зарезать никто не решался. Это хоть я на себя ответственность взяла, сказала «если будет ругать, пусть меня ругает. Гости придут поздравлять, что их за пустым дастарханом встречать? Да и Катшайым, хозяйка этого дома, а ей надо бульон попить», - сказала сестра и взяла в руки подостывшую пиалу.

В тот день приехало много гостей из аула, ребенка назвали Улболсын, высказывали пожелания, чтобы следом родился сын. Однако, маленькая Улболсын прожила всего два месяца, после чего заболела краснухой и покинула мир.

А жизнь в доме изо дня в день продолжала идти своим чередом. В один из таких дней, дядя Акадия — Сулейман, приехавший из Кызылорды, принес домой в сумке птенца беркута. Клюв черный, как смола. Глаза сверкают, взгляд пронзительный. «Псик, псик, псик» подал птенец скрипящий звук.

— Акадиль, в течение года расти в своем доме вот этого птенца беркута! Есть примета, что в доме где держат охотничью птицу, обязательно рождается сын. Даст бог, родится и у тебя сорванец, который оседлает твоих скакунов. Специально из-за этой приметы принес его тебе, — сказал он.

— А чем его кормить, дядя? — спросила маленькая Сара, с интересом слушавшая разговор, сидя с краю дастархана.

— Ну-у, так ему только красное мясо и надо подавать. Зимой зайчатину, легкие молодого скота, а летом может и змеиное мясо кушать. Откуда же постоянно быть легким свежезарезанного скота, — сказал гость, приехавший издалека, объясняя ей как взрослому. Сара погладила птенца по голове. «Я наловлю тебе летом змей. Только бы и у нас дома был мальчик. Если у нас родится маленький братик, то и люди перестанут говорить о матери, что только девочек и способна рожать», — подумала она про себя, от души желая рождения младшего брата.

Беркуту определили место в правой половине дома. Акадиль соорудил для него подставку из

джигиды. Если говорить «Псик, псик», птенец оборачивался, поворачивая шею. Зимой пищи для птенца было достаточно. Акадиль охотился на зайцев и сайгаков и кормил его красным мясом. Однако, непонятно по какой причине, Акадиль сам будучи заядлым, метким охотником попадающий в глаз дичи, так и не научил беркута охотиться, а растил дома. Весной кормил его мясом пары козлят. Летом он почувствовал, что придется непросто.

— Пойдем, дочка, будем вместе змей ловить. Ты же не боишься змей, — позвал он в один из дней Сару и пошел с ней в степь, в густые заросли кустарников. В те времена, не то что сейчас, можно было смело говорить, что пески Кумшыганака сплошь покрыты змеями. Большие змеи крест накрест пересекали дорогу, и даже не обращали внимания на людей. Степные змеи цвета пыли, желтоватые. Иногда они словно древесные ящерицы, забирались на стволы деревьев и смотрели по сторонам, вытянув шеи. Песочные змеи красноватого оттенка. В жару они закапываются в песок и спасаются от зноя. Змеи сверху, змеи снизу, и в песке, и в воде змеи, однако никто не слышал, чтобы кого-то из жителей аула укусила змея. Змеи словно дружили с людьми, они никого не трогали.

Акадиль поднялся на песочную грядку Кумшыганака. Он ударял змею лежавшую под песком плетью и как только виднелась голова бил в нее острым концом шеста, который держал во второй руке. Змея шипела, била хвостом землю и на этом все и заканчивалось. Он собрал полумертвых змей в сумку и принес их беркуту. Проголодавшийся беркут с клетотом проглатывал змей и наедался. В последнее время Акадиль стал отправлять Сару одну.

— Посмотри там в зарослях кустарника. Я вчера там видел пару змей. Убей их и принеси, — говорил он ей. Сара не боялась. Даже если и боялась, желание вырастить беркута и помочь осуществлению мечты

отца о сыне, было сильнее страха. «Это все из-за того, что у отца нет сына, а иначе, разве он брал бы меня с собой», думала она. Он пообещал, что если мама родит сына, то они отпустят беркута на волю. С такими мыслями и надеждами она несмотря ни на что, смело шла, убила немало змей и кормила ими беркута.

Вскоре всем стало известно, что Акадиль держит дома беркута, а его маленькая дочь охотится летом на змей и кормит его. Когда об этом услышал попидавший многое старец, он сильно испугался.

— Говорят, иногда духи предков превращаются в змей. Зря он это делает. Лучше бы научил беркута охотиться. Или пусть режет мелкий скот, или же охотится на зайцев. Это не приведет к добру. Кумшыганак это древняя урочище змей. Они не позволяют просто так делать им зло в своей обители и отомстят. Неужели он не боится этого? — передал он свое наставление через людей, общающихся с Акадилем.

Это было время, когда люди переселялись из летнего пастбища на новое место. Жена Акадила родила ему большелобого сына. Зарезали белого верблюда, сделали большое торжество со скачками. Сара тоже не может нарадоваться.

— Отец, давай теперь отпустим беркута, пусть сам себя кормит. Чем сидеть привязанным, ему будет лучше летать в небе, — попросила она.

— Отпустим, дочка, отпустим. Крылья у него окрепли. Не птенец, найдет себе пристанище, — сказал Акадиль и развязал кожаный колпачок, одетый на голову птицы. Однако, беркут взлетел в небо и вновь опустился на полено во дворе.

— Посмотри-ка на него, привык уже, что же с него взять, не хочет раставаться. Два-три дня, ну, максимум неделю так полетает рядом, а потом улетит, — восхищались взрослые люди беркутом.

— Нет, он еще птенцом привык быть ручным. Вряд ли он теперь вообще улетит. Таким беркутом мог бы парить в небесах, — говорили другие.

«Как бы там ни было, он принес радость в твой дом, у тебя родился сын, так что можешь и дальше его держать, главное научи охотиться», - говорили некоторые.

И в самом деле, спустя неделю беркут взлетел над домом, спустился, сел на крышу, после чего с клеточком «Ци-иик! Ци-икк», взлетел ввысь. Сара вместе с другими девочками заплакали, не желая расставаться с беркутом:

— Он хочет от нас улететь, он прощается.

— Ну, хватит, что за глупости, нельзя попусту плакать, плохая примета, пусть найдет себе пару. все, не плачь, вставай, - утешал отец дочку. Беркута так и не видели больше ни осенью, ни зимой. И охотники тоже не говорили, что видели его.

Следующим летом Акадиль пас скот недалеко от песков Кумшыганака, и присел отдохнуть у ствола одинокой джигиды. Сквозь сон он почувствовал как будто ему воткнули иголку в палец и вскочил. Вокруг никого. Скот пасется. «Да-а-а, приснится же однако», подумал он и посмотрел на палец, на котором было только маленькое пятнышко, словно от занозы. Когда он снова прилег на то же место, то услышал как будто чей-то шепот. Но внимания на это не обратил. Некоторое время спустя, он почувствовал сильную боль и увидел что его рука опухла по локоть. Нет, это не заноза уколола, когда он спал.

— Вот оно что! Меня укусила змея! Чувствовал я, что так и будет... — понял все Акадиль. Хочет встать с места, да не может. Голова кружится и весь мир перед глазами вверх дном. Кое-как, в таком полубредовом состоянии, он дополз до стоящего на привязи коня.

Конь довез полуживого Акадила до дома. От сильной жажды он выпил ведро воды, но его вырвало. Опухоль не отходила. Горло пересохло. Все попытки лечения не помогали. Так он и слег в постель. Пять пальцев на его руке покрылись гноем.

Опухоль поднявшаяся до локтя тоже не отходит. Он смотрел, как его сын из своей детской кровати тянется к нему, но не мог взять его в руки.

— Сын мой единственный, что же мне теперь делать? Не суждено, видимо, мне порадоваться твоим успехам. Главное, чтобы ты здоровым вырос, — пробормотал Акадиль тихо, чтобы жена не услышала. На глаза навернулись слезы. Повернулся в сторону двери.

— Папочка, не говори так, пожалуйста, — попросила его рыдавшая тринадцатилетняя Сара.

Судьба свое взяла. Акадиль скончался в сорок девять лет, когда сын, о котором он так просил бога только начал говорить первые слоги «па-п, па-па». Некоторое время спустя, Сара, которая в этом доме всегда была помощницей во всем, упала и повредила ногу, что в последствии дало осложнение, нога стала гнить и ее увезли в городскую больницу.

С тех пор в ауле появилась змеиная напасть. Будь то корова или баран, ушедший пастись на выгон, вернувшись вечером они опухали и околевали. Повидавшие люди сказали, что причина всех этих бедствий покойный Акадиль, кормивший беркута пойманными змеями. В конце концов, побоявшись крупного нападения змей из урочища, люди переселились из тех мест в другие.

* * *

В аэропорту Астаны объявили, что приземлился международный рейс самолет А-310 «Эйрбас». Столпившиеся встречающие, не имея возможности подойти к самолету, стояли за специальным ограждением. На трапе появилась миловидная женщина средних лет в красиво уложенном, развевающемся белом платке. Под руку поддерживал моложавый мужчина в форме летчика.

— Наконец-то! Мы на родной земле, — произнесла женщина и посмотрела на мужчину

взглядом, как бы говорящем «можешь отпустить руку».

— А вот и твои дети — сын с дочкой стоят. Встречают тебя. Попробуй пройтись без трости. Пусть наконец увидят тебя идущей без палки, — сказал парень сестре, посмотрев на нее с гордостью.

— Родной ты мой, не зря мы тебя у Всевышнего выпрашивали. Даже когда ходила ловить змей, со слезами на глазах просила «О Всевышний, подари же нам мальчика, который продолжит наш род». Сорок лет я ходила с этой тростью, а ты меня от нее избавил. Другие страны мне показал. Вот теперь вылечил меня заграницей. Слава Аллаху! Исполнилось мое желание, избавилась от этой тяжелой болезни, — взволнованно произнесла женщина и протерла глаза платочком.

— Мама, мама, ты выглядишь как киноактриса. — воскликнула дочь, обнимая приблизившуюся мать.

— Мама, какая у тебя красивая походка, теперь будете твист танцевать, — радостно произнес сын.

— Все это благодаря Воле Всевышнего и помощи моего брата.

Женщина посмотрела на младшего брата. Этот парень, командир авиалайнера крупной международной авиакомпании, был сыном того самого Акадия, родившимся на древней змеиной обители — в песках Кушыганака. А женщина в платке, стоявшая рядом с ним была та самая Сара, его старшая сестра — ловец змей.



КОМАНДА СТАРУШЕК

Старушки, сидевшие на поминках, шумно что-то обсуждали.

— Эй, Сары кыз, ты давай, скажи своему сыну. Пусть возьмет в свою команду моего сына. Слышала, что он на хорошей должности. Поздравляю. Открыл новый автозавод, директором стал. Узнала — обрадовалась. Мой сын с красным дипломом, но не может себе работу по профессии найти. Их отцы как два жеребца, с детских лет вместе росли. Поддержки нет. Работает на автозаправке, а там начальник каждый день увольнением пугает. Говорит, что сейчас все работают со своими командами. Пусть возьмет к себе моего сына.

— Надо своим близким помогать. Пусть моего сына возьмет в свою команду. Сына-то твоего я сама выучила, пока завучем в школе была, аттестат ему с одними пятерками выправила. Сама про то знаешь. Вреда ему от этого не было. До такого уровня поднялся, — вмешался второй голос.

— Ну, посмотрим. Говорит, что ему указания о команде сверху дают. Он же только назначился, ну и это... еще осваивается. Хорошо если послушает то, что я скажу ему, — робким голосом ответила старушка Сары кыз.

Третий голос прозвучал властно:

— Мы с тобой всю жизнь проработали на доярной фабрике в одной команде. Вместе активистами были, служили депутатами в сельском совете, и на пенсию вместе вышли. Сама знаешь, моя дочь, твоя нареченная дочь, сколько уже сидит дома с дипломом без работы, отучившись за немалые деньги. Скажи сыну, пусть нашу дочку в свою команду берет. Не скажешь, сама скажу...

Еле слышно, издали, раздался тихий голосочек:

— Сары кыз, ты прекращай эти свои туда-сюда. Мы же уже, сколько лет в одной команде.. Надо своей командой устроить наших сыновей и дочерей. А то я смотрю, тут все расшумелись...

В конце концов, этот разговор перешел на повышенные тона, перетек в ругань, из ругани в плач и оплакивание тех, кого уже нет рядом. Сидевшие неподалеку безбородые мужчины в возрасте аксакалов с момента прихода на поминальное мероприятие мирно кушавшие свежесваренное мясо, еле разняли своих женщин. Было точно определено, кто кому кем приходится по родственным связям, роду, клану, кто брат, а кто сват. Тут же была образована команда старушек, сыновья которых работали на различных должностях, о которых был конкретно составлен и записан соответствующий список.

Так и получилось, что две женщины дружно жившие соседями в течение сорока лет, и вместе пришедшие на поминки, пошли домой по отдельности. Они оказались в разных командах.

ТОЧНО, КАК В КИНО

Этот аул назывался «Бирлестик», что переводится - «Объединение». Аул был отделением совхоза «Алга», и занимался выращиванием баранов с каракулевой шкурой.

Совхоз приватизировали, скот разобрали, в непростые времена, когда каждый сам выживал как мог, в народе стали называть «Бірлестік» «Аулом тюремщиков».

Ну, а как по-другому, если те кто посильнее подались в «рэкет» и в «скотокрады», смелые в «барымтачей», то есть, в тех, кто насильно отбирает скот, и пошли по этапу.

Родственники их топтались перед тюрьмами, были и те, кто «митинговал» перед судами.

В автобусе марки «Паз», который поддерживал сообщение между городом и аулом, всегда стоял гомон, состоящий из плача, матерщин и непристойностей. Среди них бывали и «политики». То, что Правительство оставило аул без внимания и аул пришел в упадок, что люди испытывали трудности от безработицы, увеличение воровства и краж — все это было нескончаемой темой для обсуждения.

В ауле «тюремщиков» воровство не прекращалось, количество краж все больше увеличивалось. Молодежь аула, у которой не было работы, молодые парни, которых не брали в армию, взяли в привычку воровать провода столбов и сдавать их в городе. Выстроенные в ряд столбы оголились, лишившись проводов, и столбы начали сжигать вместо топлива. Шоссейная дорога между городом и селом, которая раньше заливалась ярким светом, теперь укуталась в мрак.

Подобная тенденция, как заразная болезнь, переходила из одного аула в другой.

Когда в верхах объявили «Год аула» и забрезжила надежда, что жителям села будет протянута рука помощи, многие аулы всем населением успели уже переехать в города. Остался только аул «тюремщиков», из труб неказистых домов которого шел сизый дым.

Недавно вернулся в аул Ардабай, который дольше всех сидел в тюрьме. В свое время Ареке был известным в ауле боксером, который участвовал на различных соревнованиях и о котором писали газеты.

Ардабай пригласил взрослых людей аула домой, зарезал скот для молитвы, получил их благословение. Следом, он, как старший, пригласил на специальное застолье всех людей аула, кто успел побывать в местах не столь отдаленных, преподнес им специальные угощения. Он знал наизусть, кто по какой статье сидел.

Так жить нельзя, — сказал он, — я-то ладно, ушел по международному делу, почти по политической статье, из-за угона Камаза на границе, спутавшись с татаринном. А у вас что? Впутались в какие-то мелкие дела... Скотокрадство, кража провода, кража овец — это же позор...

Все опустив головы, молчали. Ждали, что скажет дальше Ареке.

Теперь взвешенно нужно заниматься глобальными, системными делами. А знаете ли, для этого нужно большое сердце и сила. Я тут посмотрел, в ауле оказывается, остались только мы. У всех у нас есть клеймо «тюремщика». Этим надо гордиться. Народ сказал так, значит, все.

В одном из штатов Америки, оказывается, те, кто освободились из тюрем, организовали свой поселок, занялись земледелием, скотоводством, открыли свой банк и стали очень состоятельными людьми. Я думаю, что мы тоже должны объединиться, чтобы достигнуть такого же уровня жизни, — сказал он.

Ой, Ареке, разве можно их сравнивать с нами? Смотрим в кино и видим, что они только и знают, что грабят банки.

— Кино — это и есть жизнь. Все берется из жизни. А почему бы и нам не ограбить банк? — произнесла наливающая собравшимся чай Алтынгас, отсидевшая 9 месяцев и недавно освободившаяся по льготам из тюрьмы, так как у нее было трое детей, и которая была внучатой снохой Ардабая. — Жалко, нет у меня рядом спутника, похожего на меня. Я всегда мечтаю ограбить один раз банк на крупную сумму, и сразу разбогатеть... Самый верный вариант — банк. Не так ли, кайынага (обращение к старшему деверю)?

— Ты же и поймалась в ювелирном магазине...

— Как же? Меня подвело, что у меня не было нормальной одежды! Заметили, что я приехала из аула. Если бы была одета как городская краля, и на пальцы были нанизаны золотые кольца, никто не стал бы меня подозревать. Я бы запросто ушла бы с добычей, — произнесла она, затем продолжила:

— Короче, я поддерживаю глобальный план кайынаги. Для этого среди вас должна быть женщина. К банку можно подъехать только в черном костюме и белой рубашке, с шикарным портфелем в руках, подобно городским денежным господам. Надо выйти из «Мерседеса», продемонстрировать им деловой вид, затем важно вести разговор о кредитовании или внесении вклада, и между делом, фиксировать, сколько человек работают в банке, сколько из них женщин, сколько мужчин, как вооружены охранники... Все это нужно обследовать как в кино, минимум, 5-6 раз. Не так ли, кайынага?

Кайынага кивнул головой:

— Сноха молодец, — сказал Ардабай, — мне нравится твоя живость.

— Кайынага, я ведь тоже успела хлебнуть горькой баланды...

— Если будет ведущий, мы, младшие братья, сумеем быть ведомыми, — сказал кто-то из присутствующих.

— Но только о каком плане идет речь? Вы же говорили о каком-то глобальном плане. Кто его составит?

??

— Эй, что вы все молчите? Кино, что ли, не смотрите? Каждый день ведь учат по телевизору. Это идея пришла мне, после просмотра фильма об ограблении банка.

— Эй, о каком кино ты говоришь, если в ауле нет света?

— А когда бываешь в городе, не смотришь разве?

— Ой, Ареке, надо же иметь машину, в руки взять автоматы... А вдруг убьем кого-то?... Тогда ведь уйдем по статье №...

Слушавший все это Ардабай, надрывно раскашлялся, опираясь на лежащую рядом подушку. Не стал отхаркивать подкативший к горлу харчок, проглотил обратно.

— В центральной почте ведь есть хорошие деньги, может быть, их возьмем?

— Тупица! Там же деньги пенсионеров.

— Говорят, есть деньги, выделенные на землю...

— Тогда лучше займемся районным банком. На год аула Правительством выделены большие деньги... Но есть акимы, есть их приближенные, разве дойдут эти деньги до нас?.. Распределяют среди своих родственников под предлогом выделения крестьянским хозяйствам...

— Может быть, ограбим самого начальника банка?..

— Эй, не болтай, как малое дитя... Кто сейчас держит при себе деньги? Даже не держат на счетах. Все вкладывают в недвижимость.

Давайте возьмем в залог сына или дочь какого-

нибудь денежного мешка и потребуем выкуп, как в кино...

Перестань, зачем будем мучать безвинных детей...

Короче, как бы там ни было, надо заняться богачами. Неправедным же трудом они разбогатели.

Собравшиеся сидели до поздней ночи, приводя разные примеры. Но даже если не сумели прийти к единому мнению, то все же ушли в сладких грезах, окрыленные словами Ардабая, который повторяя «помните об этом», подкинул несколько идей.

С приходом Ардабая в здешних местах прекратились слухи о кражах. С наступлением весны все мужчины аула «Тюремщиков» отправились в низовья озера «Акбалык», вода в которой высохла давно и берега заросли густым камышом. Говорили, что будут заниматься земледелием, сажать картошку, дыни и арбузы, сеять зерно и просо.

Когда созрел «урожай» «земледельцев» под началом Ардабая, молва о битве между «крышей» и местными полицейскими загремела на весь район и на всю область. С обеих сторон были человеческие жертвы, и Ареке вновь забрали в тюрьму. Однако, точно как в кино, через десять дней его освободили.

Ойбай, оказывается, Ареке освободили сами заключенные. Если он будет лежать в тюрьме, то кто их будет кормить. То, что они засеяли как «зерно», говорят, дурная «трава».

То-то, думаем, что это жители аула «Тюремщиков» стали такими дружными, вот где собака, оказывается, зарыта?

Тихо, чтобы этот разговор остался здесь же. Если услышит Ардабай, мало не покажется.

Ну и пусть слышит. Все знают об этом. Но коль полицейские сами поддерживают, что им сделают другие? Все молчат...

Подобные разговоры затихли через пару дней, настала тишина. Жизнь вошла в обычную колею.

Аул «тюремщиков» стал процветать благодаря Ардабаю. Выросло поголовье скота. Летом сеят «зерно» у реки «Акбалык». Но никто ничего не знает

об этих зерновых угодьях. Возможно, знают о них только полицейские. Они тоже в последнее время прекратили свои происки. Те кто знают, говорят, что полицейские поняли, что без Ардабая им не решить эту проблему. Говорят, не только местные полицейские, но и более высокие чины в последнее время стали заискивать перед Ареке.

Ардабай же начал писать книги о времени, проведенном в тюрьме и стал их издавать в местной полиграфии. Таким образом, он стал совершенствовать свое природное мастерство, его стали называть писателем.

Его детективные книги «Страдания Арлана-1» и «Страдания Арлана-2» сразу получили высокую оценку читателей. Про его творчество говорили «Ойпырым-ай, у казахов не было писателей в жанре детектива. Эти произведения имеют высокую ценность». Из области приезжали специальные корреспонденты, брали у него интервью, показывали по телевидению. Вопросы, обычно, были такого толка:

— Агай, скажите, пожалуйста, Вы были в тюрьме?

— Да, был.

— Сколько лет?

— 6 полных лет.

— За что Вы попали в тюрьму?

— За убийство.

— Ой, агай... Вам не жалко было этого человека?

— ?? Ну, поздно уже жалеть. Впоследствии было жалко...

Ладно, агай. Говорят, что ныне Вы являетесь атаманом аула «Тюремщиков». Но Вы, оказывается, улучшаете благосостояние жителей аула посредством земледовства и животноводства.

— Какими видами зерновых культур Вы занимаетесь?

— Сажаем картошку, арбузы и дыни... много видов, все не перечислишь...

Это же бахчевые культуры. Говорят, что у вас высокая прибыль. К слову, агай, сколько человек из бывших заключенных работают под Вашим началом?

Хватает. Что, нужно точное количество? Примерно, около двадцати, наверное...

— Вы молодчина, агай. Это хорошо, что все вы трудитесь, забыли дорогу в тюрьму. Вы не хотите больше никого убивать?

— Н..н.. нет, конечно. Боже упаси.

— Молодчина, агай. Вы сам являетесь главным героем ваших книг «Страдания Арлана-1» и «Страдания Арлана-2»?

— Нет... конечно, да...

— Ой, агай, Вы и в тюрьме, оказывается, были главным. Пре-вос-ходно!

— Все говорят, что это превосходное произведение. Напишите ли и для меня автограф?

— Напишу...

— Что Вы можете сказать зрителям?

— Пусть живут праведно... Совершают правильные поступки... Пусть подобно нам, не попадают в тюрьмы.

— Вы молодец, агай!

— Уважаемые зрители, сами видите, время нашего эфира подходит к концу. Гость нашей студии — бывший рецидивист Ардабай Бордабаев. Как видите, после тюрьмы он встал на путь исправления, сейчас он знатен своим честным трудом. Даже пишет книги, которые пользуются спросом у читателей.

Аул, который раньше назывался «Бірлестік», а ныне называется аулом «Тюремщиков», процветает благодаря его усилиям. Под его началом сельчане занимаются земледелием и животноводством. Не ожидая помощи от Правительства, сами себя обеспечивают всем необходимым. Пусть среди нас будет побольше таких людей, достойных подражания. На этом завершаем нашу сегодняшнюю передачу. Зрители, желающие связаться с Ардабаевым, могут позвонить в нашу студию.

Наш телефон 22-22-22.

Больше всех радовалась жена Ареке. В книгу, оказывается, вошли ее фотографии в молодости, совместные фотографии со старшим братом с обряда обрезания сына и многие другие. Она демонстрировала

их, всем кто приходил к ним домой. «Видите, здесь и я стою. Это же я» радостно объявляла она.

Теперь люди без страха наведывались в аул «Тюремщиков».

Куда путь держиш?

В аул Ареке... Хотел поздороваться...

Теперь, когда у него было звание писателя, щедрый от природы Ареке не уставал приглашать и принимать гостей: писателей и других лиц, приближенных к литературной деятельности. Но и перестрелки и разборки, которые происходили изредка, и, в которые не вмешивалась полиция, стали обыденным делом для аула.

Говорят, в ауле «Тюремщиков» была перестрелка. Обе стороны стреляли, оказывается, из автоматов. точно как в кино.

Говорят, один человек пал жертвой.

Нет, два человека..

Астафир-ал-ла?!

И чем же все закончилось?

Никого, говорят, не поймали.

А как же погибшие?

Сегодня был намаз, проводили в последний путь.

Где же Ардабай?

Где же ему быть?.. В ауле, конечно. Привозил имама из городской мечети, оказал усопшему все полагающиеся почести, имаму подарил стригунка.

Апырай, надо же, а? А полицейские что, ничего не сказали?

Что там говорить... Все как обычно, ничего не раскроется, все будет шито-крыто.

Видимо, Ардабай подмазал мать усопшего. Она, оказывается, сказала «Не мучайте меня пустыми вопросами. Сын мой умер, его не воскресишь. Все в руках божьих. Претензий к Ардабаю не имею. Если хотите знать, Ардабай наш родственник. Он и вывел моего сына в люди. Как видите, сам нес все расходы по похоронам. Хочет поставить памятник. Кто меня поддержит теперь кроме Ардабая? Не надо усложнять все! Не вмешивайтесь! — накричала, оказывается, она.

Полиции, говорят, ничего и не осталось, как уехать молча. Последствия перестрелки так и остались не расследованными.

Закончив высшее учебное заведение, я приехала в город в поисках работы. Купила рекламную газету, и взгляд мой упал на объявление. Вот это да!

«В бывшем «Бирлестике», в скобках указано: ныне аул «Ардабай», открывается новая начальная школа. Количество учащихся 20. На преподавательскую работу будут приняты молодые специалисты, окончившие высшее учебное заведение с красным дипломом, с хорошим знанием трех языков: анлийского, казахского и русского, владеющие компьютером.

Школа оборудована компьютерной техникой. Высокая оплата специалистам гарантирована. Ни имеющие собственного жилья, будут обеспечены домом в течение года. На начальный этап подготовлены жилые места.

Уважаемый молодой специалист! Если Вы хотите быстро поправить материальное положение, купить супермашину, выезжать на заграничный отдых, просто желаете поправить свое материальное положение, для вас это реальный шанс. Приезжайте, и внесите свою лепту и честный труд в дело воспитания подрастающего поколения. Вы не пожалеете о своем выборе» было написано в рекламном объявлении. — Учителям новой школы помимо высокой заработной платы, ежеквартально будет выплачиваться стипендия имени Ардабая...»

Я сама не заметила, как закричала:

Да здравствует, Ардабай! Слава Ардабаю! В ауле Тюремщиков будет настоящая цивилизация!

Сколько я могу бродить в поисках работы, имея в руках красный диплом. Я отправилась в аул Тюремщиков! Чему быть, того не миновать! Чем сто раз услышать, лучше один раз увидеть. Что я увидела там, расскажу позже. Я и не заметила, что стала героиней событий, точно как в кино. Вы еще успеете прочитать обо всем этом. Я уже начала писать книгу.

РОЖДЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА

Как у вас, я не знаю, а в нашей организации издавна принято отмечать дни рождения. Список дней рождения всех сотрудников находится у старой девы из отдела кадров по имени Салима. Эта девица не знает покоя. В руках постоянно ручка и бумага для ведения записей:

— Так, завтра день рождения Жумака. По 200 тенге. Чтобы все сдали до конца рабочего дня. Некогда мне туда-сюда все время бегать. Ну, кто сдаст? Запишу в список.

После этих слов руки с неохотой тянутся к карману.

— А он стол накрывать будет, ну там чай-пай?

— Жены нет, в аул уехала. Говорит, что не будет накрывать.

— Я после обеда сдам, хорошо? — говорит Жакен.

— И я, — вторит ему Бокен.

— Вам что, ваши жены карманных денег даже не дают? Когда премию получаете, мне часть сдавайте, когда надо будет, сама за вас вносить буду. Так что, больше я заходить не буду, сами после обеда занесите. С этими словами она и уходит.

— А почему мы должны для разных людей деньги по разному сдавать? Для Боташ в прошлый раз по 500 тенге сдавали. Для Жумака по 200 сдаем, — подала голос Жаннат, всегда сидящая сама по себе, накрашивая ногти за своим старым красным столом в глубине помещения.

— Наверное потому, что Боташ начальник отдела.

— Ну и что, даже если начальник отдела, жадина он... Деньги собрать-соберет. Ни разу в жизни даже чаем не угостил. Ладно не будем о девушках говорить. Хоть вам пиво купил бы...

— Ему, оказывается, начальник на день рождения еще и премию выписал.

— Для нас бы так не сделали...

Между слов раздался непонятно чей голос.

— Скоро оказывается день рождения начальника. Ого! Прямо на воскресенье выпадает.

— Ну если на воскресенье, то и поздравлять не будем. А если не будем поздравлять и деньги сдавать не надо, — сказал Жокен.

— Короче, в этом месяце до дома зарплата не дойдет.

— Вот увидите. Эта деваха заставит всех выйти на работу в воскресенье и насильно принудит поздравлять начальника. (Под этой девахой подразумевалась та самая Салима из кадров)

Жаннат как только услышала этот разговор, подошла ко мне и начала шептать в ухо:

— Это правда что между Салимой и начальником шуры-муры?

— Мне-то откуда знать? — делаю я вид, что не понимаю о чем идет речь. А вообще, я тоже слышала такой шушок.

День рождения начальника перевернул распоря-

док нашей организации с ног на голову. В субботу заместитель директора собрал всех, и сделал объявление:

— Как вы все понимаете, впереди выборы. Все организации до проведения этого политического события работают без выходных. Мы тоже будем работать.

— Это противоречит трудовому законодательству, — завредничала я, — выборы выборами, мы-то тут при чем? Есть люди специально определенные в избирком.

— Инеш Бизбикешевна, вечно Вам что-то не нравится, — это подала голос Салима из кадров, — все же сидят молча, не возражают. Кроме того, день рождения начальника будем отмечать.

— Ах, вот как?...Понятно. И по сколько мы будем собирать для начальника?

Мне захотелось уточнить все сразу.

— Начальники отделов по 2 тысячи, рядовые специалисты по 1 тысяче.

— Все сдавать будут?

— Все, кроме Вас.

— А по какой причине мне раньше не сообщили? Почему сообщаете, когда один день остался? — возмутилась я.

— Если помните, в прошлом году Вы подняли шум, что праздновать день рождения начальника подхалимство. По этой причине в этом году Вас не стали включать в список. Сдали только желающие.

— П.. п.. понятно..., — произнесла я скорее сама себе.

Салима словно говоря «так тебе и надо», стуча каблуками вышла из помещения.

Хоть у меня и не было на работе незавершенных дел, к часам 10-ти и я зашла в офис. Смотрю, весь люд нашей организации в полном составе здесь. Ощущение, что пришли раньше обыденного. Все суетятся. Как будто выполняют «срочную работу». В коридоре разносится запах вкусной еды.

— Что тут происходит? — спросила я у Жаннат, понимая что я тут лишняя, но не подавая вида.

— Инеш Бизбикешевна, мы кто что мог приготовили дома, принесли сюда и сдали Салиме. Там стол накрывают. Сегодня же день рождения начальника. Начальник должен подъехать в 11.00. Жокеш с ребятами хотят встретить его на крыльце с музыкой на домбре и песнями. Сейчас у Бокеша в кабинете репитиция идет. Кстати, будет конкурс на лучшее блюдо. Победителя ждет приз.

— Х-м-м-м... Да я смотрю, тут важное политическое событие. Почему мне об этом вчера ничего не сказали?

— Наверное вам не сообщили потому, что Вы вообще против празднования дня рождения начальника! — сказала Жаннат, видимо посчитав, что зря вообще рассказывает мне все это и явно желая поскорее отойти от меня подальше.

А я понимая, что тут все шито белыми нитками, решила поучаствовать на этом мероприятии от начала до самого конца.

Жаннат, которая обычно не упускала случая позлословить о начальнике, сегодня бегала словно заведенная.

В назначенное время все вышли на крыльцо. Салима держала в руках поднос с конфетами. Одежда на ней сегодня была красочная. И косметику на лицо она явно не пожалела. Знающие о ее близости к начальнику, подлизываясь, спрашивали у нее:

— Салима, может что-то еще надо сделать, чтобы получше вышло. Может это сделать, а может это,... — осыпали они ее ненужными вопросами, пытаясь привлечь к себе внимание. Салима обратилась к парню, державшему домбыру:

— Ты только сразу не начинай бренчать. Как только я кивну головой, начнем с песни «Наш дядя самый лучший». Хорошо?

— Ну-ка попробуем:

Наш начальник видный парень, знают все,

Он дела по современному ведет.
Шефа нам такого не найти нигде,
Во всем хорош, в ногу с временем идет.

– Так, теперь припев поем хором:

Хорош наш шеф, бесспорно это,
Не устанешь любоваться на него.
Впереди отличная карьера,
Достижения и слава ждут его.

Наш шеф он лучший, бесспорно это,
В коллективе нашем царят мир и лад.
Все дни подряд работать мы готовы,
Ради шефа каждый будет рад!

Припев:
Хорош наш шеф, бесспорно это,
Не устанешь любоваться на него.
Впереди отличная карьера,
Достижения и слава ждут его.

И в этот момент показалась крыша черного, как смол «Мерседеса». Шофер бодро просигналил. Девушки и парни по сценарию вышли во двор. Салима впереди всех. Из белого подноса полетели конфеты.

– Шеф, поздравляем с днем рождения!
Живите долго!
Всех вам благ! Богатства!
Успехов вам! — раздавалось со всех сторон.

Мероприятие проводили так, словно невесту встречали. Начальник удивлялся, как будто и не ожидал ничего такого. Настала очередь певцов. Они начали как положено. Остальные подхватили свое хором.

Начальник стоит-рот до ушей...Дово-о-льный... Будто и не знал, что готовят подобное мероприятие, спросил басом:

— Эй, ну что это вы тут все сегодня здесь делаете, выходной же?

Начальник, оказывается, и не знал вовсе что у него сегодня день рождения. И дома ему, видно, никто не напомнил.. Он и на работу-то случайно заехал. Оказывается, «Замдиректора позвонил и сказал, что сверху поступило секретное письмо. Предложил неспеша на выходные посмотреть». Вот он и приехал. А вообще его, оказывается, пригласили на другое мероприятие. На него он и собирался... А тут вон что, оказывается...

Как только начальник стал об этом говорить, замдиректора желая чтобы начальник понял, что это «он все организовал», начал лебезить:

— Тапек Журнакович, Вы уж простите... Не обессудьте... Не взыщите... мы тут вот... все вместе... Ваш день рождения хотели отпраздновать... Салима вот... все посоветовались... — успел только он сказать, как Салима отрезала:

— Короче, инициатор я. Сказала — «Ну, как мы будем сидеть дома, когда у шефа день рождения». Кульден Тульденович меня сразу поддержал (подчеркнула она имя замдиректора).

Салима на некоторое время задержала свой взгляд на мне и продолжила:

— Это я сказала, что всем необходимо поработать в преддверии выборов, и теперь весь коллектив собрался, чтобы поздравить Вас. Впереди Вас ожидают и другие сюрпризы, — сказала она повернувшись к начальнику, — а теперь проходите вот сюда.

Весь народ подчеркнуто уважительно стал повторять:

— Да, да, проходите сюда, — словно начальник не знал дороги.

В просторном кабинете отдела кадров была накрыта большая белая скатерть, на которой были всевозможные кушания. Глаза начальника заблестели.

Вот даете... Вот вы даете... — повторял он, пока шел к почетному месту во главе стола.

То, что каждый садился в соответствии со своей занимаемой должностью, у нас уже давно было заведено. Если должность повыше, то даже юнцы повыше располагались. Я в соответствии с этим порядком (тем более незванный гость) заняла место пониже.

— Вот жареная куропатка перед вами — Жаннат для Вас дома приготовила. А манты — мои, — сказала Салима.

— Засоленные огурцы и помидоры Бокена. Вернее, с его дачи.

— А, Бокен, я-то думал, почему ты летом пораньше с работы уходишь. На дачу, оказывается, торопишься? — спросил начальник, и повернулся к Бокену.

— Что Вы, что Вы, Тапек Журнакович, я к даче вообще отношения не имею, — засуетился и покраснел Бокен, словно его поймали на месте преступления, — жена у меня любовитель. Ее заслуги.

Были распиты различные виды спиртного. Начались восхваления начальника. Были сказаны великолепные тосты. Начальнику была подарена кожаная папка.

— Желаю Вам с этой папкой победить на выборах в депутаты высшей Палаты Казахстана, — пожелал Жакен, обычно молчаливый, как будто в рот воды набрал.

— Вот этот казы Боташ принес, — комментировала Салима все блюда, которые были на столе.

— Боташ молодец.. Дома только казы-карта и кушает. Мы такую еду только по праздникам пробуем. — сказал начальник, отправляя в рот нанизанный на вилку нарезанный казы и продолжая болтать.

— В этом году не получилось Вас на согым позвать, — погладив волосы виноватым голосом произнес Боташ. Салима объявила, что подведены итоги конкурса. Раздались аплодисменты.

— Вкуснее всего получились манты. Ну, прямо шикарные получились, — сказали сидящие. Салима

вручили хрустальную вазу. Второе место — Боташ. Ему одели на шею галстук. За третье место вручили Жаннат набор парфюмерии. Четвертое и пятое места — всем, кто принес что-то из дома — были подарены подарки.

Продолжили распивать дальше. Стаканы за стаканами, продолжали стучаться без остановки. В какой-то момент начальник отправил замдиректора сидевшего рядом с ним на другое место. Посадил с собой Салиму. Поцеловал ее в щеку. Обнял за талию. После чего, видимо расчувствовавшись, начал рыдать.

— Это сегодняшнее застолье, оно прекрасное. Прекрасное... Вы — мой родной коллектив. Оказали мне такое уважение, понимаете, в выходной день вышли на работу... вот... видите... Я вами доволен.. И мне нечего от вас скрывать. Салиму люблю и все. Я не боюсь говорить об этом. Хочу, чтобы все вы знали.

— Салима, может пойдём, а? Сколько дней уже с тобой не встречались... Соскучился... Пойдём прямо сейчас.. Любимая моя.. Ты же тоже меня любишь, да?... У нас с тобой служебный роман, скажи же, правда ведь?... Вот они все знают... Но, они ничего говорить не будут. Уважают начальника...

Он посмотрел на сидящих рядом людей. Те закивали головами.

Я привстала, собираясь уходить.

— Куда это Вы собрались? И-и-ине Биз-би-кешев-на?. Вы, Вы.. посидите еще. Никуда не пойдете.. Я про Вас мно-о-ого знаю... Почему Вы были против моего дня рождения? А вот остальной народ не про-о-отив. Потрудитесь-ка объяснить... По-че-му Вы про-тив, спра-ши-ва-ю? Вы ско-ро ис-чез-не-те... Я выгоню! — говорил мне начальник, скрипя зубами.

— Пусть идет, зачем она Вам. Она ничего и не знала о сегодняшнем мероприятии. Случайно сама пришла. А теперь, пусть идет, — сказала Салима, сидящая в объятиях начальника и махнула мне рукой, как бы говоря «можешь идти».

— Не уйдет. Сегодня никто из вас домой не пойдет.. Все останетесь со мной. Сейчас мы все снимем эти рубашки, май-ки. Жарко-же, да? — растегнул он галстук.

— Жарко... — поддакивали все собравшиеся начальнику, — ну, тогда снимайте. Завтра здесь же сразу работу и про-дол-жим, — произнес начальник по слогам последние слова.

Я снова села. Салима окинула меня недовольным взглядом. Что-то прошептала начальнику в ухо. Громко рассмеялась. Как бы говоря своим видом собравшимся «понимаете теперь, кто я?».

Кто знает, возможно, наш коллектив и на самом деле остался бы в тот день на работе. Вдруг с грохотом распахнулась дверь. В помещение, дергаясь, вошла женщина в брючном костюме, с окрашенными светло-золотистыми волосами.

— Хана нам, начальник! — произнес пьяный Бокеш.

Женщина взяла со стола одну из открытых бутылок и швырнула в начальника, окруженного со всех сторон вниманием собравшегося люда. Дастархан был испорчен.

Буквально только что сидевшая как королева Салима, спрятала голову под стол. Началась бабская драка. Салима выглядела как ошипанная курица. Все ее лицо было расцарапано. Она побежала без оглядки.

— Эй! — произнесла женщина, гневно посмотрев на начальника (оказалось, что она его жена), — ты же сказал, что из акимата срочно вызвали, негодяй! Ну-ка, иди вперед! Что за шалман ты устроил и сидишь тут до вечера? Тебя дома семья ждет, а ты тут посиделки устроил? И вы все тоже бессовестные! — сказала она, оглядев собравшихся проницательным взглядом. — Думаете, вы тут что-то хорошее организовали? Подхалимы!

Начальник весь дрожал. Сидит, словно азарт проглотил. Онемел.

...В понедельник все на работе весь день ходили молча. Салима не появилась. Два дня спустя она написала заявление и уволилась с работы по собственному желанию. Несчастливая старая дева и так выглядела не очень, а теперь на ней вообще лица не осталось. Никто так и не решился заговорить о случившемся в тот день.

Начальник так и не пришел. Одни говорили, что он «заболел», другие «уехал вместе с доверенными лицами в район по предвыборной организационной работе». Замдиректора ходил без настроения. Все молча делали свою работу. Работа и без начальника шла своим чередом. Дни рождения не праздновались.

Через месяц директор вышел на работу, собрал весь коллектив и сказал:

— Я многое понял. Все вы, поголовно, провокаторы. Все! Кто был инициатором дня рождения? — посмотрел он на заместителя. — Как мне помнится, ты с Салимой, не так ли, а?! Сегодня же пишите заявление об увольнении по собственному желанию, а сейчас все свободны.

Мы все поспешили выйти в дверь.

— Инеш Бизбикешевна, Вы останьтесь, — сказал он мне. От неожиданности я даже испугалась.

«Что он мне хочет сказать?» только и успела я подумать, как он признал:

— С сегодняшнего дня Вы будете моим заместителем. С высшим руководством я уже договорился. Будем новые кадры подбирать.

Почему было не принять такое предложение!? Приняла. Работа пошла дальше своим чередом. Люди посматривали на меня с недоверием, как бы говоря «а не ты ли истинный провокатор?». Прекраснее всего было то, что больше дни рождения этого Начальника не отмечали. Потому, что в скором времени начальником этого учреждения стала я сама.

СОДЕРЖАНИЕ

Свет темного дома.....	3
Однородные.....	18
Почка.....	25
Справка о смерти.....	35
Прогнившие механизмы.....	44
Приключение в Крыму.....	48
«Будильник».....	59
Измена (травинка в глазу).....	66
«Трудные» соседи.....	87
Брачный контракт.....	100
Год Кролика.....	108
Доверенный представитель.....	114
Женщина имеющая двух мужей.....	120
Потерянные счастье.....	153
Сиделка.....	160
Казан в мусоре.....	177
Красный диплом.....	186
Сын.....	190
Дочь.....	204
Хомут нищего.....	211
Любовницы мужа.....	217
Коктобет.....	224
Злая баба Коккатын.....	228
Жаманшал.....	234
Брак Айсары.....	240
Акжунет.....	245
Джигит горевший на столбе.....	258
Одиночество.....	266
Мсть Есмахана.....	272
Первая любовь.....	280
Собаковод.....	291
Семь домов старого стойбища.....	297
Девочка змеелов.....	317
Команда старушек.....	320
Точно как в кино.....	322
День рождения начальника.....	321

О. ЯШКУРОВА

ЖИЗНЬ БЕЗ ПРИКРАС

Сборник рассказов и повествований

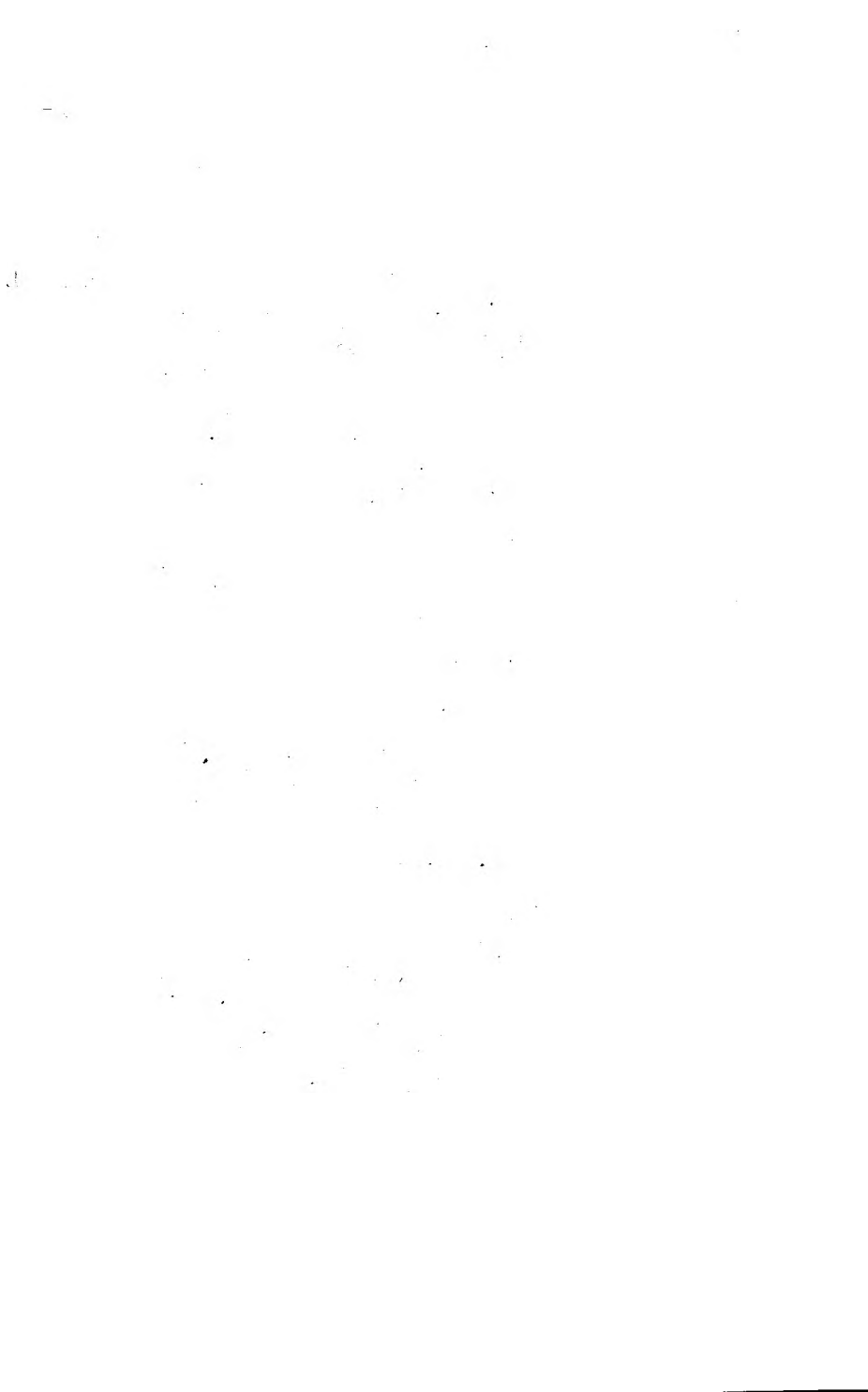
Редактор А. ОСПАНОВ
Дизайнер И. РЫСПЕКОВ
Корректор А. АЛЬМУРЗИНА
Технический редактор Н. СУЙЕУБЕКУЛЫ

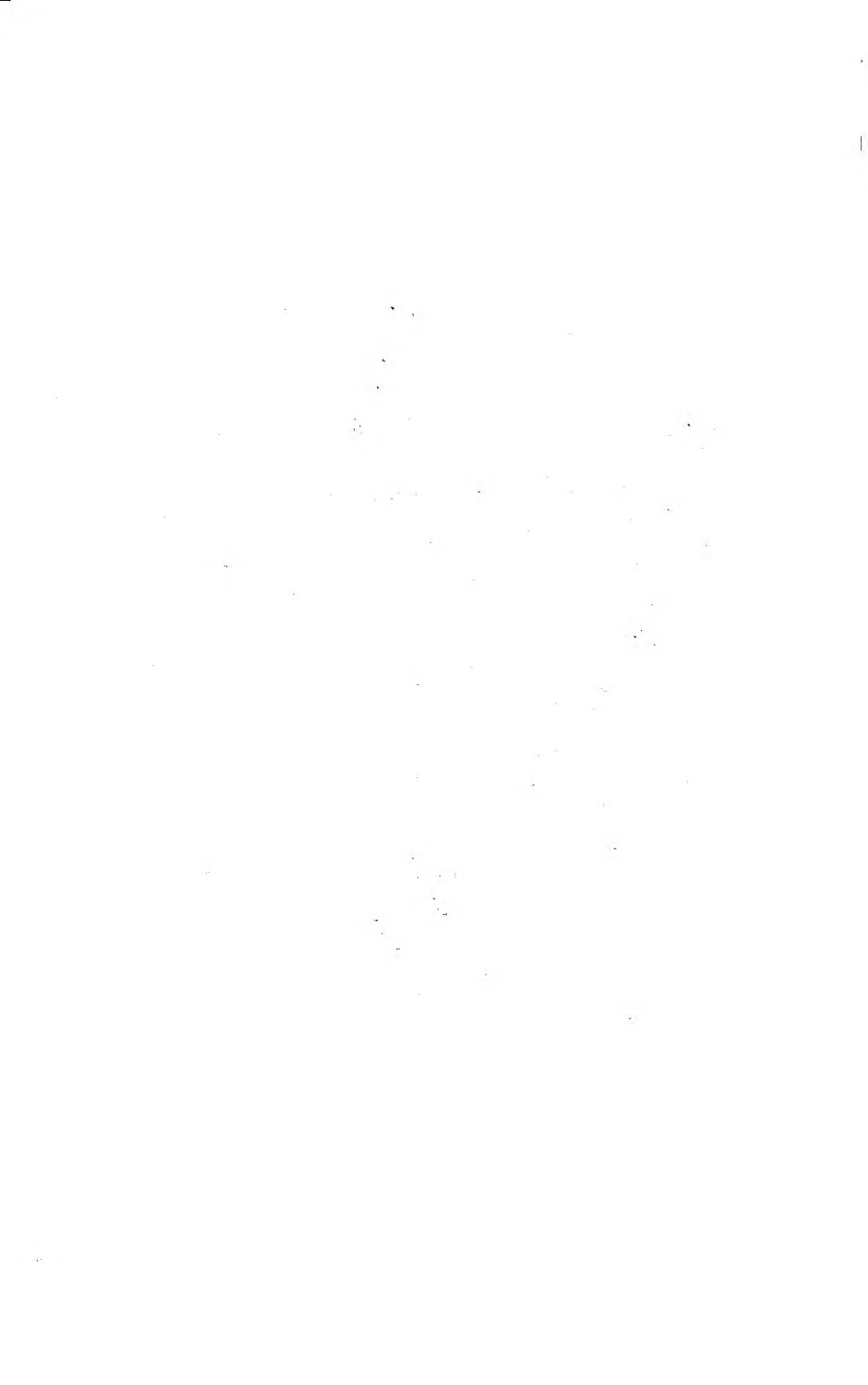


ИБ №13

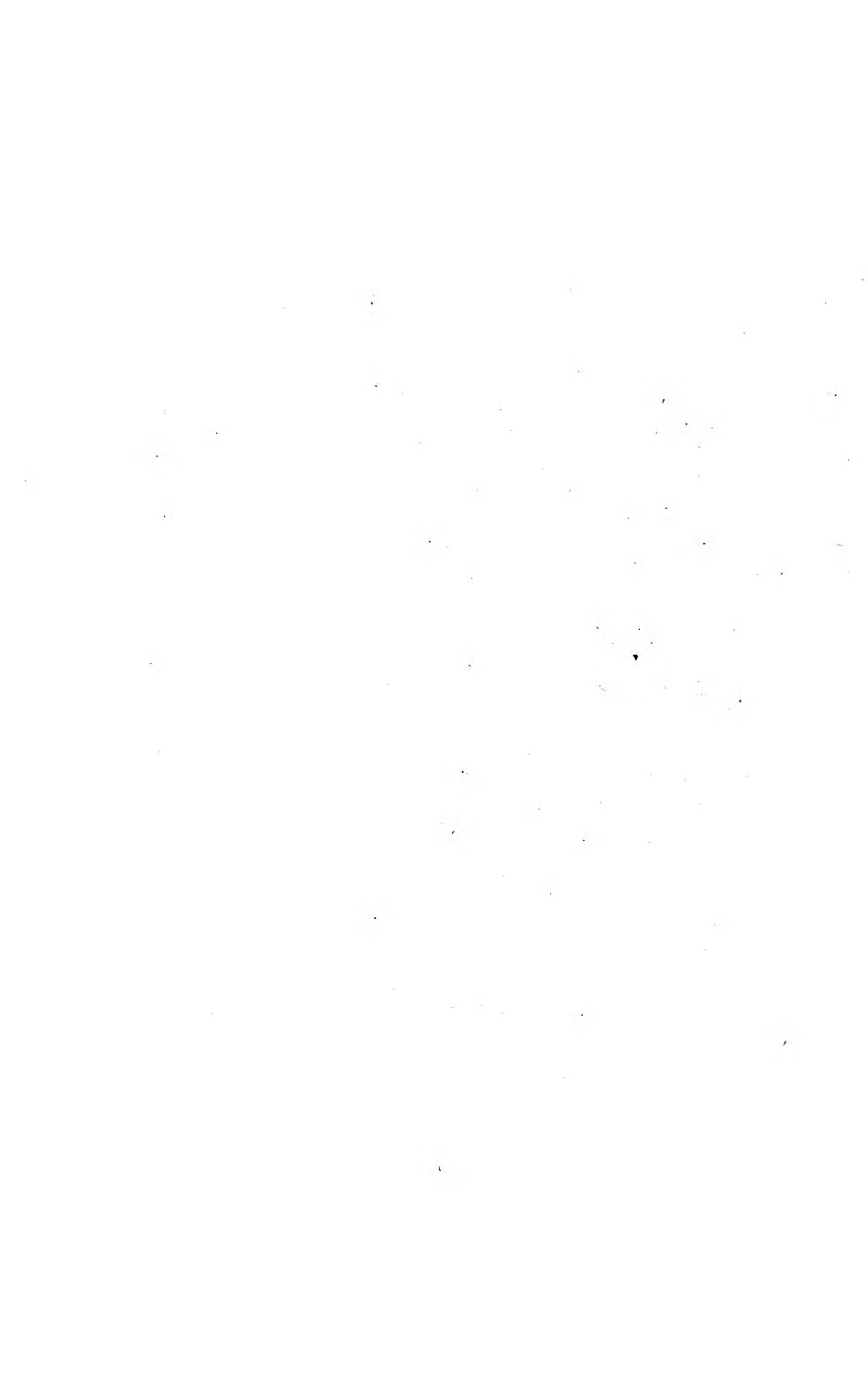
Подписано к печати 18.04.17. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура "SvetlanaD". Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 5000 экз. Заказ №23/2319.

Типография ИК "КАЗакпарат".









ИЗДАТЕЛЬСТВО «АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО»



000001537845



Орис ЯШКУРОВА

